

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ

№ 2 / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
Е. Г. Ревкова,
кандидат педагогических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)

Заместитель главного редактора –
Ш. М. Валитов
доктор экономических наук, профессор (Россия, г. Казань)

Члены редакционной коллегии:

И. А. Беляев – доктор философских наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
И. Б. Береговая – кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)
Е. М. Бухвальд – доктор экономических наук, профессор (Россия, г. Москва)
В. И. Вагизова – доктор экономических наук, профессор (Россия, г. Казань)
И. Г. Кирин – кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
А. М. Максимов – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
В. А. Мальгин – доктор экономических наук, профессор (Россия, г. Казань)
Д. В. Пивоваров – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург)
Н. З. Султанов – доктор технических наук, профессор (Россия, г. Оренбург)
В. Н. Тарасов – доктор технических наук, профессор (Россия, г. Самара)
Т. Л. Тен – доктор технических наук, профессор (Казахстан, г. Алматы)
Т. Д. Федорова – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Саратов)
А. С. Юматов – кандидат экономических наук, доцент (Россия, г. Оренбург)

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН

в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54611 от 01.07.2013 г.

Академический журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

по каталогу российской прессы «Почта России» – 16478.

Члены редакционной коллегии журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции» несут ответственность за все публикуемые материалы. Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics). Все рукописи рецензируются. При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. В. Астафьев

Роль предпринимательских структур
в инновационном развитии национальной
экономики 4

Е. В. Борисова

Роль государственных закупок
в формировании инновационной
экономики России 11

В. Н. Булгаков

Рациональность – нерациональность
ожиданий и матричная модель устойчивого
развития промышленных предприятий 16

И. Н. Домнина, Л. И. Маевская

Формы привлечения инвестиций
в региональные венчурные проекты
с учетом новых экономических реалий 24

А. А. Майоров

Инновационный менеджмент в решении
проблем АПК, направленный
на модернизацию и развитие отрасли 35

А. И. Сметанина

Гипотеза виртуализации
предпринимательской деятельности 43

А. А. Шмарин, А. П. Шмарин,

Методика оценки чувствительности
пассажиры городского общественного
транспорта к влиянию отдельных
показателей качества транспортных услуг
на удовлетворённость 52

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. В. Иващенко, О. В. Двойнина,

А. М. Леднев

Управление проектами в едином
информационном пространстве
научно-производственного предприятия
в контексте bigdata 58

Н. З. Султанов, М. В. Овечкин, Е. В. Костина

Автоматизация управления
обслуживающими аппаратами на основе
распознавания графических данных 65

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

И. А. Аполлонов

Субъект национальной идентичности
в контексте исторического мифа:
между ликом и личиной 70

**Е. А. Бондаренко, В. П. Римский,
Н. Н. Шамардин**

Метаморфозы интеллектуальной
собственности в стадии
«когнитивного капитализма»
индустриальной цивилизации 76

Д. Н. Воропаев

«Становление термина “нигилизм”»
в контексте российской культуры
(на основе анализа статьи В. П. Зубова
«К истории слова “нигилизм”») 84

Н. В. Гончаров

Онтологические и методологические
основания понятия интенциональности
в феноменологии Э. Гуссерля 90

А. М. Максимов, И. А. Беляев

О нравственной многомерности
свободы 95

А. В. Молчанов

Проблема одиночества в традициях
экзистенциализма и персонализма 101

С. Н. Некрасов

Повседневность России
и инновационное развитие
социума 106

Ф. Н. Поносов

Субъекты человеческого познания:
структура и специфика функционирования 113

М. Х. Хаджаров

Амбивалентность толерантности
в социокультурной коммуникации 120

Н. Р. Хамидуллин

К вопросу о содержании понятия
«политический процесс» 127

ANNOTATIONS OF THE ARTICLES

УДК 338

Е. В. Астафьев, кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономики и управления на предприятиях нефтяной и газовой промышленности, Уфимский государственный нефтяной технический университет
e-mail: astafiev82@mail.ru

РОЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена исследованию проблемы, связанной с инновационным развитием национальной экономики на основе активизации деятельности хозяйствующих субъектов. Автор обосновывает необходимость более пристального внимания к предпринимательским структурам, требующим большей поддержки по сравнению с крупными корпоративными структурами. Цель статьи заключается в выявлении основных направлений поддержки инновационного развития предпринимательских структур. В рамках обозначенной цели определены следующие задачи исследования: выявлены показатели инновационной деятельности организаций с разным числом сотрудников, рассмотрено понятие «предпринимательство», выявлены факторы и меры государственной поддержки, благоприятно влияющие на развитие отечественного предпринимательства, исследована значимость малых предприятий для инновационного развития национальной экономики, выделены направления поддержки и развития инноваций в сфере малого бизнеса. При проведении исследования использованы методы анализа и синтеза, статистический, моделирование.

Рассмотренные аспекты позволили автору сделать вывод о том, что устойчивость национальной экономики зависит от сбалансированного гармоничного развития крупного, среднего и малого бизнеса; при этом особое значение имеют инновационно-ориентированные компании, выступающие движущей силой инновационного развития всей экономической системы; предпринимательские структуры можно разделить на три группы, отличающиеся разным отношением к инновациям.

Ключевые слова: национальная экономика, инновационное развитие, предпринимательство, восприимчивость инноваций.

В последнее время национальная экономика подвергается влиянию большого числа факторов внешней и внутренней среды, которые оказывают влияние на деятельность хозяйствующих субъектов. При определении понятия «устойчивость развития системы» для нас близка трактовка, представленная в работе А. В. Золотухиной, М. В. Франца [8], в которой предложено следующее определение: процесс непрерывного качественного совершенствования характеристик социально-экономической системы, базирующийся на инновационной модели и направленный на повышение конкурентоспособности, уровня жизни, на обеспечение баланса интересов. Таким образом, для устойчивости развития национальной экономики особое значение имеет инновационное развитие хозяйствующих субъектов.

Для сокращения отставания национальной экономики от ведущих развитых стран необ-

ходимо формирование и реализация стратегии опережающего развития или, как отмечают многие исследователи, технологического рывка [5]. Технологический рывок представляет собой переход к следующему технологическому укладу и способность реализовывать высокотехнологичную продукцию на мировом рынке наряду со странами-лидерами, а не в группе догоняющих. Однако в России преобладают производства, относящиеся к четвертому и даже третьему технологическим укладам. Соответственно, чтобы добиться лидирующих позиций в мире, не представляется целесообразным делать акцент на развитии производств пятого технологического уклада, в результате которого страна так и останется в группе догоняющих стран, так как ведущие развитые страны начинают развитие направлений шестого технологического уклада. Таким образом, страна нуждается в осуществлении технологического

рынка в ближайшие несколько лет, в этом случае большую роль могут сыграть предпринимательские структуры, занимающиеся инновационной деятельностью.

Следует отметить, что удельный вес расходов на НИОКР в структуре ВВП страны составляет 1,1%, и в некоторых отраслях Россия имеет признанную мировую репутацию (в частности, в авиационной и ракетно-космической промышленности, а также в атомной энергетике). Вместе с тем на сегодняшний день это фактически никак не касается предпринимательской сферы: основная масса НИОКР в России ведется в государственных институтах, слабо связанных с рынком, в то время как коммерческие НИОКР сконцентрированы в сегменте крупных компаний [7]. Совершенно справедливо отмечено в работе А. Л. Сударикова, А. В. Грибовского [15], что в настоящее время представляется нецелесообразным дальнейшее «экзогенное» развитие традиционных инструментов стимулирования инновационной активности субъектов вследствие возрастания потенциальных рисков возникновения «провалов государства» [17], к числу которых относят:

- усиление мер по защите авторских прав может привести к совокупным потерям для общества в целом из-за уменьшения эффекта «спилловера» знаний и инновационных идей и социальной отдачи от инноваций;

- чрезмерное акцентирование на государственных закупках инновационной продукции может отрицательным образом отразиться на эффективности реализации инновационных проектов;

- нерациональное наращивание государственного финансирования может способствовать замещению частного инвестирования в инновационную деятельность и притуплению сигналов рынка;

- увеличение налогового стимулирования на этапе инвестирования может привести к росту фиктивных инвестиций для получения льгот.

Отмеченные инструменты имеют большое значение для активизации инновационной деятельности в национальной экономике, но вместе с тем требуют более пристального внимания для повышения эффективности их использования, а также поощрения в формировании других направлений стимулирования инновационной активности таких, как развитие конкурентных сил, рыночного саморегулирования, мотивации рыночных субъектов к инвестированию в инновации, взаимодействия между участниками инновационного процесса, проведении кооперативных исследований, содействию законному распространению инноваций [1].

При этом если крупные компании, имея значительные ресурсы, способны самостоятельно формировать стратегии инновационного развития, что подтверждается уровнем инновационной активности (рисунок 1), то более мелкие предпринимательские структуры нуждаются в поддержке государства для осуществления инновационной деятельности [2]. В рамках данной статьи поставлена цель по исследованию особенностей развития предпринимательских структур и инновационной деятельности для формирования направлений, способствующих росту их инновационной активности.

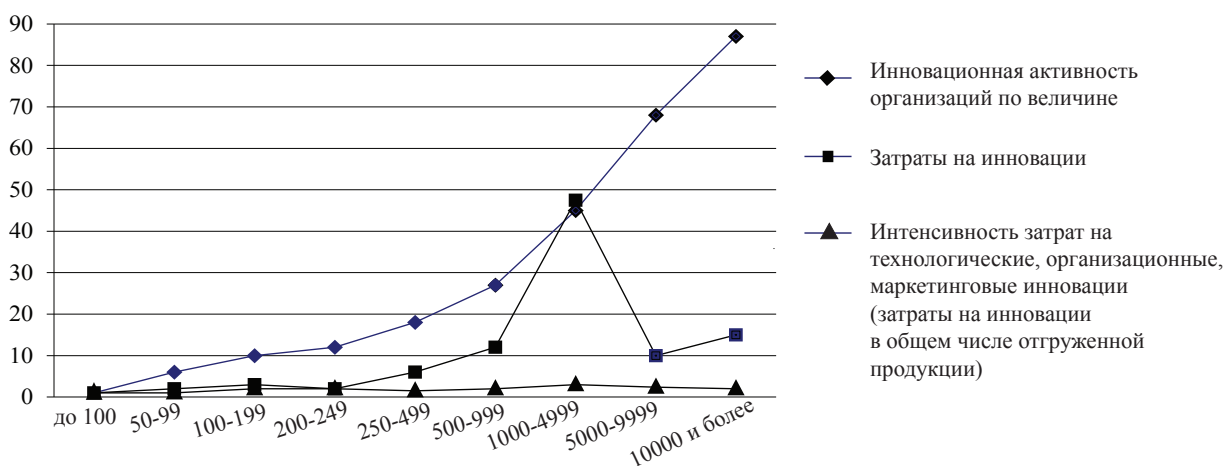

Рис. 1. Показатели инновационной деятельности организаций, отличающихся по величине сотрудников, 2012 г. [13]

Существуют разные трактовки понятия «предпринимательство». В 1994 году, с принятием Федерального закона № 52-ФЗ [10], статья Закона «О предприятиях и предпринимательской деятельности», содержащая определение предпринимательства, была отменена. В Гражданском кодексе понятие предпринимательской деятельности было конкретизировано следующим образом: «Предпринимательством является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Это определение точнее отражает суть предпринимательства как социально-экономического феномена, однако все же упускает важные признаки предпринимательства.

Одним из основоположников исследований по предпринимательству является Й. Шумпетер, который утверждал, что индивид остается предпринимателем только до тех пор, пока он остается новатором, и тотчас перестает быть предпринимателем, как только его деятельность приобретает рутинный характер (общепринятый для данной производственной отрасли). Он полагал, что предпринимателем может быть не только собственник, но и наемный управляющий (менеджер); определяю-

щим признаком здесь является инновационный характер деятельности [16]. Другие известные экономисты К. Макконнел и С. Брю в качестве главного качества в личности предпринимателя выделили предпринимательский талант как особый человеческий ресурс, связывая предпринимательство с четырьмя взаимосвязанными функциями [9]: готовность взять на себя инициативу соединить необходимые ресурсы в производственный процесс; обладать смелостью и способностью принимать решения, которые определяют направление и характер его будущей деятельности, и нести за них правовую и имущественную ответственность; быть новатором, готовым и способным внедрять новые продукты на потребительский рынок, новые технологии в производство, новые формы и методы организации и управления расширенным циклом производства и распределения; быть готовым на взвешенный риск, поскольку в условиях рыночной состязательности (конкуренции) предпринимательский успех и, как следствие, прибыль абсолютно не гарантированы.

Е. В. Омельченко определяет предпринимательство как особый вид производственного бизнеса, связанного с инновационной деятельностью, принимающего на себя все инновационные риски [11], соответственно предпринимателем является тот, кто отражает единство экономической инициативы и самостоятельно-

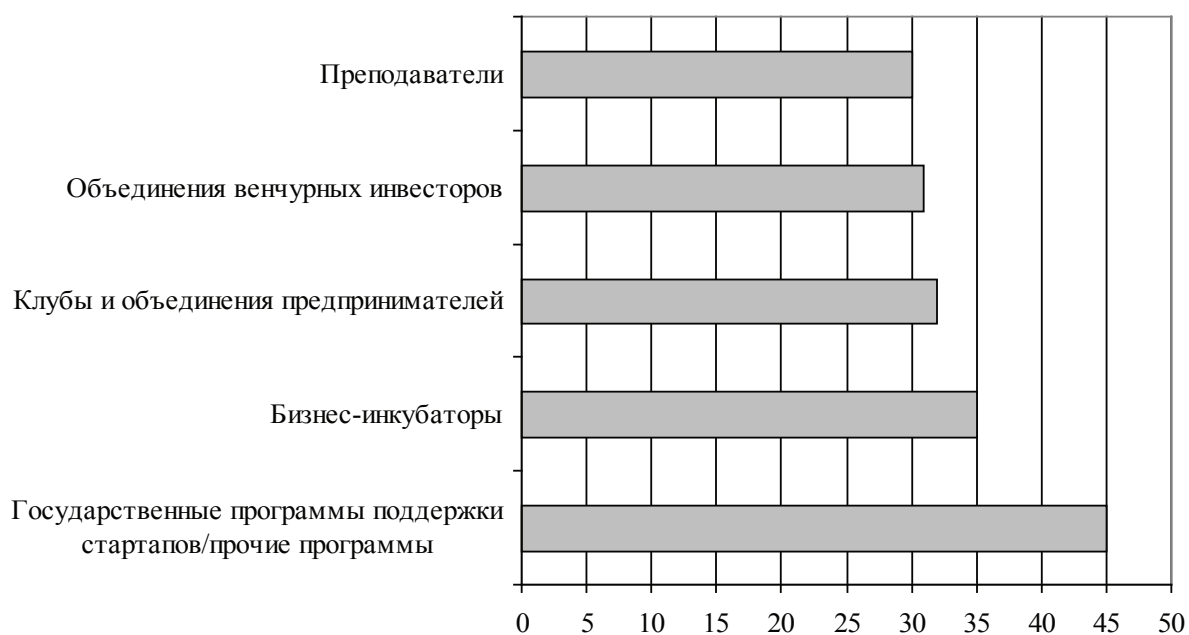

Рис. 2. Проекты и организации, благоприятно влияющие на развитие отечественного предпринимательства [3]

сти, финансовой достаточности и способности к генерации и внедрению технических и технологических инноваций. При этом предпринимательство от обычного бизнеса отличается тем, что имеет новаторский характер производственной деятельности, выражающийся как минимум на отраслевом уровне, а для самых удачных проектов проявляется на национальном и мировом уровнях [4].

Уровень развития предпринимательства в отечественной экономике отстает от развитых стран, однако государственные меры, проводимые в последние годы, способствуют некоторым изменениям, о чем свидетельствует в том числе следующий опрос. В соответствии с результатами рейтинга, представленного компанией Ernst&Young, по мнению опрошенных предпринимателей, в России наблюдаются существенные изменения в работе по оказанию поддержки предпринимательства. Среди проектов и организаций, которые могут оказать существенное влияние на развитие отечественного предпринимательства в долгосрочной перспективе, респондентами отмечены направления, представленные на рисунке 2.

Государственная поддержка предпринимательства включает:

- введение в 2012 году уполномоченного по защите прав предпринимателей;
- изменения в деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации, заключающиеся во внедрении в 2005 году системы «одного окна» при работе с новыми проектами Министерства инвестиционной политики (МИП) или Агентства инвестиционного развития (АИР), существующие в различных регионах России, образуют единую систему поддержки предпринимателей и инвесторов. Это позволяет значительно сократить время и усилия, затрачиваемые предпринимателями на получение лицензий, разрешительных документов и согласований;
- создание индустриальных парков является одной из наиболее эффективных мер стимулирования развития бизнеса в России. В конце 2012 года в стране в общей сложности насчитывалось 303 таких парков, причем их число, судя по всему, будет стремительно расти. Только в 2012 году было объявлено о запуске 50 новых аналогичных проектов;

Таблица 1

Показатели деятельности государственных фондов в 2012 г. [12]

	РВК	Роснано	Фонд «Сколково»	Фонд Бортника
Количество поддержанных проектов	36	16	108	1344
Объем инвестиций, млрд руб.	3,0	33,0	3,0	3,8

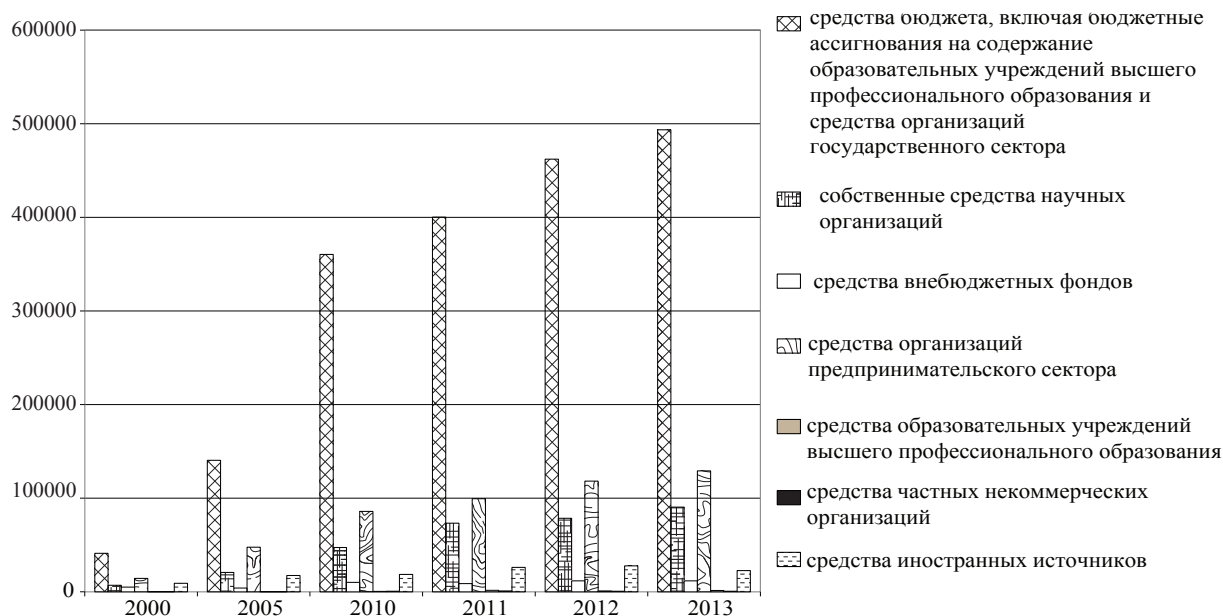

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, млн руб. [14]

- развитие венчурного финансирования. Активизация деятельности российской государственной компании «РОСНАНО», занимающейся венчурным финансированием, инвестирующей в компании, разрабатывающие нанотехнологии. Особую значимость имеют проекты, относящиеся к отраслям с высокотехнологическим потенциалом, среди которых микроэлектроника, биотехнологии, энергетика, авиация и ракетно-космический комплекс. К 2013 году компания инвестировала 6,3 млрд долларов США в более чем 100 предприятий в России и за рубежом. Другим государственным институтом, содействующим развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, является Фонд Бортника, поддерживающий следующие направления развития: IT, медицина, материалы, приборы, биотехнологии. При этом Фонд создан с целью инновационного развития отраслей, а не получения доходов от инвестиций, что объясняет большое число профинансированных проектов, ориентированных как на рынки с объемом более 1 млрд дол. США, так и на менее скромные масштабы. Показатели деятельности ключевых государственных фондов представлены в таблице 1.

Активно развивается крупнейший инновационный центр в Сколково, который будет специализироваться в таких областях, как IT, энергетическая эффективность, атомная энергетика, биомедицина и космические технологии. Задача центра – создать в России условия для инновационного развития. Ученые, исследователи, конструкторы и инженеры центра будут вместе с предпринимателями заниматься коммерциализацией инновационных разработок. При этом, с точки зрения венчурного капитала, Россия в среднем отстает от динамично развивающихся стран, и привлечь такие капиталовложения здесь сложнее. Однако в последние годы темпы роста венчурных инвестиций демонстрируют положительную динамику: в 2012 году их объем составил около 1 млрд долларов США, почти удвоившись по сравнению с 500 млн долларов США в 2011 году.

В целом, в последние десятилетия наблюдается рост объема финансирования исследований и разработок не только за счет бюджетных средств, но и благодаря содействию организаций предпринимательского сектора, что свидетельствует о росте заинтересованности бизнес-структур в инновационном развитии (рис. 3).

Отмеченные меры приводят к положительным результатам, однако, начиная с 2013 года, эксперты отмечают основную тенденцию – сокращение числа стартапов, что объясняется переходом предпринимателей от этапа разработки идей к осуществлению действий по их реализации. Как поясняет президент НАИРИТ Ольга Ускова «это говорит скорее о переходе рынка на более зрелую стадию. Тенденция обусловлена во многом сокращением доли так называемых «быстрых» стартапов, предполагающих сроки окупаемости от одного до нескольких лет. В большинстве случаев они принадлежат к сфере интернет-приложений» [6]. В частности, молодые инноваторы, вдохновленные первыми успехами «быстрых» проектов, занялись созданием группы по разработке всевозможных интернет-сервисов и мобильных приложений, что отразилось на их стремительном росте.

Предпринимательские структуры могут выступать как производителями инноваций (инновационные компании, стартапы), так и потребителями инноваций, внедряя созданные другими субъектами технологии, продукты, процессы. Если рассматривать второй случай, целесообразно отметить модель жизненного цикла принятия инновации, в которой выделяют пять категорий потребителей инноваций: новаторы, ранние последователи, ранее большинство, позднее большинство, увальни. Предпринимательские структуры, относящиеся к первым двум категориям потребителей, характеризуются адаптивностью, ранее и позднее большинство и увальни – восприимчивостью.

Нами предлагается выделить три категории предпринимательских структур, характеризующихся разным отношением к инновациям:

- активные – предпринимательские структуры, самостоятельно или совместно с другими субъектами разрабатывающие инновации. При этом предпринимателей, занимающихся инновационной деятельностью, в соответствии с правилом «Золотого кольца», предложенным американским бизнес-консультантом Саймоном Синек (Simon Sinek), можно поделить на две категории: 1. Разработка и продвижение инновационных проектов происходит со следующей последовательностью ответов на вопросы "Что мы делаем?", затем "Как мы это делаем?" и, наконец, "Почему мы это делаем?". 2. Анализ выдающихся инновационных проектов свидетельствует о том, что настоящие лидеры придерживаются об-

ратного направления при создании инновации (изнутри). Изначально они определяют "Почему мы это делаем?", далее – "Как мы это делаем?" и "Что мы делаем?". Таким образом, первостепенное значение имеет идея, а вопрос о том, за счет каких инструментов ее реализовать, решается в последующем. Помимо этого такие лидеры считают, что целесообразно состоит делать бизнес не со всеми, кто нуждается в товаре, имеющемся у тебя, а в том, чтобы развивать бизнес с людьми, разделяющими то, во что веришь ты;

- активно-пассивные – предпринимательские структуры, которые следят за новинками и в числе первых их приобретают в самом начале жизненного цикла инновации, способные понять и оценить преимущества инноваций, соотнести их со своими интересами, провести адаптацию структуры к их внедрению и использованию, а также при необходимости доработать инновации, то есть привнести свой вклад в общий инновационный процесс;

- пассивные – предпринимательские структуры, которые осуществляют вложения в инновации, ознакомившись с разными источниками информации об их характеристиках для получения прибыли и обеспечения роста.

Таким образом, Россия остро нуждается в новых предприятиях с потенциалом к расширению, деятельность которых была бы непосредственно связана с НИОКР, что предполагает проведение серьезных изменений, направленных на развитие национальной инновационной системы, в числе которых можно отметить проведение «разгосударствления» хозяйствующих субъектов в целях усиления конкуренции и активизации их инновационной деятельности; выявление на региональном и местном уровнях точек роста, в качестве которых могут выступать не только крупные, но и малые предприятия, для оказания им дополнительной поддержки и стимулирования инновационной деятельности.

Литература

1. Астафьев, Е. В. Формирование комплексной системы управления инновациями / Е. В. Астафьев // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 235–237.
2. Астафьева, О. В. Особенности деятельности органов управления на разных этапах развития организации / О. В. Астафьева // В мире научных открытий. – 2013. – № 4.2 (40). – С. 169–183.
3. Барометр предпринимательской активности G20 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eu.com>
4. Буренина, И. В. Совершенствование процесса стратегического управления посредством достижения стратегического единства компании / И. В. Буренина, Г. Ф. Хасанова // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2012. – № 6. – С. 4–8.
5. Глазьев, С. Ю. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики / С. Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2011. – № 4. – С. 68–86.
6. Голова, И. Наука по заказу. Запрос на инновации должен быть сформирован государством [Электронный ресурс] / И. Голова // Российская Бизнес-газета – Инновации. – 2013. – № 910 (32). – URL: <http://www.rg.ru/2013/08/20/uskova.html>
7. Европейский банк реконструкции и развития, *Diversifying Russia: Harnessing Regional Diversity*, (EBRD Publications, 2012 год).
8. Золотухина, А. В. Оценочно-прогнозная модель научно-технического потенциала региона / А. В. Золотухина, М. В. Франц // Экономика региона. – 2012. – № 1. – С. 211–221.
9. Макконелл, К. Экономика / К. Макконелл, С. Брю. – М., 1992.
10. Федеральный закон от 30.11.1994, № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
11. Омельченко, Е. В. Организационно-экономические основы повышения эффективности российского производственного предпринимательства : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Е. В. Омельченко. – М., 2002.
12. Петрова, Ю. Конвейер Бортника / Ю. Петрова // Секрет фирмы. – 2013. – № 10 (335). – С. 88–93.
13. Российский инновационный индекс / под ред. Л. М. Гохберга. – М. : НИУ «Высшая школа экономики», 2014. – 84 с.

14. Российский статистический ежегодник. 2015 : стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 786 с.
15. Судариков, А. Л. Государственно-частные партнерства в сфере науки, технологий и инноваций: зарубежный опыт / А. Л. Сударников, А. В. Грибовский // *Инновации*. – 2012. – № 7 (165). – С. 47–59.
16. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М., 1982.
17. *Innovation Policy and Performance: A Cross-Country Comparison*. – Paris, OECD, 2005.

References

1. Astafyev, E. V. (2012) Formation of complex control system of innovations [Fomirovaniye kompleksnoi sistemy upravleniya innovatsiyami] in *Theory and practice of social development*, No 10, pp. 235–237.
2. Astafeva, O. V. (2013) Features of activity of governing bodies at different stages of organization development [Osobennosti deyatelnosti organov upravleniya na raznykh etapakh razvitiya organizatsii], *In the world of discoveries*, No 4.2 (40), pp. 169–183.
3. Barometer of enterprise activity of G20 [Mezhfirmennyye seti: problema otnoshencheskikh kontraktov], available at: <http://www.ey.com>
4. Burenina, I. V., Khasanova G. F. (2012) Synergy control of the company [Upravleniye sinergiyejii kompanii], *Problems of economy and management of an oil and gas complex*, No 6, pp. 56–64.
5. Glazyev, S. Yu. (2011) On alternative system of measures of a state policy for modernization and development of domestic economy [Ob al'ternativnoi sisteme mer gosudarstvennoi politiki modernizatsii i razvitiya otechestvennoi ekonomiki], *the Russian economic magazine*, No 4, pp. 68–86.
6. Golova, I. Science by request. The request for innovations has to be created by the state [Nauka po zakazu. Zпрос na innovatsii dolzhen byt' sformirovan gosudarstvom], *the Russian Business newspaper – Innovations*, No 910 (32), available at www.rg.ru/2013/08/20/uskova.html
7. European bank of reconstruction and development, *Diversifying Russia: Harnessing Regional Diversity*, (EBRD Publications, 2012).
8. Zolotukhina, A. V., Franz M. W. (2012) Model for Estimation and Prognosis of Scientific and Technical Capacity of the Region [Otsenochno-prognoznaya model' nauchno-tekhnicheskogo potentsiala regiona], *Region Economy*, No. 1, pp. 211–221.
9. Makonell, K., Bryu S. (1992) *Economics*. – Moscow.
10. On introduction of part one of the Civil code of the Russian Federation the Federal law of 30.11.1994, No. 52-FZ. [Federal'nyj zakon ot 30.11.1994, № 52-ФЗ "O vvedenii v dejstviye chaste pervoi Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoi Federatsii"].
11. Omelchenko, E. V. (2002) Organizational and economic bases of increase of efficiency of the Russian production business [Organizatsionno-ekonomicheskiye osnovy povysheniya effektivnosti rossijskogo proizvodstvennogo predprinimatel'stva].
12. Petrova, Yu. Conveyor Bortnika [Konvejier Bortnika] (2013), *Secret of firm*, No 10 (335), pp. 88–93.
13. Gokhberg, L. M. (2014) *The Russian innovative index* [Rossijskij innovatsionnyj indeks], Moscow, National research university "Higher School of Economics", 84 p.
14. Russian statistical year-book (2015) [Rossijskij statisticheskij ezhegodnik] Rosstat, Moscow, 786 p.
15. Sudarikov, A. L., Gribovsky A. V. (2012) Public-private partnerships in the sphere of science, technologies and innovations: foreign experience [Gosudarstvenno-chastnyye partnyerstva v sfere nauki, tekhnologii i inoovatsiji: zarubezhnyj], *Innovations*, No 7 (165), pp. 47–59.
16. Shumpeter, Y. (1982) *Theory of economic development* [Teoriya ekonomicheskogo razvitiya], Moscow.
17. *Innovation Policy and Performance: A Cross-Country Comparison*, Paris, OECD, 2005.

УДК 338.1

Е. В. Борисова, аспирант, кафедра общей экономической теории,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
e-mail: cath.borisova@gmail.com

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Цель статьи – рассмотрение вопросов развития контрактной системы государственных закупок как существенного фактора формирования экономики инновационного типа. Задачами исследования являются раскрытие инструментария государственного регулирования, обеспечение удовлетворения общественных потребностей через принцип «инновационности закупаемой продукции» контрактной системы. Методологической базой исследования послужили законодательно-нормативные акты контрактной системы государственных закупок, труды отечественных и зарубежных специалистов по исследуемой проблематике, методы анализа, теории систем, статистические методы. Актуальность темы обусловлена тем, что экономический рост и модернизация отраслей экономики Российской Федерации возможны при проведении государственной политики, направленной на формирование новой структуры экономики инновационного типа. Государственные закупки становятся существенным фактором формирования такой экономики. Для адекватного ответа на современные вызовы развития инновационной экономики Российской Федерации необходимо развивать институты государственного регулирования, в том числе в рамках реализации контрактной системы, теоретически осмыслить и далее методически разработать и выработать практические рекомендации по формированию инструментария закупки инновационной продукции для государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: инновационная экономика, государственные закупки, контрактная система, критерии инновационности продукции.

Одной из важнейших задач управления государственными ресурсами является достижение эффективности осуществления государственных закупок. С точки зрения государства, система государственных закупок должна отвечать потребностям соответствующих субъектов: государства и субъектов федерации.

Начавшаяся в 1997 г. (с изданием Указа Президента РФ от 08 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд») и продолжающаяся в настоящее время реформа системы государственных закупок до сих пор не в полной мере отвечает требованиям эффективности расходования государственных средств [3]. Современная российская система государственных закупок прошла свое становление через несколько этапов [8]. Инновации необходимы, особенно в условиях кризисных ситуаций развития страны. По мнению Й. А. Шумпетера, для снижения издержек производства и вводятся инновации. «Если

кто-нибудь обладает всем необходимым, чтобы добиться успеха... и может получить необходимый кредит (то есть получить какие-либо преференции со стороны других субъектов, в том числе государства), он сможет с меньшими затратами произвести и доставить на рынок единицу продукта» [10].

В центре большинства внедряемых в мире инициатив политики стимулирования спроса на инновации лежит инструментарий государственных закупок. В целях государственного стимулирования инновационных процессов государство выступает крупнейшим, с одной стороны, заказчиком, с другой стороны – потребителем товаров, работ, услуг большого спектра отраслей. Тем самым, превращая государственный спрос в важнейший рычаг регулирования экономики, который оказывает влияние на структуру и динамику ее развития.

Безусловно, важный вклад в развитие российской экономики внес принятый 05 апреля 2013 г. Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров,

работ и услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее 44-ФЗ) в целях создания институтов эффективного удовлетворения государственных и муниципальных нужд [2].

Ежегодный объем закупок органов власти составляет 8,4 трлн рублей, еще на 8 трлн рублей закупают государственные корпорации, компании с государственным участием, естественные монополии и учреждения [6]. Более 22% ВВП охватывают так или иначе контрактные отношения в рамках государственных закупок. Механизмы и принципы, заложенные в 44-ФЗ, призваны повысить эффективность контрактной системы от стадии планирования до исполнения каждого контракта, который должен быть нацелен на удовлетворение государственных нужд.

Переход на контрактную систему государственных закупок, осуществленный в 2014 г., показал, что ее введение стало существенным фактором развития российской экономики и дало определенные результаты.

В отличие от действовавшего Федерального закона от 21.07.2015 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставку товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее 94-ФЗ), который четко регламентировал только стадию размещения заказа, т.е. действия заказчиков по определению того поставщика, с которым будет заключен контракт, сфера регулирования закона о контрактной системе расширила процесс государственных закупок начиная с планирования, включая определение поставщика и завершая исполнением контракта [1]. Первые итоги реализации 44-ФЗ показали, что достигнута экономия бюджетных средств федерального и

консолидированного бюджетов 2014 г. в рамках контрактной системы возросла с 424 млрд руб. в 2013 г. до 891 млрд руб. в 2014 г. (рис. 1) [4].

Понятно, что экономия бюджетных средств еще не является показателем эффективности их расходования. Однако необходимо принимать во внимание, что такая экономия достигается при разнице между начальной ценой контракта и ценой контракта, заключенного с победителем. При этом в идеале принимается, что заказчики должны заранее заложить качественные характеристики в описание того объекта закупки, который и является предметом закупки. И при прочих равных условиях выбирается тот поставщик, который предложил минимальную цену.

Государство в лице государственных и муниципальных заказчиков на законодательном уровне определяет требования к закупаемой продукции, которая должна учитывать и антикоррупционную составляющую [5]. В соответствии с основополагающим законом в этой области, 44-ФЗ, одним из основных шести принципов закупки назван принцип закупки инновационной и высокотехнологичной продукции. Тем самым государство определяет рыночный тренд, который повлечет за собой возможность проникновения на рынок инновационной продукции. И в этой сфере государственные закупки выступают инструментом экономической политики, которая должна определять перспективы развития страны, ориентируясь на реформирование структуры экономики, перевод от сырьевой ее зависимости к структуре инновационного типа.

Несмотря на то что государство, обладая значительными ресурсами и средствами, сам

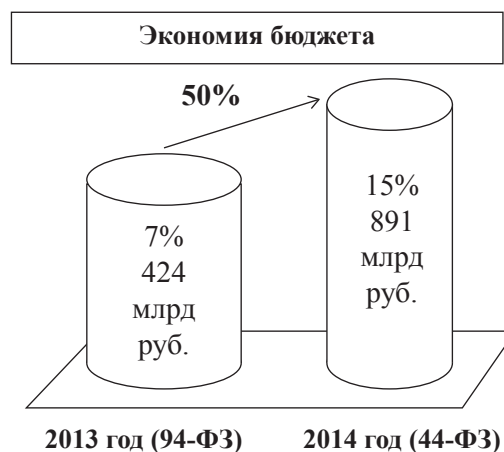

Рис. 1. Экономия расходования бюджетных средств в 2013–2014 гг.

механизм стимулирования спроса на инновации, на наш взгляд, только продекларировало. Принцип инновационности закупаемой продукции в законе 44-ФЗ до сих пор четко не проработан.

Во-первых, до сих пор остается дискуссионным вопрос терминологии, какая продукция должна быть отнесена к «инновационной» или «высокотехнологичной». Инновационная модель развития экономики, безусловно, основана на прорывных технологиях нового уклада [7], [9].

При описании объекта закупки, заказчики должны четко описать свои требования. Но в самом законодательстве присутствуют подводные камни на пути приобретения инновационной и высокотехнологической продукции, вызванные также спецификой приобретаемой продукции.

Отнесение товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологической продукции должно происходить по соответствующим критериям. По состоянию на 01.12.2014 г., несколькими федеральными органами исполнительной власти: Министерство РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС), Министерство здравоохранения РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство связи и массовых коммуникаций РФ и Федеральная миграционная служба соответствующими приказами утвердили такие критерии. Основными критерии отнесения продукции к инновационной продукции по основным представленным органам федеральной исполнительной власти являются : 1) научно-техническая новизна; 2) внедрение товаров, работ, услуг; 3) экономический эффект реализации товаров, работ, услуг; 4) наукоемкость товаров, работ, услуг.

Наиболее полно критерии инновационности расписаны Минпромторгом РФ, которое к такому отнесло: 1) потребительские свойства товара являются новыми; 2) при производстве используются впервые внедренные результаты НИОКР; 3) потребительские свойства товара являются улучшенными; 4) при производстве товара используются новые технологии; 5) при выполнении работы (оказании услуги) используются ранее не используемые результаты НИОКР; 6) выполнение работы (оказание услуги)

связано с использованием новых технологий; 7) работа выполняется (услуга оказывается) в области, где ранее не выполнялась (не оказывалась); 8) работа и услуга являются новыми; 9) при использовании результатов интеллектуальной собственности; 10) при использовании новых, научно-технических, конструктивных и технологических решений.

Что касается критериев отнесения продукции к высокотехнологичной, то выделяются следующие: 1) продукция оказывается предприятиями наукоемких отраслей; 2) производятся с использованием новейших технологий; 3) производятся, выполняются, оказываются с участием высококвалифицированного персонала. В некоторых ведомствах в этом блоке критериев также отмечают, что продукция должна соответствовать приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в РФ.

Таким образом, федеральные органы исполнительной власти используют похожие критерии отнесения товаров, работ, услуг к инновационным и высокотехнологичным. Однако для всех государственных и муниципальных заказчиков нет методологии выработки таких критериев. На наш взгляд, необходимо разработать единые критерии, что позволит повысить эффективность расходов на закупку инновационной и высокотехнологичной продукции.

Во-вторых, по-прежнему основным критерием закупок продукции для государственных нужд, особенно в условиях сокращения бюджетных средств, остается цена, т.е. выбор поставщика, с которым заключается государственный или муниципальный контракт, во многом определяется наименьшим предложением цены. Данное обстоятельство не позволяет заказчикам ориентироваться на инновационную, более дорогостоящую составляющую при выборе поставщика.

В-третьих, если рассматривать спрос со стороны государства, то его можно разбить на три уровня: спрос федеральных заказчиков, заказчиков субъектов федерации (государственные нужды) и муниципальные заказчики (муниципальные нужды). При этом можно отметить, что заказчики самостоятельно планируют и обосновывают, что им закупать, то есть их закупки проводятся в отрыве от отраслевых министерств или государственных учреждений, уполномоченных на содействие инновациям. Такая разбивка объема государственного спро-

са создает риск существенного уменьшения объема закупок инновационной продукции.

Исходя из вышеизложенного необходимо, на наш взгляд, во-первых, для адекватного ответа на современные вызовы развития инновационной экономики РФ, развивать институты государственного регулирования, в том числе в рамках реализации контрактной системы в целях удовлетворения государственных (общественных) потребностей.

Во-вторых, необходимо теоретически осмыслить и далее методически разработать и выработать практические рекомендации по формированию инструментария закупки инно-

вационной продукции для государственных и муниципальных нужд. Очень важно полно и конкретно описать систему оценки критерия «инновационности» закупаемых товаров, работ, услуг по разным направлениям экономической деятельности

Контрактная система закупок как инструмент государственного регулирования используется недостаточно эффективно с точки зрения ориентации участников контрактной системы на инновационное развитие, она должна быть модернизирована и закупаемые государством товары, работы, услуги должны иметь инновационный компонент

Литература

1. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. 1). – ст. 3105.
2. Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – ст. 1652.
3. Указ Президента РФ от 08 апреля 1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 15. – ст. 1756.
4. Департамент развития контрактной системы Министерства экономического развития РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depfks>
5. Андреев, В. В. Коррупция и ответственность в сфере государственных закупок / В. В. Андреев, Е. Р. Борисова. – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2009. – 192 с.
6. Борисова, Е. Р. Контрактная система государственных закупок как фактор развития российской экономики / Е. Р. Борисова // Вестник Российского университета кооперации. – 2013. – № 2 (12). – С. 12–17.
7. Глазьев, С. Ю. Технологическая основа глобальной динамики и противоборства / С. Ю. Глазьев // Партнерство цивилизаций. – 2014. – № 3–4. – С. 120–142.
8. Кротов, М. И. Политико-экономические проблемы модернизации: опыт России и СНГ (очерки) / М. И. Кротов. – СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2011. – 292 с.
9. Diffusing Technology to Industry: Government Policies and Programmes. – Paris : OECD, 1997. – P. 18.
10. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – С. 282.

References

1. Federal law of 21 July 2005 No 94-FZ (2005), "On placing orders for deliveries of goods, performance of works, rendering services for state and municipal needs" [O razmeschenii zakazov na postavki tovarov, rabot, uslug dlia gosudarstvennich i munizipalnich nuzd], *Collected legislation of the Russian Federation*, No 30 (p. 1), art. 3105.
2. Federal law of 05.04.2013 No 44-FZ (2013), "On contract system in procurement of goods, works, services for state and municipal needs" [O kontraktnoy sisteme gosudarstvennich i munizipalnich zakupok tovarov, rabot, uslug dlia gosudarstvennich i munizipalnich nuzd], *Collected legislation of the Russian Federation*, No 14. art. 1652.
3. The decree of the President of the Russian Federation from 08 April 1997 No. 305 (1997) "On priority measures for prevention of corruption and reduction of budget expenditures in the organization

---

of procurement of goods for state needs" [O pervoocherednich merakh po predotvrashenii korrupsii i sokrashenii budgetnich raschodov pri organizazii zakupki produkzii dlia gosudarstvennich nusd] *Collected legislation of the Russian Federation*, No 15. art. 1756.

4. The contract system development of the Ministry of economic development of the Russian Federation [Department razvitiia kontraktnoi sistemi Ministerstva ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii], available at: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depfks>

5. Andreev, V., Borisova, E. (2009) Corruption and responsibility in the field of public procurement [Korrupsiia i otvetstvennost v sfere gosudarstvennich zakupok, Cheboksary, pp. 192.

6. Borisova, E. (2013) "Contract system of public procurement as a factor of development of the Russian economy" [Kontraktnoy sisteme gosudarstvennich zakupok kak factor razvitiia rossiiskoi ekonomiki], *Bulletin of the Russian University of cooperation*, No 2 (12), pp. 12–17.

7. Glazyev, S. (2014) "Technology Foundation global dynamics and confrontation" [Technologicheskaiia osnova globalnoi dinamiki i protivoborstva], *Partnership of civilizations*, No 3–4, pp. 120–142.

8. Krotov, M. (2011) *Political-economic problems of modernization: the experience of Russia and the CIS (essays)* [Politiko-ekonomicheskie problemi modernizatsii: opit Rossii i SNG], Publishing house of St. Petersburg. state University, SPb., pp. 292.

9. Diffusing Technology to Industry: Government Policies and Programmes (1997) [Differenzaziia tehnologii v promishlennosti gosudarstvenniie strategii I programmi]. OECD, Paris, pp. 18.

10. Schumpeter, J. (1982) Theory of economic development [Teoriia ekonomicheskogo razvitiia], Progress, Moscow, pp. 282.

УДК 330.34.014.2

В. Н. Булгаков, кандидат экономических наук, генеральный директор Краснодарской краевой консультационной фирмы по оказанию социально-экономических услуг
e-mail: KKF 23 yandex @.ru

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ-НЕРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ОЖИДАНИЙ И МАТРИЧНАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Экономика предприятий обуславливает роль, которую играют их ожидания будущих событий в определении настоящих. Из неопределенности будущего вытекает, прежде всего, то, что информация, необходимая предприятиям, оптимизирующим свое поведение, существующим рынком не обеспечивается. В то же время механизм устойчивого развития промышленных предприятий должен учитывать рациональную и нерациональную природу поведения участников рынка, определяющих в конечном итоге выбор цели, рациональность и нерациональность исхода ожиданий предприятий. В настоящей работе рассмотрен механизм устойчивого развития предприятия в условиях рациональности и нерациональности ожиданий, который описан моделью, отражающей его как функцию от состояния внутренней и внешней среды, а также критериев нормативной устойчивости. Сделан вывод, что экономически устойчивое развитие любого региона невозможно без устойчивой работы предприятий и организаций, действующих в этом регионе, которые рассматривают ожидания как оценку вероятности определенного события.

Ключевые слова: рациональность, нерациональность, ожидания, факторы, критерии, устойчивое развитие.

То обстоятельство, что большая часть деятельности предприятий и их устойчивое развитие в условиях рациональности-нерациональности ожиданий ориентирована на будущее, а набор альтернативных вариантов деятельности и последствия выбора одного из них предприятиям полностью не известны, является неотъемлемой чертой процесса их ожиданий. Если предприятия, как участники рынка, принимают решения и действуют исходя из неверных ожиданий, то состояние экономики никогда не будет равновесно-устойчивым¹ [16, 28].

В то же время ожидания большинства предприятий основывается на предположении, что все рынки и цены экономической системы находятся в состоянии равновесия, полностью подчинены логике, всецело обращены на достижение поставленной цели и свободны от дестабилизирующих влияний или нерационального поведения. Однако они лишены возможности точно знать, какая ситуация сложится на рынке в результате их действий, и вынуждены ориентироваться на собственные прогнозы, которые строятся на базе информа-

ции, доступной им в данный момент. Поэтому предполагается, что ожидания предприятий, как субъектов рынка, **рациональны**, т. е. порождены оптимальным использованием всей доступной им информации. Хотя в реальной жизни существует подобное, однако в поведении большинства предприятий гораздо больше неопределенности и склонности ошибаться, то есть, с экономической точки зрения, вести себя **нерационально** [25, 26, 28, 30].

Споры о рациональном или нерациональном поведении и «мышлении» предприятий как экономических субъектов ведутся давно и, в каком-то смысле, необходимы для исследования проблем устойчивого развития в быстро изменяющейся внешней и внутренней среде предприятий. Нет сомнения в том, что обсуждение статуса рациональности, нерациональности и устойчивого развития промышленных предприятий, их роли и значения в системе отраслей, осмыслении и оценки «рационального начала» в их современной жизни является в настоящее время одной из наиболее актуальных тем.

¹ Под ожиданиями в этом случае понимают предположения или мнения относительно будущих значений экономических переменных.

Проблематике рациональности-нерациональности ожиданий и устойчивого развития посвящены работы авторов: Н. С. Автономовой, А. А. Алабугина, М. А. Алексеева, Дж. М. Бьюкенена, Н. М. Валеева, Л. Д. Гудкова, Л. В. Канторовича. Свой вклад в решение и изучение проблемы внесли Г. Б. Клейнер, З. В. Коробкова, Н. Г. Мэнкью, В. Ньютон-Смит, Е. А. Полевский и другие.

Однако в значительной части эти исследования охватывают только рациональность ожиданий и устойчивого развития предприятий, не раскрывая возможной нерациональности их поведения. В настоящей работе автор рассматривает механизм устойчивого развития предприятия в условиях рациональности и нерациональности ожиданий как функцию от состояния внутренней и внешней среды, а также критериев желаемой или нормативной устойчивости.

Концепция устойчивого развития объединяет три основные точки зрения: экономическую, социальную, экологическую и подразумевает их сбалансированность, оптимальное использование ограниченных ресурсов, ориентированность на человека, сохранение стабильности социальных и культурных систем, достижение межпоколенной справедливости и т.п. При этом суть устойчивого развития состоит в обеспечении высоких значений показателей социального, экономического и экологического состояния страны в течение длительного периода времени, при условии соответствующего устойчивого развития ее отдельных регионов. В то же время «экономически устойчивое развитие любого региона невозможно без устойчивой работы предприятий и организаций, действующих в этом регионе», которые рассматривают ожидания как оценку вероятности определенного события [6, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26].

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, под *рациональными ожиданиями* можно понимать «вероятностные суждения о состоянии

какого-либо явления в будущем на основе способности субъекта мыслить и действовать в пределах разумных норм и правил, заключенных в рамки общепринятой критериальной системы, соблюдение которых является условием достижения цели. Соответственно, под *нерациональными ожиданиями* можно понимать вероятностные суждения субъекта о наступлении какого-либо события в будущем, выходящие за рамки общепринятой критериальной системы¹.

«С точки зрения субъекта, отождествившего свою рациональность с какой-либо системой критериев (моделью), отклонение от этой системы – нерационально. Нерациональность в данном случае – чистая негативность, отсутствие положительного содержания, паралич умственной деятельности и т.п.» [1, 20]. В этом парадокс рациональности. Подчинив свою интеллектуальную или практическую деятельность системе критериев, субъект утрачивает ту рациональность, благодаря которой возможна критическая рефлексия и ревизия любых систем и всяческих критериев. Его рациональность полностью растворяется в избранной или навязанной ему системе. Но если он решится на пересмотр или даже на разрушение этой системы, попытается улучшить ее или заменить другой, он поступает нерационально. Эта нерациональность как раз и выражает рациональность, присущую ему как разумному существу: субъект рационален тогда, когда он нерационален, и наоборот. «*Нерациональное*, таким образом, есть абсолютизация творческого момента, всегда присущего познанию: то, что прежде выступало как иррациональное, неразумное, нарушающее логические законы, в дальнейшем с неизбежностью будет рационализировано, подчинено правилу, затем само станет правилом и, наконец, вплотную подойдет к тому моменту, когда и это правило нужно будет преодолеть» [2, 20]. Рациональность, заключенную в рамки критериальной системы, часто принимают за ограничитель субъективной свободы и творчества. Рациональность,

¹ При этом под *общепринятой критериальной системой* $\sum_{i=1}^{i=N} z_i(t) = z \in Z$ – мы понимаем существующее в конкретно рассматриваемый момент или период времени научное знание Z всего множества знаний научных сообществ, $\sum_{i=0}^{i=N} z_i(t)$ оцениваемое, определяемое или классифицируемое общепринятой научной совокупностью признаков (мерил оценки, систем измерения и т.п.) существующих на тот же момент или период времени.

выводящая из этих рамок, ревизирующая любую нормативность, столь же часто принимается за человеческую свободу и творчество. В этом смысле в научно-методологических рассуждениях появляется *личность*, как субъект рационального действия. Противоречие между нормативно-критериальной и критико-рефлексивной рациональностями есть одна из форм человеческой свободы [9, 20].

В то же время следует отметить неоднозначность понятий рациональность / нерациональность устойчивого развития промышленных предприятий, поскольку существуют расхождения в толковании понятия «устойчивость» как основы концепции устойчивого развития, под которым понимается важнейшее свойство сложных систем, обуславливающее их жизнеспособность, адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды. Полагается, что термин «устойчивость» занимает важное место в научном познании (проблема равновесия, экономико-математическое моделирование, кибернетика, синергетика и т. п.), но к концепции устойчивого развития он прямого отношения не имеет. Рассмотрение и анализ экономической системы с позиции ее «устойчивости» оправдано при анализе ее безопасности и изучения пороговых значений ее существования [14]. С позиции же эффективности – наибольшую проблематику содержит термин «развитие», а «устойчивость» представляет неопределенно длительный процесс сохранения тех характеристик, которые определены в «развитии» и от которых зависит существование и реализация самой концепции устойчивого развития. В общих чертах под понятием «развитие» понимается эффект от добавления к необходимому экономическому росту, определенного повышения сложности, причем этот процесс должен сопровождаться структурными изменениями, позволяющими обеспечить его постоянность. Развитие – это процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное [14, 15].

В этой связи под характеристиками устойчивого развития предприятия мы понимаем: увеличение сложности его систем; улучшение приспособленности к внешним условиям; увеличение масштабов и качественное улучшение его структуры; социальный прогресс; переход

от одного состояния к другому более совершенному; необратимость и стабильность развития и т.п.

Проведенные исследования показали, что в настоящее время нет достаточно полной формализованной теории по формированию механизма устойчивого развития предприятий в условиях рациональности и нерациональности ожиданий. В лучшем случае можно говорить только об отдельных подходах, из которых, к сожалению, еще не видны контуры этой теории [3, 4, 5, 7, 8, 9, 29].

Мы предлагаем подход, учитывающий изменения внутренней и внешней среды, динамику экономического роста и направление вектора устойчивого развития, рациональность и нерациональность ожиданий предприятий и другие факторы. В общем виде предлагаемая автором настоящего исследования модель устойчивого развития предприятий в условиях рациональности и нерациональности ожиданий U_{RNP} включает различные по уровню сложности случаи (теоретические и прикладные), на которые переносятся все формальные результаты, полученные для модели в матричной форме. Приведём допущения модели U_{RNP} , которые, на наш взгляд, дают полное формальное описание соотношений между используемыми понятиями. В этом случае мы имеем группу линейных неравенств, приведённую ниже: векторно-матричные неравенства (2) – (4), которые составляют содержание модели U_{RNP} . Группа неравенств (2–4) описывает затратную (производственную, технологическую и т.п.) и устойчивую (ценностную, социальную, экологическую и т.п.) сферы модели U_{RNP} . Приведём формулировки допущений модели U_{RNP} .

1) Ресурсы и устойчивость затратного процесса связаны между собой следующим образом: в каждом затратном процессе Θ_i ресурс Ψ_j затрачивается в количестве a_i единиц с устойчивостью затратного процесса¹ в количестве b_i единиц, так, что

$$a_i \geq 0; b_i \geq 0, (1)$$

если в процессе Θ_i ресурс Ψ_j не затрачивается, то $a_i = 0$ ($b_i = 0$).

Следовательно, каждый основной затратный процесс Θ_i характеризуется (формально описывается) упорядоченной парой векторов:

¹ Под устойчивостью затратного процесса мы понимаем конечные результаты затратного процесса, в том числе продукты, их ценовые, потребительские, экологические, социальные и другие характеристики.

вектором затрат a_i и вектором устойчивости затратного процесса b_i , то есть $\Theta_i = (a_i, b_i)$.

Описанное соотношение необходимо предполагает производство ресурсов друг из друга, соединённые затраты (если хотя бы для двух разных ресурсов Ψ_k и Ψ_j соответствующие a_{ik} и a_{ij} не равны нулю) и соединённую устойчивость затратных процессов (если хотя бы для двух разных ресурсов Ψ_k и Ψ_j соответствующие b_{ik} и b_{ij} не равны нулю).

Благодаря условиям (1) векторы a_i , b_i и матрицы A и B , составленные из этих векторов, являются неотрицательными. Модель U_{RNP} легко обобщается на случай, когда матрицы A и B могут содержать отрицательные элементы. С содержательной точки зрения этот случай является важным.

2) Модель U_{RNP} является линейной. Это значит, что если затратные процессы $\Theta_1, \dots, \Theta_n$ применяются с устойчивостью: $z_1, \dots, z_n$, где $z_1, \dots, z_n$ неотрицательные числа, то мы получаем процесс $z_1\Theta_1, \dots, z_n\Theta_n$, который характеризуется, формально описывается упорядоченной парой векторов: вектором затрат $z_1a_1 + \dots + z_na_n = zA$ и вектором устойчивости $z_1b_1 + \dots + z_nb_n = zB$, то есть:

$$z_1\Theta_1 + \dots + z_n\Theta_n = (zA, zB) = z_1(a_1, b_1) + \dots + z_n(a_n, b_n).$$

Поэтому упорядоченную пару (zA, zB) m – мерных векторов ($z \geq 0$) естественно называть допустимым устойчивым затратным процессом модели U_{RNP} . Если затратный процесс Θ_i не используется, то $z_i = 0$. Очевидно, что основные затратные процессы $\Theta_i = (a_i, b_i)$ являются устойчиво-допустимыми и всякий устойчиво-допустимый затратный процесс (zA, zB) есть неотрицательная линейная комбинация:

$$(zA, zB) = z_1(a_1, b_1) + \dots + z_n(a_n, b_n)^1.$$

В качестве единицы устойчивости можно использовать относительную безразмерную или какую-либо иную величину.

3) Каждый затратный процесс применяется (используется) в течение одной единицы времени.

Эту единицу времени, которая может равняться, например, одному году, мы будем называть периодом. Период $(t - 1, t)$ начинается в момент $t - 1$ и оканчивается в момент t .

Пусть число периодов равно T . Совокупность периодов $(0, 1), (1, 2), \dots, (T - 1, T)$ будем называть временным интервалом модели. Следовательно, продолжительность временного интервала равна числу периодов, т. е. T . Если в действительности окажется, что некоторый затратный процесс применяется более продолжительное время, чем, скажем, производственный период, то этот процесс необходимо представить в виде нескольких отдельных процессов единичной продолжительности с введением, если необходимо, дополнительных ресурсов. Так что модель U_{RNP} может использоваться и в том случае, когда существуют затратные процессы принципиально разной продолжительности².

Обозначим символом $z(t) = (z_1(t), \dots, z_n(t))$, $z_i(t)$ ($i = 1, \dots, n$) вектор устойчивости, с которой применяются процессы Θ_i в периоде $(t - 1, t)$. Тогда в этом периоде вектор затрат и вектор устойчивости затратного процесса соответственно равны $z(t)A$ и $z(t)B$ ($t = 1, 2, \dots, T$). Поскольку $z_i(t)$ ($i = 1, \dots, n$) неотрицательные числа, вектор $z(t) \geq 0$.

4) Модель U_{RNP} является замкнутой. Формально это означает, что:

$$z(1)A \leq z(0)B, (2)$$

$$z(t + 1)A - z(t)B \leq 0 \quad (t = 1, \dots, T - 1), (3)$$

При $(t = 1, \dots, T - 1)$ векторно-матричное неравенство (3) показывает, что устойчивость затратного процесса $z(t)B$ (и только она), полученная в периоде $(t - 1, t)$, используется в следующем периоде $(t, t + 1)$ в качестве ресурсов. Другими словами, в периоде $(t, t + 1)$ невозможно затратить ресурсов больше, чем их

¹ При описании реальной картины устойчивого развития предприятия на высоком уровне агрегирования допустимо использование линейных моделей. При детальном же описании устойчивого развития может оказаться, что основной затратный процесс Θ_i отражает какой-либо реальный процесс, который в принципе нельзя дробить (т. е., например, выражение $0,5 \Theta_i$ может оказаться экономически бессмысленным). В такой и подобных ситуациях применение модели U_{RNP} является недопустимым.

² Если, например, первый ресурс Ψ_1 означает затрачиваемое (используемое) оборудование, которое не используется полностью в течение одного периода (года), то это оборудование необходимо отразить и в векторе устойчивости затратного процесса с учетом износа. Если $a_{11} = 1$, то в этом случае, например, $b_{11} = 0,9$.

было получено в предыдущем периоде $(t-1, t)$. Устойчивость предыдущего периода фактически является ресурсами для последующего периода. При $t=0$ векторно-матричное неравенство (2) показывает, что в первом периоде $(0, 1)$ вектор затрат $z(1)A$ не превосходит вектора $z(0)B$, который можно интерпретировать как вектор начальных запасов.

Таким образом, векторно-матричное неравенство (3) при фиксированном t , связывая между собой векторы устойчивости $z(t)$ и $z(t+1)$ двух смежных периодов $(t-1, t)$ и $(t, t+1)$, дает локальное (по времени) описание возможного затратного процесса. Вся совокупность неравенств (2), (3) связывает между собой векторы устойчивости $z(1), \dots, z(T)$ всех последовательных периодов $(0, 1), \dots, (T-1, T)$ и, следовательно, дает глобальное (по времени) описание возможного затратного процесса.

Переход устойчивости затратного процесса в следующий период и использование только его в качестве ресурсов для затрат означают, что из модели U_{RP} ничего не изымается и в нее ничего извне не добавляется.

Система векторно-матричных неравенств (2), (3) и

$$z(t) \geq 0 \quad (t = 1, \dots, T) \quad (4)$$

описывает затратную сферу и устойчивость модели U_{RNP} .

В системе неравенств (2) – (4) заданными величинами являются матрицы A, B и вектор $z(0) = z^0$, а искомыми – векторы $z(t)$ устойчивости в периоды $(t-1, t)$ ($t = 1, \dots, T$). Неравенство (2) играет роль начального условия.

Упорядоченный набор векторов устойчивости $(z(1), \dots, z(T))$, которые удовлетворяют неравенствам (2) – (4), будем называть устойчиво-допустимой траекторией устойчивости модели U_{RNP} .

Устойчиво-допустимую траекторию (в дальнейшем для краткости – траекторию) модели U_{RNP} будем обозначать символом U . Траектория

U показывает, какие основные процессы Θ_i используются ($z_i(t) > 0$) и какие не используются ($z_i(t) = 0$) в периоде $(t-1, t)$ ($t = 1, \dots, T$).

Задание начального условия обусловлено запасами (ресурсами), которыми располагает предприятие в базовый период $(-1, 0)$.

Характер изменения траектории U во времени существенно зависит не только от начального, но и от конечного условий. Задание конечного условия, т.е. условия на вектор $z(T)$, представляет особую достаточно серьезную задачу, предметное рассмотрение которой ограничено объемом настоящего исследования.

На основании системы ограничений (2) – (4) формулируются экстремальные задачи, оптимальные решения которых представляют собой траектории U' модели U_{RNP} , предпочитаемые остальным её траекториям U . Оптимальные траектории U' зависят от выбора целевой функции экстремальной задачи. Экстремальные задачи с ограничениями (2) – (4) – суть модели устойчивого развития предприятия в условиях рациональности и/или нерациональности ожиданий.

Таким образом, мы приходим к выводу, что:

- устойчивое развитие промышленных предприятий должно учитывать рациональную и нерациональную природу поведения участников рынка, определяющих в конечном итоге выбор цели, рациональность и нерациональность исхода ожиданий предприятий;
- механизм устойчивого развития предприятия в условиях рациональности и нерациональности ожиданий может быть описан моделью U_{RNP} , отражающей его, как функцию от состояния внутренней и внешней среды, а также критериев желаемой или нормативной устойчивости;
- состояние равновесия в модели U_{RNP} можно определить с помощью стационарных траекторий устойчивости, у которых $z(t) = \alpha z$, где вектор $z \geq 0$ и число $\alpha \geq 0$ фиксированы.
- оптимальную траекторию модели U_{RNP} можно заменить на аппроксимирующую её траекторию.

Литература

1. Автономова, Н. С. Рассудок, разум, рациональность / Н. С. Автономова. – М., 1988. – С. 110–111.
2. Библер, В. С. Кант – Галилей – Кант (Разум Нового времени в парадоксах самообоснования) / В. С. Библер. – М. : Мысль, 1991. – С. 320.
3. Боумен, К. Основы стратегического менеджмента / К. Боумен. – М. : ЮНИТИ, 1997. – С. 16.
4. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества / К. Бруннер // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 3. – С. 51–72.

5. Булгаков, С. Н. *Философия хозяйства* / С. Н. Булгаков. – М. : Путь, 1912.
6. Бьюкенен, Дж. М. *Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы* / Дж. М. Бьюкенен // *Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. Фонд экономической инициативы.* – М. : Таурус Альфа, 1997. – 560 с.
7. Вебер, М. *Избранные произведения* : пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденоко; коммент. А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990. – 722 с.
8. Вебер, М. *Исследования по методологии наук* / М. Вебер. – М. : ИНИОН, 1980.
9. Гудков, Л. Д. *Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии* / Л. Д. Гудков. – М. : Русина, 1994. – С. 287.
10. *Декларация по окружающей среде и развитию.* – Рио-де-Жанейро: ООН, 1992. – 6 с.
11. *Конвенция о биологическом разнообразии.* – Рио-де-Жанейро, 1992. – 32 с.
12. *Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию.* (Утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г.) // *Зеленый мир.* – 1996. – № 12. – С. 3–5.
13. *Концепция экологической безопасности Российской Федерации* // *Зеленый мир.* – 1994. – № 1.
14. Коробкова, З. В. *Устойчивое развитие промышленных предприятий в глобализированной экономике* / З. В. Коробкова // *Совершенствование институциональных механизмов в промышленности* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2005. – С. 90–101.
15. Коробкова, З. В. *Экономический механизм устойчивого развития предприятия в условиях растущей хозяйственной глобализации* / З. В. Коробкова // *Функционирование предприятий в российской экономике: проблемы и решения* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2006. – С. 57–68.
16. Львов, Д. С. *«Управление социально-экономическим развитием России. Концепции, цели, механизмы»* / Д. С. Львов. – М. : Экономика, 2002.
17. *Меморандум ВТОЦ О стратегии выживания человечества* // *Известия ТОЦ.* –1996. – № 1. – С. 3.
18. *План действий по охране окружающей среды для Европы и России.* – М. : Центр «Эко-Согласие», 1995. – 48 с.
19. *План действий Правительства РФ в области охраны окружающей среды и природопользования* // *ЭКОСинформ.* – 1996. – № 5. – С. 15–26.
20. Порус, В. Н. *Парадоксальная рациональность (очерки теории научной рациональности)* / В. Н. Порус. М., 1999.
21. *Программа действий. Повестка дня на 21 век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро.* – Женева : Центр «За наше общее будущее», 1993. – 70 с.
22. *Разработка подходов к концепции устойчивого развития экологически значимых регионов* // *Эко-Согласие.* – 1994. – № 3. – С. 10–11.
23. *Рекомендации экологов Кубанской народной академии, одобренные 1-ой Кубанской конференции общественных экологических организаций «Об устойчивом развитии кубанского региона»* // *Экологические вести.* –1995. – № 1. – С. 25–30.
24. Цибульский, В. Р. *Разработка методики стратегического анализа ресурсно-ориентированных городов* / В. Р. Цибульский, А. В. Любаненко. – М. : ИНФА-М, 2004. – С. 20–21.
25. Шиллер, Роберт. *Иррациональное изобилие. 1 Вып.* / Р. Шиллер. М. : Университетская Пресса Принстона, 2000.
26. *Экологический кодекс России* // *ЭКОСинформ.* – 1992. – № 1. С. 69–72.
27. Camerer C. et al. *Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for Asymmetric Paternalism* // *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 151 (2003), pp. 1211–1254.
28. Muth, John A. «Rational Expectations and the Theory of Price Movements» *Econometrica* 29, no. 6 (1961): 315–350.
29. Porter, M. *Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors.* – N. Y. : Free Press. – 1980; Idem. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance.* – N. Y. : Free Press, 1985.
30. Thaler, R. H., Sunstein C. R. (2003) *Libertarian Paternalism* // *AEA Papers and Proceedings*, vol. 93, pp. 175–179.

References

1. Avtonomova, N. (1988). «Brain, mind, rationality». [Rassudok, rozum, ratzionalnost]. – Moscow, pp. 110–111.
  2. Bibler, V. (1991.) «Kant – Galileo – Kant (Mind the New time in the paradox of self-substantiation)». [Kant – Galiley – Kant (Razum Novogo vremeny v paradokсах samoobosnovabiya)]. – M. : "Mysl", p. 320.
  3. Bowman, K. (1997) «Fundamentals of strategic management». [Osnovy strategicheskogo menedgmenta]. – M. : UNITY, 16 p.
  4. Brunner, K. (1993) «Idea of man and concept of society: two approaches to understanding society» [Predstavlenie o cheloveke v koncepcii soziuma: dva podhoda k ponimaniu obschesva] // THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems, No 3, pp. 51–72.
  5. Bulgakov, S. (1912) «Philosophy of economy» [Filosofiya hozyistva]. –M. : Path.
  6. Buchanan, J. (1997) «Compositions. Constitution of economic policy. Calculation of consent. The limits of freedom» [Sochineniya, Constituziya ekonomicheskoy politiki, Raschet soglasiya, Granytzy svobody] / Nobel laureates in Economics. So 1 / Fund economic initiatives. – M. : Taurus alpha, p. 560.
  7. Weber, M. (1990) «Selected works: Per. with it.; comp., obshh. on-lesl. Y. N. Davydova; ed. P. P. Gaidenko; comment. A. F. Filippov». [Izbrannye proizvedeniya]. – M. : Progress, 722 p.
  8. Weber, M. (1980) «Research on the methodology of science. [Issledovaniya po metodologii nauk]: INION.
  9. Gudkov, L. (1994) «Metaphor and rationality as a problem of social epistemology». [Metafora v razionalnost kak problema sozialnoy epistemologii] M. : "Rusin", p. 287.
  10. «Declaration on environment and development.- Rio de Janeiro» (1992) [Deklaraziya po okrujautchey srede v razvitiu]: United Nations, 6 p.
  11. Convention on biological diversity (1992) [Convenziya o biologicheskom raznoobrazii]. Rio de Janeiro, 32 p.
  12. Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development (1996) [Conceptziya perehoda Rossisoy Federatzii v ustoychivomu razvitiyu] (Approved by the decree of the President of the Russian Federation No 440 from 1 April 1996), pp. 3–5 Green world, No 12.
  13. Concept of environmental security of the Russian Federation (1994). [Conceptziya ekologicheskoy bezopastnosti Rossisoy Federatzii] Green world, No 1.
  14. Korobkova Zinaida (2005) Sustainable development of industrial enterprises in the globalized economy [Ustoychivoe razvitie promyslennykh predpriyatij v globalizirovannoy ekonomike] // Improvement of institutional mechanisms in the industry :Sat. nauch. Tr. / Ed. by V. V. Titov, E. Markova. – Novosibirsk : IEIE SB RAS, pp. 90–101.
  15. Korobkova Zinaida (2006) Economic mechanism of sustainable development of enterprises in the conditions of growing economic globalization [Economicheskij mehanizm ustoychivogo razvitiya predpriyatija v usloviyah rastoschey hozyistvennoy globalizatzii] // Functioning of enterprises in the Russian economy: problems and solutions : collected scientific articles. Tr. /Ed. by V. V. Titov, E. Markova. – Novosibirsk : IEIE SB RAS, pp. 57–68.
  16. Lvov, D. S. (2002) "Management of social – economic development of Russia. Concept, goals, mechanisms," [Upravlenie sotzialno-ekonomicheskim razvitiem Rossii. Conzeppiim, zely, mehanizmy]. – Moscow : Economics.
  17. Memorandum of WTI (1996) About the strategy of survival of humanity.[O strategii vyjyvaniya chelovechestva] Izvestia POC, No 1 (Kazan), p. 3.
  18. Plan for the protection of the environment for Europe and Russia (1995) [Plan deystviy po ohrane okrujayushey sredy dlya Evropy v Rossii]. – M. : The center "Eco-Accord", 48 p.
  19. The plan of the RF Government in the field of environmental protection and natural resource management (1996) [Plan deystviy Pravitelstva RF v oblasti ohrany okrujayushey sredy v prirodopolzovaniya]. Ecosinform, No 5, pp. 15–26.
  20. Porous, V. N. (1999) Paradoxical rationality [Paradocsalnaya Razionalnost] (essays on the theory of scientific Rationality). – Moscow.
-

-
21. The programme of action. (1993) Agenda 21 and other documents Cohn-conference in Rio de Janeiro. – Geneva, the Centre For our common future" [Za nasche obzchee buduschee], 70 p.
  22. Development of approaches to concept of sustainable development of environmentally important regions, (1994) [Razrabotka podhodov k koncepczii ustoychivogo razvitiya ekologicheskoy znachmyh regionov] Eco-Accord, No 3. p. 10–11.
  23. Recommendations of ecologists of Kuban national Academy approved at the 1st Kuban conference of environmental organizations (1995) «On sustainable development of the Kuban region» [Ob ustoychivom razvitiy kubanskogo regiona]. Ecological news, No 1. (Krasnodar, Russia), p. 25–30.
  24. Tsibulsky, V. R. Lubonenko A. V. (2004) Development of methods of strategic analysis, the factor-driven cities [Razrabotka metodiki strategicheskogo analiza resursno-orientirovannyh gorodov] M. : INFA-M, pp. 20–21.
  25. Schiller Robert, (2000) Irrational exuberance [Irrazionalnoe izobilie]. 1st Edition, University of Skye Press, Princeton.
  26. The environmental code of Russia (1992) [Ecologicheskiiy kodeks Rossii] EcoInform, No 1, pp. 69–72.
  27. Camerer, C. et al. Regulation for Conservatives: Behavioral Economics and the Case for Asymmetric Paternalism // University of Pennsylvania Law Review, vol. 151 (2003), pp. 1211–1254.
  28. Muth, John A. «Rational Expectations and the Theory of Price Movements» Econometrica 29, No. 6 (1961): 315–350.
  29. Porter, M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. – N.Y. : Free Press, 1980; Idem. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – N.Y. : Free Press, 1985.
  30. Thaler, R. H., Sunstein C. R. (2003) Libertarian Paternalism // AEA Papers and Proceedings, vol. 93, pp. 175–179.
-

УДК 332.146.2; 338.242.2

И. Н. Домнина, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики Российской академии наук
e-mail: indfn.61@mail.ru

Л. И. Маевская, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики Российской академии наук
e-mail: milma47@mail.ru

ФОРМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЕНЧУРНЫЕ ПРОЕКТЫ С УЧЕТОМ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

В статье рассматриваются проблемы привлечения частного капитала в инновационную сферу экономики российских регионов в условиях ухудшения макроэкономической ситуации, сокращения инвестиционной активности структур с государственным участием, а также перенасыщенности инновационной сферы неэффективными, а зачастую убыточными проектами. Особое внимание уделяется венчурному бизнесу, его самым ранним стадиям. Подчеркивается важность развития таких финансовых институтов, которые способны не просто привлечь в региональные «стартапы» средства частных инвесторов, но и довести идею до превращения ее в самостоятельный бизнес. Указывается на необходимость правового оформления участия непрофессиональных инвесторов на инновационном поле через интернет-платформы, предлагаются меры по стимулированию инвестиционной привлекательности региональных стартапов.

Ключевые слова: инновационный проект, региональные бизнес-ангельские сети, стартап, краудфандинг, краудинвестинг, венчурный бизнес.

Специфика развития российской инновационной экономики характеризуется наличием серьезных инвестиционных рисков и отсутствием реальной заинтересованности в использовании ее продукции. Поэтому успех реализации инновационных приоритетов во многом связан с созданием каркаса инновационной системы, представленного институтами, берущими на себя инициативу и риски инновационного инвестирования.

Формирование подобных институтов в российских регионах происходит как с использованием государственного ресурса, так и с участием частного капитала. В первом случае речь идет о структурах с бюджетным финансированием, инвестирующих средства в перспективные инновационные проекты на федеральном и региональном уровнях. К ним можно отнести такие государственные институты развития, как Роснано (уставной капитал 130 млрд руб.), Российская венчурная компания (уставной капитал 28,2 млрд руб.), Фонд содействия раз-

витию малых форм предприятий в научно-технической сфере (больше известный как фонд Бортника), а также созданный в 2011 году Фонд Прямых Инвестиций (РФПИ).

На протяжении последних лет инвестиционная активность финансовых структур, созданных, главным образом, за счет использования государственного ресурса, т.е. «сверху», имела устойчивую положительную динамику как с точки зрения процессов создания новых фондов, так и с точки зрения объемов и числа осуществленных инвестиций. Однако эти институты обычно заинтересованы в крупных проектах, которым требуется от одного до десяти миллионов долларов.

С другой стороны, за последние годы в российских регионах начала складываться инфраструктура инновационной экономики, предполагающая привлечение капиталов частных инвесторов. На сегодняшний день в России насчитывается более 150 венчурных фондов, ресурсы которых находятся в пропорции 50 на

50 (первые 50% – средства федерации и регионов, вторые 50% – средства частных инвесторов) [3].

Наиболее заметными центрами, в которых активно формируется подобные институты инновационного финансирования, являются, как не странно, не две российские столицы, а Поволжье, восточная часть Центрального региона, Томская область. При этом значительную инвестиционную активность проявляют Казань и Томск, имеющие наиболее разработанное инвестиционное законодательство и проводящие наиболее эффективную региональную политику по поддержке инновационной экономики, в которых прописаны определенные гарантии деятельности инновационных институтов, а в ряде случаев и преференции для частных инвесторов, вкладывающих средства в перспективные стартапы.

В целом, в предшествующие два-три года государством были предприняты серьезные шаги с целью активизации привлечения инвестиционных ресурсов в инновационную сферу российской экономики. Начиная с 2013 года, наметились положительные тенденции, выразившиеся в росте числа венчурных фондов и фондов прямых инвестиций. Создано 25 фондов, причем число венчурных фондов оказалось в три раза больше, чем фондов прямых инвестиций [8].

Однако в 2014 г. положительный тренд в области формирования инфраструктуры инновационной экономики сменил свою траекторию, причиной чему стала наметившаяся нестабильность экономического курса в России, обусловленная падением цен на нефть и введением экономических санкций. В этом году в России перестала работать половина из пятидесяти венчурных фондов, имеющих более 2-х стартапов в портфеле, инвестировавших минимум в один проект, а также сократилось количество сделок в инновационной сфере (с 498 в 2013 году до 465 в 2014 году). В январе 2015 года на венчурном рынке было проведено всего 15 сделок, что почти на две трети меньше, чем в декабре 2014 года [14]. Последнее во многом объясняется сокращением инвестиционной активности структур с государственным участием как на федеральном, так и на региональном уровнях. В дополнение к сложившимся негативным условиям в экономике отрицательным моментом явилась перенасыщенность

инновационной сферы неэффективными, а зачастую убыточными стартапами.

Финансирование венчурного бизнеса в российских регионах

В этих условиях актуальной становится проблема выбора пути дальнейшего инновационного развития. Ряд экономистов считает, что в сложившейся ситуации оптимальным является переключение инвестиционных потоков с вложений в инновационные проекты на импортозамещение. Предполагается, что это позволит обновить и модернизировать производство, а затем уже, создав определенный финансовый базис, перейти к разработке отечественной инновационной продукции. Однако такой подход не вполне отвечает инновационным приоритетам российской экономики.

Кроме того, велики риски, что подобное импортозамещение в конечном счете может свестись просто к воспроизводству аналогов западных инновационных товаров, а не к созданию собственных продуктов и сохранить отставание от передовых технологий. Следует отметить, что многие инновационные фирмы еще до кризиса были нацелены не столько на создание собственного оригинального инновационного продукта, сколько на дублирование иностранных инноваций, особенно в отраслях электронной торговли и услуг.

Так, в 2014 году самыми популярными объектами инновационного финансирования на российском рынке стали проекты из области медиа и разработки программного обеспечения. Однако инвесторы, вкладывая средства в производство аналогов зарубежных продуктов, по сути, создавали, так называемые, фирмы-клоны. Тем самым, на отечественном рынке раскручиваются бизнесы, представляющие западные технологии, которые, как показывает практика, существуют не долго, либо разоряясь, либо попадая в руки крупных ретейлеров. В этой связи в условиях неблагоприятной экономической ситуации и возрастания инвестиционных рисков импортозамещение может стать наиболее предпочтительным направлением инвестиционных вложений, но именно в сфере инноваций, исключающих дублирование технологических аналогов, которые до сих пор закупаются за рубежом.

К сожалению, не только этим страдает российский инновационный бизнес. Есть и другая проблема, связанная с привлечением инвести-

ций в региональные инновационные проекты со стороны государственных органов. Так, на Западе сложилась практика, когда стартовые венчурные проекты могут рассчитывать исключительно на гранты, которые выделяются победителям конкурсов, при этом для участия в конкурсе необходимо пройти несколько этапов отбора. В России же существует отдельная государственная программа по инновационному инвестированию, в рамках которой отобранные инновационные проекты получают средства, обеспечивающие его поддержку на ранних стадиях, еще до окончания срока договора. Такая практика часто приводит к манипуляциям региональных властей с бюджетными средствами, предоставляемыми под инновационные проекты стартапов.

Поскольку не все венчурные проекты приносят прибыль, а многие просто убыточны, получается, что для региональных администраций зачастую не важно, какой эффект будет получен в результате вложений в такой стартап, главное это направить в него инвестиции. Такие стартапы носят формальный характер, ничего общего не имея с инновационным проектом, а служат только для «отмывания» денег. Ситуация, когда эффективность использования государственных инвестиций оценивается не по конечному результату, а по самому факту «наличия» проекта, в конечном счете сказывается на привлечении в инновационную сферу частных инвесторов, которые хотят видеть на выходе коммерческий результат.

Кроме того, государственные венчурные фонды, действующие в российских регионах, стараются инвестировать средства в уже сложившиеся инновационные фирмы. Анализ российской индустрии прямого и венчурного инвестирования показывает, что в развитии инновационной экономики в России есть серьезные диспропорции, поскольку предпочтение отдается проектам, уже прошедшим начальную стадию, т.е. менее рискованным. Наиболее же значительные трудности с привлечением финансирования испытывает именно вновь создаваемый венчурный бизнес.

Стартапы, находящиеся на посевной и начальных стадиях, имеют свой рынок финансовой поддержки и свои собственные методы поиска инвесторов. Более высокие инвестиционные риски данного бизнеса предполагают иные формы взаимодействия с венчурными

институтами. Иными словами, для их становления требуются вполне определенные структуры, ориентированные именно на поиск и становление инновационного проекта. В условиях же повсеместного сокращения инвестиций заинтересованность в финансировании инновационных проектов могут проявлять преимущественно частные инвесторы, которых грамотно привлечь в венчурный бизнес должны соответствующие институты.

Среди них особое место занимает Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ). Одна из основных целей фонда состоит в создании в России сети акселераторов, которая будет помогать выращивать перспективные проекты на ранних стадиях развития (pre-seed и seed), что позволит в короткие сроки найти заинтересованных инвесторов для их реализации. Поэтому серьезный акцент в работе ФРИИ отводится апробации инновационного проекта в акселераторе, которой по сути является бизнес-инкубатором. Фонд готов предоставить стартовые инвестиции в размере 1,4 млн рублей (при условии вхождения в капитал компании в объеме 7%), из которых 800 тыс. рублей – составят прямые инвестиции в проект, а дополнительные 600 тыс. пойдут на расходы по прохождению акселерационной программы [6].

Следует отметить, что прохождение инновационной идеи через акселератор имеет большое практическое значение. Это объясняется тем, что большинство инноваторов не имеют опыта общения с потенциальными покупателями своего продукта. В результате часто инновационная идея, уже готовая к реализации, оказываются не востребована рынком и не находит инвестора, заинтересованного в ее финансировании. С другой стороны, очень часто стартаперы не могут адекватно не только оценить издержки своего проекта, но и сильно завышают будущие доходы. Им затруднительно грамотно оценить возможные инвестиционные риски, причем, чем менее проверенная команда стартапа в бизнесе и чем инновационней технология, тем эти риски выше.

ФРИИ активно сотрудничает с регионами как в области тиражирования своей модели бизнес-акселераторов, [11] так и в области совершенствования правового поля для участников инновационного бизнеса, призванного адекватно отражать его потребности. В частности, это касается таких вопросов, как: имуще-

ственные потери при наступлении определенных обстоятельств, не связанных с нарушением договора между инвесторами и стартаперами; соглашение между стартапами и кредиторами, позволяющее инвесторам и инноваторам договариваться о распределении прибыли, не обязательно пропорционально их долям в бизнесе; введение понятия «опциона» на заключение договора, что обеспечивает возможность выкупа стартапером доли инвестора в случае, если инновация не принесет обещанный доход. Внесенные в августе 2014 г. экспертами ФРИИ законодательные поправки, касающиеся создания некоторых аналогов зарубежных правовых конструкций на российском венчурном рынке, могут способствовать тому, что российские интернет-компании перестанут уходить в иностранные юрисдикции [13].

Аналогичные по своим задачам фонды, со смешанным частно-государственным участием, стали активно создаваться в ряде российских регионов. Так, в Республике Татарстан организован фонд Pulsar Venture Capita, в котором наряду с частными инвесторами присутствует республиканский Инвестиционно-венчурный фонд. Основная задача фонда – это оказание консалтингового сопровождения высокотехнологичным инновационным компаниям.

В Санкт-Петербурге элементом инновационной инфраструктуры является Фонд предпосевных инвестиций (ФППИ), созданный в 2011 г. как некоммерческая организация. Он занимает нишу между бизнес-ангелами и частными венчурными фондами, которые инвестируют в проекты ранней стадии. Сейчас в портфеле ФППИ 14 проектов. Помимо этого фонда в Санкт-Петербурге с 2012 года функционирует такой инновационный институт, как iDealMachine, являющийся венчурным фондом и стартап-акселератором. Его деятельность нацелена на работу со стартапами в сфере-ИТ-индустрии на самых начальных стадиях, помогая им создать не просто привлекательный проект, а довести идею до превращения ее в самостоятельный бизнес.

Указанные фонды в своей деятельности исходят из того, что на начальной стадии инновационному проекту нужны не столько деньги, сколько знания в области финансов, экспертиза, опыт и прямая помощь в построении бизнеса. В инвестиционном мире это называют "умными деньгами". Так, iDealMachine

ведет каждый проект от развития идеи до ее реализации в реальном бизнесе и работает индивидуально с каждой инновационной компанией. Первые портфельные компании на стадии pre-seed появились в фонде два года назад, и сейчас большинство из них уже привлекли инвестиции следующего раунда, выпустили первые версии своих продуктов и борются за своё место на рынке.

Однако в целом, как уже говорилось выше, значительная часть венчурных фондов предпочитают работать с уже более менее сложившимся бизнесом в сфере инноваций и крайне редко с инновационными проектами начальной стадии. На этой стадии действуют другие институциональные инвесторы. Как уже говорилось выше, к стартапам больший интерес предъявляют скорее не государственные венчурные фонды, а непубличные и закрытые частные структуры, которые не только вкладывают деньги, но и помогают с управлением, а также решают другие организационные вопросы. Речь идет о бизнес-ангелах и их региональных объединениях.

Бизнес-ангелы и их региональные объединения

«Бизнес-ангелы» в современной трактовке это профессиональные инвесторы (физические и юридические лица), вкладывающие часть собственных средств в инновационные фирмы на самых ранних стадиях развития: «посевной – seed» и «начальной – start-up». За ними, как правило, следуют сначала венчурные, а затем и прямые инвестиции.

В отличие от институциональных инвесторов бизнес-ангелы имеют ряд преимуществ. Во-первых, ими отбираются, как правило, те проекты, сфера применения которых хорошо знакома и в которой имеется определенный опыт работы; во-вторых, бизнес-ангелы, как правило, быстро и оперативно запускают стартап; в-третьих, имея уже некоторый опыт в бизнесе, они могут активно участвовать в управлении (оказание различных услуг, рассмотрение заявок, структурирование инвестиций или грантов) и, что очень важно, в дальнейшей коммерциализации проекта.

Однако следует иметь в виду, что сегодня обнаружилась серьезная проблема в привлечении бизнес-ангелов в инновационную деятельность в российских регионах, связанная с недостаточной отлаженностью бизнес-процессов, снижающей прозрачность и открытость

этого рынка. Под видом бизнес-ангелов активно начали функционировать фирмы, по сути, занимающиеся инновационным рейдерством. Они могут действовать двумя способами: либо ищут привлекательный инновационный проект, который затем тем или иным способом отбирают с целью перепродажи; либо вкладываются в понравившиеся проекты, а потом, когда проект успешно развивается, размыывают долю основателей стартапа в компании и выкидывают их из бизнеса.

Вступая в подобное сотрудничество, начинающие стартаперы, не имеющие еще опыта работы в бизнесе, рискуют потерять 100% акций стартапа, которые могут оказаться в руках рейдерской компании. По всей видимости, снизить вероятность вступления во взаимоотношения с такими «псевдоангелами» может активная работа содружеств бизнес-ангелов по выявлению и информированию о них начинающих инноваторов на своих сайтах.

На сегодня в России существует несколько крупных объединений бизнес-ангелов, важнейшей задачей которых является формирование системы отбора и подготовки венчурных бизнесов на ранних стадиях. Это, в первую очередь, национальная ассоциация бизнес-ангелов (НАБА) и национальное содружество бизнес-ангелов (СБАР), образующие совокупность коллективно взаимодействующих бизнес-ангелов. Особое значение приобретает формирование региональной сети бизнес-ангелов, которые осуществляют работу по поиску, отбору и подготовке наиболее привлекательных инновационных идей, а также становятся площадкой для поиска соинвесторов в регионах, обмена опытом среди бизнес-ангелов.

Сегодня региональная картина распределения бизнес-ангельских сетей в России следующая. Первая ассоциация бизнес-ангелов «Стартовые инвестиции» была образована в 2006 г. в Нижнем Новгороде, а ее учредителями стали известные бизнесмены и бизнес-структуры Приволжского региона. Деятельность ассоциации связана не только с инвестированием финансовых средств, необходимых для старта и развития инновационных предприятий, она также принимает участие в формировании и развитии инновационной экосистемы региона. Еще одним примером успешной бизнес-ангельской ассоциации является организация «Бизнес-Ангелы Урала» (БАУР) (УрФО), кото-

рая представляет собой структуру, объединяющую единомышленников, которые являются или готовы стать бизнес-ангелами.

Что касается других регионов, то не менее известно НП «Бизнес-ангельское региональное содружество» БАРС (Саратов). Это – российское объединение бизнес-ангелов регионального масштаба, созданное в 2010 г. с целью формирования в регионе и поддержания в рабочем состоянии единой базы инновационных проектов, доступной для инвесторов. Главная цель компании состоит в оказании содействия развитию новой отрасли в экономике региона, а именно, бизнес-ангельского инвестирования и увеличения инвестируемого капитала в региональные инновационные проекты.

Активно функционируют бизнес-ангелы в Сибири – НП «Бизнес-Ангелы Сибири» (БАС) и в Москве. Московская сеть бизнес-ангелов «Частный капитал» объединяет частных инвесторов (бизнес-ангелов), которые инвестируют собственные средства в компании на начальных стадиях, обладающие значительным потенциалом роста, как правило, без предоставления какого-либо залога. Они ставят своей целью продать свою долю в компании через несколько лет, получив при этом доход, как минимум в несколько раз превышающий первоначальные инвестиции. В Санкт-Петербурге действует организация Бизнес-ангелов (СОБА), представляющая клуб инвесторов, рядом с которым есть акселератор, управляющая и консалтинговая компания. Хорошо зарекомендовала себя томская сеть рискованного финансирования «Бизнес Ангелы». Есть ряд структур и в других регионах России, в частности во Владивостоке, в Самаре, Казани.

Необходимость региональных объединений бизнес-ангелов в России связана с тем, чтобы использовать лучший международный опыт по анализу и предварительной оценке перспективных проектов, а также наладить отношения с другими инвесторами – венчурными и посевными фондами. Так, например, на сайте НП «Бизнес-ангельское региональное содружество» БАРС (Саратов) представлена последовательная технология инновационного инвестирования: здесь можно увидеть примеры инноваций, заполнить анкету партнера НП «БАРС» и оформить проект для представления его бизнес-ангелам. После выбора перспективных проектов и молодых компаний, имеющих конкурентные

преимущества, составляется краткая аннотация, которая рассылается инвесторам и размещается на сайте. В случае появления заинтересованности у инвесторов, проводится презентация инвестиционного проекта, а также переговоры с предпринимателями. Таким образом, инноваторы получают опыт общения с инвесторами, понимают, что от них требуется на первой стадии сотрудничества. А инвесторы могут увидеть, какие проекты востребованы, оценить новые научные идеи и, возможно, найти интересные их проекты.

Итак, региональные бизнес-ангельские сети в России объединяют частных институциональных инвесторов, экспертов, консалтинговые компании и инноваторов с целью стыковки частного капитала с носителями идей и поддержки перспективных венчурных бизнесов. Разработчики инновационной идеи представляют свои проекты в бизнес-ангельскую сеть, которая осуществляет их строгий отбор. Чтобы инвестировать 50–100 проектов, бизнес-ангелы должны просмотреть 5–10 тысяч предложений (из ста до инвестиций доходят в лучшем случае три), ведь посевная стадия является рискованной и не всегда приносит бизнес-ангелам положительный результат [12].

Начиная с 2012–2013 гг., в российских регионах наблюдалась тенденция активизации деятельности бизнес-ангелов. Однако 2014 г. принес с собой общее ухудшение экономической ситуации, что вызвало спад и на рынке ангельских инвестиций. Так, если за 11 месяцев 2013 г. количество проектов выросло на 174% по сравнению с предыдущим годом, то за первые 10 месяцев 2014 г. количество сделок с участием бизнес-ангелов сократилось на 45% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. [4]. Однако в целом деятельность бизнес-ангелов в России пока отстает от своих зарубежных аналогов. В ходе обследования бизнес-ангельских сетей, проведенного в 2014 г. РВК, Atom Partners и НАБА, в качестве причин, препятствующих увеличению числа бизнес-ангелов в России, назывались: отсутствие предсказуемой возможности выхода (продажи доли инвестору более поздней стадии), консервативность частных инвесторов; несовершенство законодательства (в части структурирования сделок, защиты прав миноритарных акционеров); недостаток качественных объектов для инвестиций, недостаточное информационное обеспечение [5].

Важным для дальнейшего развития таких инновационных институтов, как региональные сообщества бизнес-ангелов, является формирование правового поля, обеспечивающего юридическую защищенность инвесторов начальных стадий, а также разработку информационных материалов для потенциальных участников рынка. Подобные меры позволят увеличить количество активных бизнес-ангелов, число и объем сделок с их участием. Представляется, что возможными направлениями деятельности региональных органов власти в области активизации привлечения частных инвесторов в проекты ранней стадии могли бы стать:

- совершенствование механизмов предварительного отбора и проработки проектов, которые приведут к повышению качества сделок и снижению рисков сотрудничества с «псевдоангелами»;

- улучшение информационного обеспечения венчурной отрасли и пропаганды успешных региональных инвестиционных проектов;

- создание, ведение и совершенствование баз данных проектов и компаний ранней стадии. Сюда следует также добавить меры экономической заинтересованности, такие, например, как льготные преференции частным инвесторам, вкладывающим свои средства в инновационные проекты на начальной и посевной стадиях [1].

Таким образом, в условиях ухудшения макроэкономической ситуации в российской экономике в целом, снижения инвестиционного рейтинга страны и возрастания инвестиционных рисков законодательное и экономическое оформление сети региональных объединений бизнес-ангелов является наиболее востребованным механизмом активизации привлечения частного капитала в инновационную сферу российских регионов.

Возможности участия непрофессиональных инвесторов в финансировании инновационных проектов

Однако не все инновационные проекты находят своих бизнес-ангелов или могут добиться финансирования через другие венчурные институты. И сегодня в России уже существует возможность привлечь деньги в венчурный бизнес, минуя указанные структуры. Речь идет о стартапе, который не планирует масштабного расширения и ищет средства для начальной стадии. В этом случае можно воспользоваться

таким финансовым инструментом, который уже получил широкое распространение в развитых странах, как краудфандинг.

Краудфандинг – это новое направление в сборе средств, основанное на коллективном сотрудничестве людей, добровольно вкладывающих свои деньги для реализации заинтересовавших их идей или проектов. Мотивацией такого рода привлечения финансовых средств является коллективное участие в создании проекта, имеющего некоторую материальную ценность для инвестора. В определенной степени это предоплата продукта, который пока нельзя купить в магазине. Взаимосвязь стартапа и инвестора в этом случае осуществляется через интернет, на определенных площадках (платформах), рекламирующих данную идею.

Используя специальные сайты, владелец стартапа может представить свой проект широкой публике, объяснить его значимость и привлечь средства на развитие проекта, а также пообещать небольшие призы тем, кто внесет деньги. Срок сбора средств обычно ограничен, а призы чаще всего раздаются тем, кто вносит определенные суммы. К концу срока сбора средств можно собрать сумму, в несколько раз превышающую ту, что была указана в запросе, а можно и не «добрать». В этом случае есть два варианта развития событий: одни сайты разрешают снять хотя бы то, что набралось, другие – ничего.

На Западе подобный вид финансирования достаточно развит (особенно в США). Например, в США самой известной и наиболее продуктивной является платформа Kickstarter.com., деятельность которой имеет на сегодня оборот в 100 млн долларов. Круг проектов и идей постоянно расширяется, в основном за счет технических и технологических сфер, и, прежде всего, связанных с IT технологиями. В связи с этим уже функционируют специальные платформы для научных исследований: Iamscientist.com и OpenGenius.org. У научного краудфандинга есть свои особенности. Через указанные социальные сети ученые привлекают небольшие средства, так как для обычных граждан не всегда доступно излагаются предлагаемые научные идеи. Однако сама возможность изложить на платформе свои изобретения или проекты бывает вполне продуктивной, так как обеспечивает общение с другими учеными, институтами, что в конечном счете мо-

жет привести к получению гранта на реализацию предлагаемой идеи.

Эффективность краудфандинга объясняется тем, что авторам идей и проектов не надо убеждать чиновников в целесообразности финансирования их стартапа, а достаточно бесплатно опубликовать на платформе свои идеи. И если проект коммерческий, а не социальный, предложить своим инвесторам определенные бонусы, например, предоставить первые образцы своей продукции или какие-нибудь другие сервисы. При недоборе денег компания считается несостоявшейся, и собранные средства возвращаются инвесторам. Если же идея набрала необходимую сумму денег, то платформа начисляет на эту сумму определенный процент, который окупает ее затраты и приносит ей прибыль. Кроме того, эффект краудфандинга объясняется еще и тем, что люди самостоятельно выбирают проект, т.е. финансируют не какую-то абстрактную компанию, а конкретную понравившуюся идею.

В России только начинает действовать данная форма финансирования идей и проектов. Она, как и в США, тоже началась с социальных и музыкальных проектов. Сегодня уже существует несколько платформ, которые заявили о себе как площадки, привлекающие деньги не только на творческие проекты, но и на финансирование технологических стартапов (Boomstarter.ru, Planet.ru). Однако в целом и на них пока преобладают проекты, сконцентрированные на искусстве (книги, альбомы, арт-проекты, видеоклипы) и представлено всего несколько технологических проектов. Так, на Boomstarter.ru. в 2014 году были успешно завершены два технологических проекта: первый – московский проект «Планетарный Передатчик Энергии – по всей Земле без проводов» (проект собрал 1 540 112 рублей, что на 102% больше планируемой суммы); второй – алтайский «Возродим наш лес», в котором представлена новая технология восстановления лесов и защитных лесополос для сельского и лесного хозяйства (проект набрал 626 376 рублей, что на 125% больше ожидаемого) [2]. Более того, к площадке Boomstarter проявила интерес Общественная палата России, объявив о намерении помочь некоммерческим организациям привлекать деньги на реализацию своих проектов через краудфандинговую интернет-платформу на условиях софинансирования [7].

По всей видимости, более целесообразно технологические инновационные идеи представлять на специализированных площадках, интерес к которым могут иметь не только обычные граждане, но и бизнес-ангелы. В определенной степени такой площадкой на сегодня является parather.ru, на которой можно разместить технологический проект для привлечения в него инвестиций, продать бизнес, найти делового партнера. Однако услуги данной платформы платные, так как ее команда сама занимается презентацией предлагаемой идеи. Безусловно, это позволяет не только технически грамотно изложить суть идеи, но и профессионально ее разрекламировать. Организаторы этой платформы осуществляют подготовку проекта, разрабатывая его спецификацию с описанием алгоритма, Web-дизайна, решением маркетинговых задач с целью вывода на рынок нового продукта, увеличения продаж, проводят аудит безопасности сайта.

Интерес к привлечению частных инвестиций в стартапы с помощью краудфандинга существенно возрос в связи с тем, что Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) организовал свою собственную краудфандинговую площадку StartTrack.ru, в создание которой вложено около трех миллионов долларов. Запуск происходил поэтапно: в ноябре 2014 г. начала работать информационная площадка, на которой аккредитованные инвесторы смогли получить доступ к ста проектам, прошедшим отбор в первый акселератор ФРИИ. Благодаря организации данной площадки появилась реальная возможность для взаимодействия инвесторов и стартапов. Эта краудфандинговая платформа позволяет следить за бизнес-показателями молодых компаний, а также лично встречаться инвесторам и стартапам. Инвесторы, аккредитованные на сервисе в данный момент, заявили о готовности вложить в проекты платформы StartTrack более 380 миллионов рублей [9].

Следует обратить внимание еще на одну форму инновационного инвестирования, которая наиболее привлекательна для тех стартапов, которые не готовы платить за обработку и рекламирование своих проектов. Многие из них сами презентуют свой проект, а привлеченные средства могут использовать на его осуществление. И здесь более интересен краудинвестинг, который также объединяет авторов

потенциальных проектов и желающих участвовать в их финансировании.

Этот способ инвестирования преимущественно нацелен на инновационные идеи [10]. Презентация проекта проходит в виде представления бизнес-плана, видеоролика, доступно излагающего перспективы продукта, что дает возможность непрофессиональным инвесторам рассчитывать в будущем на возможность получения определенного дохода. Кстати, если проект набирает большое число непрофессиональных инвесторов, к нему затем, как правило, проявляют интерес бизнес-ангелы или венчурные фонды. А это уже другие инвестиционные возможности.

У краудинвестинга есть отличия от краудфандинга, поскольку его используют не только начинающие стартаперы, но и так называемые непубличные компании. Они привлекают капитал, путем продажи своих акций в новые бизнес-проекты. Но важным отличием от обычного фондового рынка при краудинвестинге является отсутствие спекуляции ценными бумагами в расчете на быструю прибыль. Тут работает принцип венчурного финансирования, рассчитанного на то, что можно получить прибыль в перспективе, причем возможно не от всех проектов, а от одного или двух.

Сегодня в России уже работает краудинвестинговая площадка SmartMarket.net, на которой стартапер сам осуществляет презентацию предлагаемой идеи, представляет этапы ее реализации и расчет возможного конечного дохода. Он также должен иметь четкий план по управлению собранными средствами, поскольку ему придется отчитываться перед своими многочисленными соинвесторами. За размещения проекта на платформе требуется оплата, которая в отличие от платформы parather.ru значительно ниже и составляет около 5% от собранной суммы. Эти средства покрывают издержки на обслуживание платформы и прибыль. Причем значительная часть затрат идет на содержание службы безопасности, которая проверяет владельцев проекта на предмет мошенничества.

На SmartMarket.net проекты классифицируются по следующим сегментам: стартапы, сервисы; производство (гаджеты, технологии); медицина; транспорт; медиа; бизнес центры; отели; издательства; красота и здоровье и т.д. Как видно из указанного перечня, на этой платформе пред-

почтение отдается технологическим инновационным стартапам. Поэтому вполне вероятно, что метод краудфандинга, а точнее краудинвестинга, может на первом этапе стать одним из источников частных инвестиций для инновационных стартапов в регионах в сложившихся макроэкономических условиях российской экономики.

Однако надо иметь в виду, что пока еще этот вид инвестиционной деятельности находится в России на начальном этапе, и эффект от наличия большого числа инвесторов пока недостаточно высок. Это связано, в первую очередь, с недостаточной инвестиционной грамотностью физических лиц, выступающих в качестве инвесторов, а также с тем, что маленькие суммы инвестиций могут вызвать ничем не обоснованный ажиотаж и раздутие "мыльных пузырей". Но самое главное заключается в том, что такой способ инвестирования в нашей стране находится вне правового поля, отсутствие которого не гарантирует защиту инвесторов, вкладывающих свои деньги, от мошенничества или нерационального их использования.

Более того, в действующем законодательстве имеются правовые нормы, препятствующие развитию краудинвестинга. В частности, наиболее часто встречающаяся сейчас организационно-правовая форма инвестиционного товарищества, согласно закону, может включать максимум 50 физических лиц. Для краудинвестинга это не подходит, ведь количество вложивших в проект денег может быть значительно больше. Поправки в закон должны учитывать особенность краудинвестинга привлекать большое количество участников, т.е. дать возможность компаниям с малой капитализацией (стартапам) привлекать средства от широкого круга инвесторов на любых условиях.

И еще одна причина, сдерживающая пока данный способ привлечения средств непрофессиональных инвесторов в инновационные региональные проекты, это невысокий уровень развития безналичных расчетов среди населения. В России до сих пор невысок уровень оплаты товаров и услуг банковскими карточками. Механизм же краудфандинга и краудинвестин-

га базируется только на использовании банковских карточек, с которых в системе online снимаются деньги на понравившийся проект. Отсутствие электронных денег у населения и определенная боязнь использовать банковские карточки в интернете пока являются существенными факторами, сдерживающими народное инвестирование стартапов.

***

Итак, как мы видели выше, практически общим для экономики всех стран является развитие институтов венчурного инвестирования. При этом мировой опыт свидетельствует, что наряду с государством для программ поддержки развития инновационного бизнеса, особенно на региональном уровне, необходимы и частные финансовые институты. Банки, многочисленные венчурные фонды не спешат предоставлять свои средства стартапам, проекты которых крайне рискованны. В то же время существует множество людей, имеющих свободные денежные средства и готовых рискнуть небольшой суммой, вложив ее в реализацию нового проекта и рассчитывая в будущем на некий доход или услугу.

Участие непрофессиональных игроков этого рынка через специализированные интернет-платформы в финансировании начальных стадий бизнес-проектов может поддержать те научные идеи, которым сложно и затратно найти средства через официальные институты. Иными словами, упростится доступ большого количества частных инвесторов к инновационным проектам в регионах. Новые формы привлечения инвестиционных ресурсов в региональные венчурные проекты, такие как бизнес-ангельские региональные объединения и ассоциации, краудфандинг и краудинвестинг, приобретают, на наш взгляд, особое значение в условиях ухудшения инвестиционного климата и возрастания рисков инновационного инвестирования в России. Однако для этого требуется формирование соответствующего правового поля и более активное включение данных институтов в инновационную систему при разработке региональной инвестиционной политики.

Литература

1. Бизнес-ангелы в России. III Ежегодный Конгресс Национальной ассоциации бизнес-ангелов [Электронный ресурс]. – URL: <http://Kapital-rus.ru/articles/article/183572>

2. Все проекты. Технологии. Рекордсмены [Электронный ресурс]. – URL: <http://boomstarter.ru/discover/categories/technology>

3. Домнина, И. Н. Роль институтов инновационного инвестирования в формировании инновационной системы российских регионов / И. Н. Домнина, Л. И. Маевская // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 5. – С. 9–38/
4. Ежегодное исследование рынка ангельских инвестиций. Результаты, динамика и новые вызовы. – 2014. – С. 6, 9. [Электронный ресурс]. – URL: [http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_\(1\).pdf](http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_(1).pdf)
5. Ежегодное исследование рынка ангельских инвестиций. Результаты, динамика и новые вызовы. – 2014. – С. 16. [Электронный ресурс]. – URL: [http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_\(1\).pdf](http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_(1).pdf)
6. На четвертый отбор акселератора ФРИИ подано несколько сотен заявок [Электронный ресурс]. – URL: http://i.rbc.ru/anons/item/na_chetvertyj_otbor_akseleratora_frii_podano
7. Общественная палата включилась в краудфандинг [Электронный ресурс]. – URL: <http://crowdsourcing.ru/articale/obshhestvennaya>
8. Российская ассоциация венчурного инвестирования. (РАВИ). Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook>
9. Российская площадка для соинвестиций привлекла около 18 миллионов рублей, 6 августа 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://lenta.ru/news/2014/08/06/starttrack>
10. Синдицированные сделки в России и в мире. Аналитический обзор. Рынок синдицированных венчурных сделок и краудинвестинга. ОАО «РВК». [Электронный ресурс] – URL: http://rusbase.vc/media/upload_tmp/pbk_2013__01_2.pdf
11. Фалалеев, Д. Рейтинг Топ-10 самых активных акселераторов в России [Электронный ресурс] / Д. Фалалеев. – URL: <http://slon.ru/biz/1036374>
12. Финансирование инновационного проекта на посевной стадии – роль бизнес-ангелов [Электронный ресурс]. – URL: <http://venture-biz.ru/venchurnyy-biznes>
13. ФРИИ предложил законодательно упростить деятельность венчурных инвесторов. 19.08.2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://venture-biz.ru/venchurnyy-biznes>
14. Январская выюга на венчурном рынке. 5 февраля 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusbase.vc/trends/digest/january15>.

References

1. Business angels in Russia. III Annual Congress of the National Association of business angels. [Biznes-angely v Rossii. III Ezhegodnyj Kongress Nacional'noj associacii biznes-angelov], available at: <http://Kapital-rus.ru/articles/article/183572/>
2. All of the projects. Technology. Champions. [Vse proekty. Tekhnologii. Rekordsmeny], available at: <http://boomstarter.ru/discover/categories/technology>
3. Domnina, I., Maevskaya, L. (2014), «The role of innovation investments in the innovative system of the Russian regions» [Rol' institutov innovacionnogo investirovaniya v formirovanii innovacionnoj sistemy rossijskih regionov], Economics: yesterday, today, tomorrow, No 5, pp. 9–38.
4. Annual study of the market for angel investments 2014. Results dynamics and new challenges, pp. 6–9 [Ezhegodnoe issledovanie rynka angel'skih investitsij 2014g.], available at: [http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_\(1\).pdf](http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_(1).pdf)
5. Annual study of the market for angel investments 2014. Results dynamics and new challenges, pp.16 [Ezhegodnoe issledovanie rynka angel'skih investitsij 2014g.], available at: [http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_\(1\).pdf](http://rusangels.ru/netcat_files/userfiles/Ezhegodnoe_issledovanie_angelskih_investitsiy_2014_NABA_AR_RVK_1127_(1).pdf)
6. The fourth selection of the accelerator FRII filed several hundred applications. [Na chetvertyj otbor akseleratora FRII podano neskol'ko soten zayavok], available at: http://i.rbc.ru/anons/item/na_chetvertyj_otbor_akseleratora_frii_podano
7. The public chamber was involved in crowdfunding. [Obshchestvennaya palata vklyuchilas' v kraudfanding], available at: http://crowdsourcing.ru/articale/obshhestvennaya_palata_rf_vklyuchilas'_v_kraudfanding?link=themelist

---

8. Russian Venture Capital Association. (RVCA). Market Review. Equity and Venture Capital in Russia in 2013. [Rossiyskaya assotsiatsiya venchurnogo in-vestirovaniya (RAVI). Obzor ryinka. Pryamyie i venchurnyie investitsii v Rossii 2013], available at: <http://www.rvca.ru/rus/resource/library/rvca-yearbook>.

9. Russian marketplace for investments attracted about 18 million rubles, August 6, 2014. [Rossijskaya ploshchadka dlya soinvesticij privlekla okolo 18 millionov rublej], available at: <http://lenta.ru/news/2014/08/06/starttrack>.

10. Syndicated transactions in Russia and in the world. Analytical Review. Market syndicated venture deals and kraudinvestinga. OJSC "RVC". [Sindicirovannye sdelki v Rossii i v mire. Analiticheskij obzor. Rynok sindicirovannyh venchurnyh sdelok i kraudinvestinga. OAO "RVK"], available at: http://rusbase.vc/media/upload_tmp/pbk_2013__01_2.pdf

11. Falaleev, D. Ranking the Top 10 most active accelerators in Russia [Rejting Top-10 samyh aktivnyh akselektorov v Rossii], available at: <http://slon.ru/biz/1036374>.

12. The innovative project financing at the seed stage – the role of business angels. [Finansirovanie innovacionnogo proekta na posevnoj stadii – rol' biznes-angelov], available at: <http://venture-biz.ru/venchurnyy-biznes>.

13. FDII has proposed legislation to simplify the activities of venture capital-ists. 19.08.2014. [FRII predlozhit' zakonodatel'no uprostit' deyatel'nost' venchurnyh investorov"], available at: <http://venture-biz.ru/venchurnyy-biznes/>

14. The January Blizzard in the venture market. 5 February 2015 [Yanvarskaya v'yuga na venchurnom rynke], available at: <http://rusbase.vc/trends/digest/january15>.

УДК 65:631.145

А. А. Майоров, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
e-mail: ale5009@ya.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ АПК, НАПРАВЛЕННЫЙ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ И РАЗВИТИЕ ОТРАСЛИ

Цель данного исследования обозначить практические рекомендации к решению управленческих задач в АПК, способные повлиять на поддержку инновационного потенциала агропромышленного комплекса. В соответствии с указанной целью раскрыто содержание кризисных факторов, сдерживающих инновационный менеджмент в АПК в условиях экономического спада производства 2014–2015 гг. На основе анализа деятельности агропромышленного сектора экономики рассмотрены происходящие процессы в АПК с позиций инновационной экономики, сделана попытка оценить влияние кризисных факторов АПК на экономическую и инновационную политику. Обозначены направления, ведущие к обновлению стандарта управления, влияющие на эффективность управления в АПК. Предложены пути реализации инновационной активности, способные привести к позитивным экономическим последствиям, росту прибыли в агропромышленном секторе РФ.

Автор приходит к выводу, что развитие инновационной активности в АПК с учётом текущих экономических реалий Российской Федерации даёт возможность к самообеспечению страны, внедрению инноваций, наращиванию инновационных предприятий, ведёт к решению ключевых управленческих проблем агропромышленного комплекса страны.

Ключевые слова: инновационный менеджмент, агропромышленный комплекс, управленческие отношения, импортозамещение, инновационные процессы, модернизация АПК.

Управлять – значит предвидеть.

Екатерина II Великая

Предвидеть – значит управлять.

Блез Паскаль

В отечественной научной литературе широко декларируется тот факт, что в соответствии с современными реалиями мира Россия встаёт на инновационный путь развития, формируя политику, экономику, общество, основанное на знаниях. На текущий момент это является основным стратегическим приоритетом развития страны.

Для агропромышленного комплекса Российской Федерации приоритетным является поиск новых подходов к управлению отраслью, позволяющий перейти на инновационный менеджмент.

Инновационный менеджмент в АПК это новая, неизученная в России сфера деятельности, неисследованная в практическом и теоретическом аспекте. Проблематика инновационного менеджмента в АПК неразработанная проблема, целесообразность разработки которой оче-

видна, востребована и актуальна как для науки, аграрного сектора, так и для всей страны, поскольку агропромышленный комплекс РФ является ведущим звеном национальной экономики.

Впервые о необходимости перехода на инновационный путь развития было заявлено Президентом Российской Федерации 10 лет назад. Тогда же стал разрабатываться пакет законопроектов, обеспечивающих инновационный процесс во всех отраслях экономики, который до текущего момента окончательно не сформирован. Рассмотрение инновационного менеджмента в АПК не имеет нормативно-правового обеспечения по ключевым вопросам и сегодня. При этом развитие инновационного менеджмента в АПК диктуется возникшими в стране и мире экономическими проблемами и острой необходимостью быстро и качественно перейти на импортозамещение, самообеспечение и модернизацию отрасли с целью «накормить страну» и продвинуться вперёд, для обеспечения перспектив получения доходов и приоритетов экономической политики, что является главной задачей сегодняшнего дня.

Инновационный менеджмент в агропромышленном комплексе Российской Федерации можно рассматривать как неизученную, нерализованную и невнедрённую систему подготовки и принятия новых решений, направленных на развитие инновационного потенциала отрасли, позволяющего повышать эффективность производства и наращивать инновационный процесс.

При этом в условиях становления инновационного процесса в АПК, подразумевающего новые организационно-управленческие решения, должен произойти переход от использования бюджетных источников финансирования к коммерциализации инноваций (получению прибыли от их использования).

Основоположник теории инноваций Й. Шумпетер, внедрение новых технологий, нововведений понимал как инновацию. В переводе с английского «инновация» это нововведение, «инвестиция в новацию», иными словами, результат инвестирования в разработку новых идей по обновлению сфер деятельности.

В общем смысле «инновация» – это синоним успешного производства, внедрения и использования обеспечивающих стратегический выигрыш *новшеств* в экономической и социальной сфере.

Успешность производства в АПК зависит от финансового, правового и организационно-управленческого обеспечения. При этом нужно учитывать, что факторы, влияющие на успешность инновационного менеджмента в АПК, могут быть как стимулирующими, так и сдерживающими инновационное развитие.

На основе анализа текущей экономической ситуации в стране к сдерживанию инновационного процесса в АПК можно отнести отмеченные в авторской таблице (рис. 1) кризисные факторы в условиях экономического спада производства 2014–2015 гг.

Управленческие отношения принято рассматривать как воздействие субъекта на объект, итогом которого является управленческое решение.

Менеджмент как наука рассматривает множественные разнотипные, управленческие отношения, стили руководства, механизмы и схемы управления, на всех уровнях организационных структур. Термин «менеджмент» соответствует понятию «управление» ситуационно-экономическими процессами. Менеджмент

можно рассматривать и как искусство управлять материальными, сырьевыми, финансовыми, интеллектуальными ресурсами в целях повышения производственной деятельности, обеспечения организации труда, ориентации предприятия на доходность, прибыль, внедрение в производственную деятельность инноваций.

В условиях внедрения инноваций в сферу деятельности АПК *менеджмент призван превращать новые знания в производственный фактор, источник экономического роста, наряду с трудом, природными ресурсами и капиталом, в этом собственно и заключается инновационный менеджмент в АПК.*

Исследование показало, что основными причинами сдерживания инновационного менеджмента в АПК является отсутствие системы управления инновациями и несовершенство законодательного обеспечения организационных процессов управления. Названные причины не позволяют в текущих условиях в полной мере решить задачи *насыщения потребительского рынка сельхозпродукцией (по доступным населению ценам)*. Решение этой проблемы зависит от модернизации агропромышленной отрасли и внедрения инновационных стратегий в сельском хозяйстве.

Анализ деятельности агропромышленного сектора экономики за три предшествующих года позволяет утверждать, что для полного самообеспечения страны продовольствием по доступным ценам *важно решить организационно-управленческие задачи* по модернизации всех сфер АПК, расширению отечественной переработки сельскохозяйственного сырья, увеличению производства кормовых культур и ориентировать инновационный менеджмент на качественную продукцию сельского хозяйства [1].

Пути решения этих задач обосновываются объективными факторами. Так, агропромышленный комплекс России – это десятая часть пахотных земель всего мира с 20% воспроизводимых плодородных мировых земель и 55% природных запасов чернозёма на планете. Товарная продукция отечественного сектора сельского хозяйства составляет исходный материальный поток предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, имеющих высокий потенциал развития. В 2014 году российский агропромышленный комплекс по-

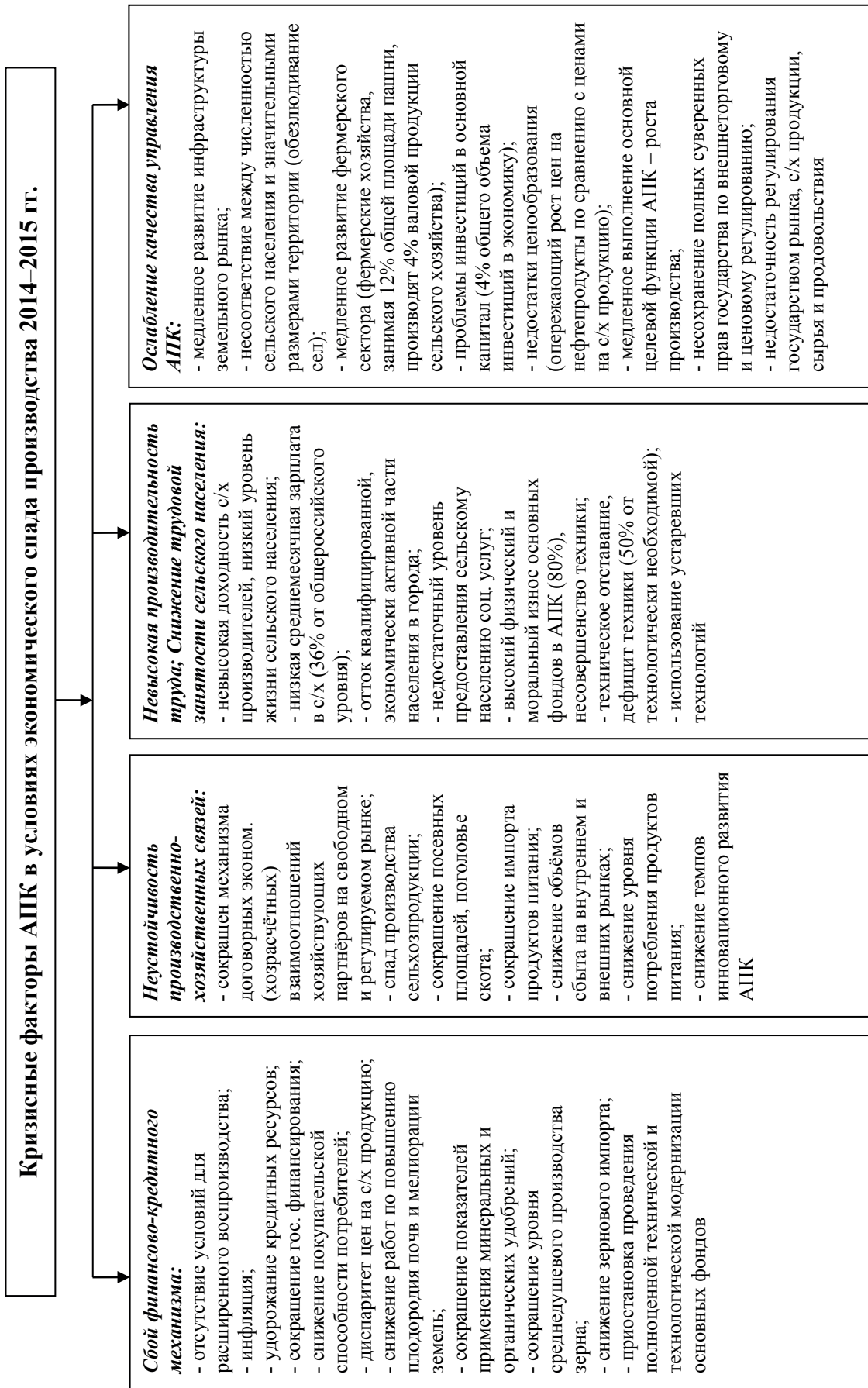

Рис. 1. Авторская таблица кризисных факторов в условиях экономического спада производства 2014–2015 г

казал самые лучшие достижения по сравнению с другими отраслями экономики. Вместе с тем в текущий период, несмотря на плановую реализацию государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. [2], в аграрном секторе экономики отмечаются серьёзные трудности, отчасти порождённые кризисными факторами АПК, показанными на рис. 1.

Кризисные факторы АПК напрямую связаны с уровнем поддержки оказываемой агрокомплексом страны, неустойчивостью производственно-хозяйственных связей и ослаблением качества системного управления в АПК, что препятствует движению имущественных и ресурсных потоков в этой сфере и затрудняет внедрение и использование в агрокомплексе обеспечивающих стратегический выигрыш новшеств (инновационных проектов в растениеводстве, животноводстве, проектов по мелиорации земель сельскохозяйственного назначения, по переработке продукции растительного и животного происхождения, по созданию альтернативных источников энергии, в том числе по производству биотоплива из отходов производства сельского хозяйства и т.д.).

В более ранней работе автора [1] обозначены критерии, ведущие к обновлению стандарта управления агропромышленным комплексом характерные для всех регионов России. Там же определены одиннадцать основных задач текущего периода, влияющих на эффективность управления агропромышленным комплексом Оренбургской области (посевная площадь сельскохозяйственных культур которой в 2014 г., составила 4253,1 га) [3], способных привести к позитивным экономическим последствиям. Среди которых можно выделить рост прибыли, повышение производительности труда, инновационную активность всех отраслей АПК, привлечение прямых инвестиций, обеспечение социально-экономического развития территорий.

Сегодня для развития инновационного процесса в АПК есть почти всё: ресурс федеральных целевых программ, государственная инфраструктура поддержки АПК, интеллектуальный и иной потенциал, направленный на содействие АПК в получении имущественной, правовой, финансовой, информационной, консультативной поддержки. Несмотря на это автор считает, что инновационный менеджмент в

агропромышленном комплексе развивается в значительной степени инертно, неоднородно, импортное замещение простаивает. В регионах инновационная система складывается медленно из-за отсутствия рыночного инфраструктурного обеспечения процесса воспроизводства инноваций и технологий. Программные цели развития научно-технической и инновационной деятельности в практическом плане управленческими мерами решать не удаётся, в результате экономика остаётся сырьевой, а не инновационной. Извлечение прибыли от использования инноваций и трансферт технологий (процесс передачи прав на использование объекта интеллектуальной собственности) в централизованном порядке не организованы и правовыми актами не закреплены.

На наш взгляд, несмотря на наличие федерального и региональных законов «Об инновационной деятельности», которыми определены: виды, субъекты инновационной деятельности, их права и гарантии, финансирование и источники финансирования инновационной деятельности, цели инновационной политики, принципы её формирования и т.д., а также программы поддержки научно-технической и инновационной деятельности на 2011–2015 годы, государственные, общественные и финансовые институты не показывают чёткой ориентации на выполнение задач по безусловному внедрению инноваций во всех отраслях АПК (земледелие, растениеводство, животноводство, птицеводство, переработка сырья и т.д.) в жизнь. Играет свою роль и долгий срок внедрения, а зачастую и невозможность внедрения менеджментом инноваций в АПК.

В первую очередь это связано с тем, что вложения в инновации могут окупаться только тогда, когда есть уверенность в завтрашнем дне. Начиная с 2008 года и до настоящего времени происходящие в стране процессы, включая валютный кризис и экономические санкции 2014 года, такой уверенности не несут. В этой ситуации у аграриев (при насущных потребностях в инновациях) на внедрение безотходных инновационных технологий в производство нет спроса. Автор полагает, что в этой ситуации инвесторы не видят смысла вкладываться в инвестиции, тем самым инновационная модель обеспечения продовольственной безопасности страны имеет минимальные шансы на успех.

При этом и уровень государственного управления (регулирующая роль) инновациями в России нельзя признавать достаточным.

Существуют показатели, с помощью которых можно измерить уровень государственного управления инновациями и применение инновационного менеджмента на практике. Одним из таких показателей является уровень затрат на внутренние исследования и разработки. Данный показатель также является одной из характеристик ликвидности новшеств и свидетельствует о их промышленном использовании. Иллюстрацией уровня затрат на внутренние исследования и разработки служат цифры: Германия тратит на внутренние исследования и разработки 2,47%, США – 2,9%, Япония – 3,36%, Россия около 1,1 % от ВВП. Однако если эти вложения разделить на частные и государственные инвестиции, то Россия обеспечивает государственную поддержку на внутренние исследования в размере 0,81% ВВП. В Японии этот показатель ниже 0,56%. При этом в Японии частный бизнес вкладывается в разработки на 2,47 % от ВВП страны, в России бизнес инвестирует реальные новшества всего лишь на 0,29%, т.е. негосударственный сектор России неохотно инвестирует в инновационные разработки и доведение их до промышленного использования.

По мнению автора, эту систему надо менять подготовкой и принятием управленческих решений, направленных на развитие инновационного потенциала отрасли таким образом, чтобы у предпринимателей, частных инвесторов появлялась насущная потребность в конкретных инновационных проектах и они бы в них инвестировали.

Таким образом, исследование показало, что причиной сдерживания потребностей бизнеса в реальных инновациях в отраслях АПК и нежелании инвестировать в новшества состоит: в отсутствии реализации инновационного менеджмента на местах, что привело к отсутствию системы хозяйственного оборота объектов интеллектуальной собственности; и отсутствию стандартных процедур и технологий коммерциализации инновационных разработок, направленных на получение прибыли.

С учетом изложенного автор статьи приходит к выводу, что управленческие проблемы в АПК определяются не только кризисными процессами, но и отсутствием системного иннова-

ционного подхода к решению управленческих задач, что не способствует позитивным экономическим последствиям и росту прибыли в агропромышленном секторе, и в этом случае, по нашему мнению, необходимо:

1. Воздействие управленческих функций государства по созданию экономических, финансовых инструментов, стимулирующих инновационную деятельность агропромышленного комплекса, а также дополнительных механизмов поддержки продвижения новых технологий производственных отношений в сельском хозяйстве [4].

2. Формирование полноценного рынка интеллектуальной собственности, создание механизмов распространения научной и технической информации, которая являлась бы открытой и максимально доступной для потенциальных партнёров, инвесторов и потребителей [5].

3. Техническая модернизация сельского хозяйства и пищевой промышленности, сферы производственного обслуживания АПК.

4. Повышение производственно-технической, производственно-экономической, социально-экономической, организационно-управленческой эффективности труда, образующей полный технологический цикл «производство – переработка – реализация».

5. Нарастивание объёмов производства, создание единого аграрного рынка продовольствия, создание необходимых и достаточных условий для перехода к инновационной модели обеспечения продовольственной безопасности страны.

6. Научный подход и практический опыт в области мелиорации, земледелия, генетики, микробиологии, переработки сельхозпродукции, пользование в полном объёме всеми высокотехнологичными инновациями, исследованиями и разработками, передовыми и эффективными технологиями сельскохозяйственного производства, принадлежащими WTO.

7. Грамотное, умелое использование инструментов программно-целевого управления: ресурс федеральных целевых программ, Инвестиционный фонд РФ, научные фонды: Российский фонд фундаментальных исследований, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российский фонд технологического развития, ресурсы институтов развития: Государственная корпорация «Российская корпорация нанотех-

нологий», Российская венчурная компания и других, которые влияют на финансирование АПК, формирование инновационной системы, поддержку инновационного потенциала в агропромышленном комплексе [6].

Являясь аграрной страной и находясь до введения экономических санкций на 3 месте в мире (после США и Евросоюза) по экспорту зерновых и на 4 месте по экспорту пшеницы, Россия до 50% продуктов сельского хозяйства импортировала из других стран. Зависимость от импорта сельхозпродукции, безусловно, снизила экономическое развитие отечественного агропромышленного комплекса и затормозила инновационный процесс и принятие инновационных управленческих решений в АПК.

Ориентация на сырьё, а не на самообеспечение страны и развитие инновационных предприятий по переработке сырья является ключевой управленческой проблемой агропромышленного комплекса страны. Подтверждение тому низкий спрос на инновации и отсутствие новых подходов к управлению в АПК в вопросах регулирования заказа и спроса на инновационную продукцию [7].

Отсталость системных подходов в управлении АПК автору видится и в том, что политика государства, направленная на инновационную экономику и поддержку АПК (расширение логистики, инновационной инфраструктуры, повышение качества жизни сельского населения за счёт рационального использования почвенных и агроклиматических ресурсов территории с применением современных высокопроизводительных технологий глубокой переработки зерновой, овощной и иной сельхозпродукции), опирается в сырьевой путь развития.

Интересанты, способные повлиять на инновационный процесс, принятие комплексных агрономических и зоотехнических решений, связанных с биотехнологиями в АПК, стимулированием современных бизнес идей должны учитывать, что самодостаточность страны за счёт удовлетворения спроса внутренних и внешних рынков на сельскохозяйственную продукцию российского производства (по доступным населению ценам) один из основных управленческих вопросов, требующих системного решения [8].

По данным федеральной службы государственной статистики, ежегодно в России потребляется продукции сельского хозяйства на

7 триллионов рублей, а производится на уровне 4 триллионов рублей. Эту ситуацию усугубляет тот факт, что из 85 субъектов Российской Федерации только 14 являются нетто-производителями продовольствия, 71 нетто-потребители. Зависима Россия от внешнего производителя и по фруктам и по ягодам, поскольку потребляют их в России 11 млн тонн, а производится 6 млн тонн. В пользу ненадлежащего менеджмента в АПК свидетельствует и тот факт, что на отсутствие достаточного количества фруктоовощехранилищ и переработки ежегодно терялось 50% производимого картофеля и фруктов, и только в текущий период на строительство оптовых хранилищ выделено около 70 млрд рублей, а в сфере растениеводства планируется создать селекционно-семеноводческие центры, с тем чтобы к 2020 году до 70% продукции растениеводства производить в стране.

Автор данной статьи уверен, если отечественный агропромышленный комплекс сможет производить и перерабатывать в достаточном количестве все основные продукты питания (хлеб, молоко, мясо, рыбу, растительные и сливочные масла, сахар, овощи, фрукты, соки, питьевую воду и т.д.), это позволит нарастить продовольственную безопасность и независимость страны и в разы увеличить доступность продовольствия для населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни.

В условиях исполнения Федерального закона «О продовольственной безопасности Российской Федерации» и экономических санкций, многие производства по переработке сельхозпродукции, на наш взгляд, следует расширять, технически модернизировать, развивать или создавать заново. Другой альтернативы нет. Если в силу установившихся экономических санкций нет возможности закупать всю необходимую стране продовольственную продукцию у производителей других стран, мы обязаны производить её внутри своей страны, *это позволит* обеспечить население качественными и доступными продуктами питания и выйти с готовой продукцией на внутренние и внешние рынки, решать это необходимо в рамках менеджмента.

В данной статье путём сопоставления статистических данных предпринята попытка кратко раскрыть существующие проблемы АПК, ассоциируемые с неспособностью реализовать

инновационный менеджмент в агропромышленной отрасли, а также проанализировать его воздействия на экономические отношения. Полученная в результате сопоставления и анализа информация позволяет разработать прогнозные сценарии реализации инновационного менеджмента и сделать вывод о эффективности его применения в АПК.

Приведённый выше анализ информации также позволяет автору сделать вывод о том, что, несмотря на декларации о необходимости инновационного развития АПК, системная, организационно-управленческая работа в этом направлении ведётся недостаточно. При этом без чёткой детально прописанной на уровне государства инновационной стратегии, являющейся ядром экономической политики, двигаться вперёд невозможно. Только скорое и успешное внедрение организационных, управленческих и технологических инноваций в агропромышленной отрасли может стать производственным потенциалом агропромышленного комплекса и одним из залогов выхода на темпы роста ВВП, которые позволят России оставаться в числе производителей продовольствия ведущих стран мира.

Для этого надо, исходя из новой инновационной стратегии развития и приоритетов сегодняшнего дня, на приемлемых для АПК условиях, посредством управленческих решений вкладывать деньги в реальную перерабатывающую отрасль АПК, обновлять производственную базу, расширять ассортимент пищевых товаров, выводить перерабатывающую и пищевую отрасли на мировой рынок с прямым участием государства и государственных финансовых институтов.

Сформулированные в данной статье предложения, могут разнонаправлено использоваться представителями менеджмента и применяться в ходе создания, разработки и реализации инновационных финансовых стратегий, концепций инновационной политики, целевых программ поддержки развития агропромышленного комплекса, учитываться при совершенствовании законодательства в рамках программ бюджетного инвестирования, кредитования, страхования, оценки экономически выгодных инновационных активов АПК, привлечении на долгосрочной основе в этот сектор экономики средств государства, финансовых институтов, частных инвесторов.

Литература

1. Голубничий, В. Ф. Управление АПК в условиях ВТО / В. Ф. Голубничий / В. Ф. Голубничий, А. А. Майоров // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 2 (52). – С. 240–243.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции сырья и продовольствия на 2013–2020 годы // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>
3. Маслов, М. Г. Сельхозпроизводителям области / М. Г. Маслов // На земле Оренбургской. – 2014. – №7 (47). – С. 1.
4. Майоров, А. А. Развитие экономики и управление инновационным процессом в агропромышленном комплексе / А. А. Майоров // Проблемы управления экономикой в трансформируемом обществе: сборник статей X Международной научно-практической конференции. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2013. – С. 24–27.
5. Путин, В. В. Инновационное развитие – это сфера ответственности всех без исключения [Электронный ресурс] / В. В. Путин // Информационный портал. Национальное деловое партнёрство. – URL: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp>
6. Майоров, А. А. Мировой опыт финансирования инновационного малого бизнеса / А. А. Майоров // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2011. – № 2 (30). – С. 169–172.
7. Майоров, А. А. Финансирование инновационного процесса в малом бизнесе / А. А. Майоров // Экономические науки. – 2011. – № 4 (77). – С. 226–231.
8. Мазуренко, Г. Е. Методика оценки эффективности работы руководителей в сельскохозяйственной организации / Г. Е. Мазуренко, П. И. Огородников // Известия Оренбургского ГАУ. – 2013. – № 5 (43). – С. 182–184.

References

1. Golubnichy, V. F., Mayorov, A. A. (2015), "Management of agribusiness in the WTO" [Ypravlenie APK v usloviakh VTO], *Izvestiya of the Orenburg State Agrarian universiteta*, No 2 (52), pp. 240–243.
  2. The state program of agricultural development and regulation of agricultural products raw materials and food for 2013–2020 [Gosydarstvennaya programma razvitiya selskogo hozaistva i regyirovaniya rynkov selskohozaistvennoi prodykcii i prodovolstvia na 2013–2020 gody], available at: <http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/342.htm>
  3. Maslov, M. G. (2014), "Agricultural regions" [Selhozproizvoditelam oblasti], *On the ground, Orenburg*, No 7 (47), p. 1.
  4. Mayorov, A. A. (2013), "Economic development and management of the innovation process in the agricultural sector" [Razvitie ekonomiki i upravlenie innovazionnym processom v agropromyhlennom komplekse], *Volga House of Knowledge*, pp. 24–27.
  5. Putin, V. V. "Innovative development – is the responsibility of everyone" [Innovazionnoe razvitie – eto sfera otvetstvennosti vseh bez isklucheniya], available at: <http://www.allmedia.ru/newsitem.asp>
  6. Mayorov, A. A. (2011), "World experience in financing innovative small businesses" [Mirovoi opyt financirovaniya innovacionnogo malogo biznesa], *Izvestiya of the Orenburg State Agrarian University*, No 2 (30), pp. 169–172.
  7. Mayorov, A. A. (2011), "Financing of the innovation process in small business" [Finansirovanie innovacionnogo processa v malom biznese], *Economics*, No 4 (77), p. 226–231.
  8. Mazurenko, G. E., Ogorodnikov, P. I. (2013), "Methods of evaluating the performance of managers in Agriculture Organization" [Metodica ocenki effektivnosti raboty rykovoditelei v selskohozaistvennoi organizacii], *Izvestiya of the Orenburg State Agrarian University*, No 5 (43), pp. 182–184.
-

УДК 338.2

А. И. Сметанина, аспирант кафедры мировой экономики и экономической теории»,
ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет»
e-mail: luxury_economy@mail.ru

ГИПОТЕЗА ВИРТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автором выделены ключевые тенденции в развитии современного предпринимательства и выдвинута гипотеза виртуализации предпринимательской деятельности, согласно которой современное предпринимательство переходит на новый этап своего развития, характеризующийся виртуализацией экономических отношений, и старые методы оценки неприменимы к виртуальным предприятиям. Автором проанализирована эволюция экономических систем и ориентиров предпринимательства, оставлена классификация типов предпринимательской деятельности по критерию основного фактора производства, выделена система факторов производства виртуального предпринимательства, определен механизм виртуального предпринимательства, выявлен Закон расширения виртуальных хозяйственных показателей в реальной экономической деятельности хозяйствующих субъектов, разработан Метод виртуальной реализации и произведена оценка платежеспособности и инвестиционной привлекательности виртуального предприятия с использованием традиционного метода оценки конкурентоспособности и метода виртуальной реализации.

Ключевые слова: виртуализация, предпринимательская деятельность, виртуальное предпринимательство, экономическая система, виртуальный капитал.

Предпринимательская деятельность является движущей силой экономического развития, так как она обеспечивает создание рабочих мест, уплату налогов в государственный бюджет и инвестирование в инновации. В ходе создания и применения инноваций изменениям подвергается не только товар, но и маркетинговые инструменты, отвечающие за его продвижение на рынке, а также способы его оплаты и бизнес-процессы внутри самого предприятия.

Исследование эволюции предпринимательской деятельности, сущности и особенностей предпринимательства на современном этапе развития экономики позволяет выявить ключевые тенденции в развитии предпринимательства и определить ключевые факторы успеха предпринимательской деятельности. Мнения ученых относительно особенностей современного предпринимательства различны.

Н. В. Тумаланов считает, что внешние условия функционирования предпринимательства в современной экономике характерны тем, что нынешний предприниматель, как правило, не несет ответственности по обязательствам фирмы своим личным имуществом. Его ответственность ограничивается активами фирмы или долей в них [18, с. 452]. Другими словами, уче-

ный в качестве основной тенденции развития современного предпринимательства выделяет ограничение ответственности предприятий имеющимися у них в наличии активами.

Зарубежные исследователи, напротив, отмечают повышение роли корпоративной социальной и экологической ответственности, выходящей за рамки законодательства и определяемой спросом на такую ответственность со стороны потребителей. В. С. Бильчак и Н. Г. Дупленко концентрируют внимание на финансовой сфере и расширении использования в предпринимательстве ссудного капитала, являющегося фактором нестабильности и необеспеченности экономики [3, с. 81].

Как отмечает М. Р. Ахметова, высококонкурентная структура отраслевых рынков и корпоратизация беспрецедентно углубила дифференциацию предлагаемого товара (услуг) с целью сделать его уникальным, неповторимым [2, с. 31]. Исследователь обращает внимание на усиление конкуренции и возрастание роли инноваций в современном предпринимательстве.

Все перечисленные ученые, безусловно, правы, но они исследуют периферийные аспекты современной предпринимательской дея-

тельности, оставляя без внимания его суть. В данном исследовании выделяются следующие ключевые тенденции в развитии современного предпринимательства:

- Возникновение конвейерного производства в начале XX века и его последующее развитие создало возможность массового производства, что спровоцировало формирование общества потребления, в основе которого находятся возрастающие в геометрической прогрессии потребности, формируемые не реальной необходимостью, а новыми возможностями производства.

- Активное развитие мировой финансовой системы по капиталистическому типу привело к созданию инновационных финансовых инструментов – электронных платежных систем, представляющих собой технические средства для дистанционной оплаты товаров и услуг, предполагающие использование электронных денег.

- Трансформация господствующего технологического уклада в конце XX века обусловила возникновение новой формы предпринимательства – Интернет-предпринимательства, осуществляющего свою деятельность на базе Интернет-платформы и предполагающего дистанционное обслуживание потребителей.

На основе указанных тенденций в данном исследовании выдвигается гипотеза виртуализации предпринимательской деятельности, согласно которой современное предпринимательство переходит на новый этап своего развития, характеризующийся виртуализацией экономических отношений, и старые методы оценки неприменимы к виртуальным предприятиям. Появление электронной торговли способствовало появлению виртуальных хозяйствующих субъектов, которые осуществляют свою предпринимательскую деятельность в Интернете [12, с. 263; 15, с. 139].

Для объяснения экономической деятельности виртуальных хозяйствующих субъектов в исследовании вводится понятие виртуального предпринимательства. Виртуальное предпринимательство – это тип предпринимательства, предполагающий осуществление предпринимательской деятельности в сети Интернет, использование виртуального капитала, предложение виртуальной продукции и ее оплату с помощью электронных платежных систем [16, с. 249; 17, с. 78; 19, с. 187]. В рамках обозначенной гипотезы эволюция экономических систем и типов предпринимательства представляется следующим образом (рис. 1).

Как видно из рис. 1, по мере смены экономических систем происходит смена ориентиров предпринимательства, обусловленная сменой общественных потребностей и появлением новых технических возможностей [14, с. 121]. Так, в доиндустриальной экономике господствовало сельское хозяйство, индустриализация экономики сместила центр предпринимательства в сферу промышленности, формирование постиндустриальной экономики акцентировало внимание предпринимателей на сфере услуг, виртуализация экономики поставила в центр предпринимательской деятельности виртуальные операции [13, с. 260]. Смена экономических систем и ориентиров предпринимательства способствовала появлению новых факторов производства [11, с. 245]. Классификация типов предпринимательской деятельности по критерию основного фактора производства приведена в табл. 1.

Как видно из табл. 1, доиндустриальное предпринимательство, ориентированное на сельскохозяйственное производство, использовало в первую очередь такие факторы производства, как земля и труд. Сложность организации бизнес-процессов была низкой, так как пред-

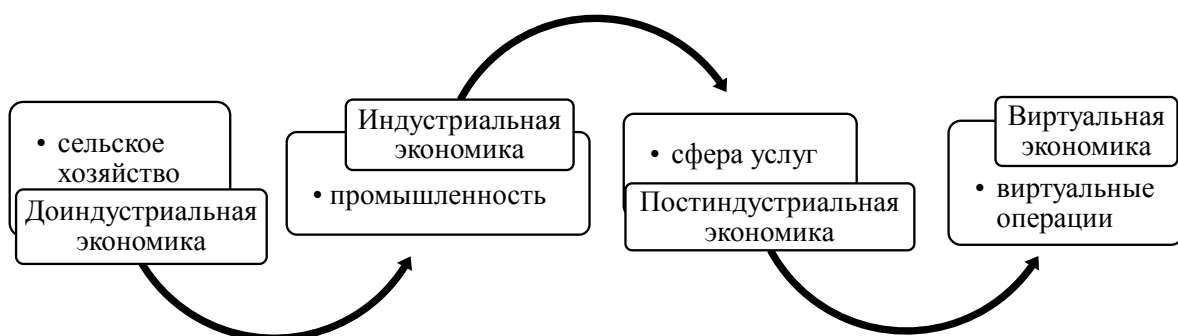

Рис. 1. Эволюция экономических систем и ориентиров предпринимательства

принимательство предполагало производство сельскохозяйственной продукции и ее последующую продажу на рынке [10, с. 886]. Уровень сложности инфраструктуры также достаточно низкий, так как в производственном процессе использовались незамысловатые рабочие инструменты и сама земля. При этом уровень предпринимательских рисков был очень высок, так как степень урожайности во многом определялась погодными условиями, не контролируемые предпринимателем.

В индустриальном предпринимательстве в качестве основных факторов производства выступали материально-технический / основной капитал (здания, машины, оборудование), труд, сырье и материалы. Организация бизнес-процессов усложняется необходимостью автоматизации производства, использования сложных технологий, снижения издержек производства, стремлением к достижению ресурсо- и энергоэффективности производства. Для этого необходима сложная промышленная инфраструктура – специальные промышленные здания, сооружения и оборудование. Однако промышленное производство снизило производственные риски, так как позволило диверсифицировать производство [9, с. 142].

Основными факторами производства в постиндустриальном предпринимательстве выступают предпринимательская способность, технологический капитал (технологии), человеческий капитал [4, с. 110]. Сложность организации бизнес-процессов еще более возрастает, обусловленная необходимостью организации

и управления, координации цепи поставок и сбыта. Сложность предпринимательской инфраструктуры снижается и заменяется нематериальными факторами, основным из которых является координация и управление [1, с. 8]. Предпринимательские риски значительно возрастают, так как ключевым фактором конкурентоспособности становятся инновации, создание и реализация которых требует больших инвестиций, но далеко не всегда окупается.

В виртуальном предпринимательстве на первый план выходит виртуальный капитал. Сложность организации бизнес-процессов также высока и усложнена отсутствием реального контакта продавца и покупателя. Уровень сложности инфраструктуры снижается за счет устранения необходимости содержания офиса и минимизации количества необходимого оборудования (вплоть до единственного компьютера). При этом достигается снижение уровня предпринимательских рисков. Это обеспечивается за счет следующих преимуществ виртуального предпринимательства:

- минимизация издержек благодаря отсутствию необходимости обладания реальными объектами инфраструктуры, реальной продукцией и уплаты налога на имущество;
- максимизация прибыли благодаря оптимизации соотношения спроса на его продукцию и предложения;
- гибкость и адаптивность к изменениям рыночной среды благодаря возможности быстрого изменения ассортимента предлагаемой продукции.

Таблица 1

Классификация типов предпринимательской деятельности по критерию основного фактора производства

Тип предпринимательской деятельности	Основной фактор производства	Уровень сложности организации бизнес-процессов	Уровень сложности инфраструктуры	Уровень предпринимательских рисков
Доиндустриальное предпринимательство	земля, труд	низкий	низкий	высокий
Индустриальное предпринимательство	материально-технический / основной капитал (здания, машины, оборудование), труд, сырье и материалы	средний	высокий	средний
Постиндустриальное предпринимательство	предпринимательская способность, технологический капитал (технологий), человеческий капитал	высокий	средний	высокий
Виртуальное предпринимательство	виртуальный капитал	высокий	низкий	низкий

Здесь также необходимо отдельно остановиться на понятии виртуального капитала. В данном исследовании под виртуальным капиталом понимается фактор производства, обеспечивающий предпринимательскую деятельность хозяйствующего субъекта, но не числящийся на его балансе. В данном исследовании выделяются следующие объекты виртуального капитала:

- виртуальный материально-технический / основной капитал – здания, сооружения, оборудование, используемое предприятием, но не числящееся на его балансе (квартира предпринимателя, его личный компьютер, иная техника);

- виртуальные ресурсы, сырье и материалы – ресурсы, сырье и материалы, по которым налажена договоренность о возможности их приобретения, но которые не числятся на балансе предприятия;

- виртуальный человеческий капитал – знания и опыт самого предпринимателя и его сотрудников в области ведения виртуального предпринимательства;

- виртуальный технологический капитал – бизнес-схема виртуального предпринимательства, определяющая отношения с контрагентами и покупателями;

- виртуальный труд – действия, совершаемые предпринимателем и его сотрудниками по предоставлению товаров и услуг потребителям и взаимодействию с контрагентами;

- доступ к виртуальным финансовым инструментам – договор на использование электронных платежных систем для расчетов контрагентами и покупателями [5, с. 58; 6, с. 78; 7, с. 38; 8, с. 91].

Система факторов производства виртуального предпринимательства представлена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, на этапе создания виртуального предприятия используется в первую очередь виртуальный материально-технический/основной капитал. В процессе формирования ассортимента продукции используются виртуальные ресурсы, сырье и материалы. При приеме заказов и оплаты от потребителей используется доступ к виртуальным финансовым инструментам. В процессе закупки продукции у поставщиков – виртуальный человеческий капитал, при отгрузке товаров курьеру – виртуальный технологический капитал, при доставке продукции потребителям – виртуальный труд.

В качестве примера виртуального капитала можно привести Интернет-магазин, функционирование которого обеспечивается его владельцем из собственной квартиры с использованием личного компьютера. В данном случае квартира владельца предприятия не числится на его балансе, так же как и личный компьютер. Предприятие занимается розничной торговлей на

Рис. 2. Система факторов производства виртуального предпринимательства

рынке B2C. У данного предприятия нет склада для хранения продаваемой продукции, самой продукции нет в наличии, однако есть договоренность с поставщиками о возможности ее поставки с целью последующей перепродажи. При этом потребители предъявляют реальный спрос на продукцию предприятия. Оплата товаров производится с использованием виртуальных финансовых инструментов (электронных платежных систем). Механизм виртуального предпринимательства приведен на рис. 3.

Как видно из рис. 3, механизм виртуального предпринимательства сложный и многоэтапный. Для сравнения: другие типы предпринимательства также проводятся в несколько этапов, однако их разделение во времени гораздо меньше, чем в случае виртуального предпринимательства, которое предполагает дистанционное обслуживание потребителей. На первом этапе потребители формируют реальный спрос на виртуальный товар и оплачивают его. На втором этапе виртуальное предприятие приобретает реальный товар у реального поставщика. На третьем этапе производится отгрузка товара. На четвертом этапе происходит доставка товара с использованием услуг курьера.

Не следует путать виртуальный капитал и потенциал – различие данных понятий заключается в том, что потенциал – это возможные характеристики хозяйствующего субъекта, которые он с определенной вероятностью может приобрести в будущем, а виртуальный капитал – это уже имеющиеся характеристики хозяйствующего субъекта, которыми он обладает в настоящий момент времени.

В современной экономике действует Закон расширения виртуальных хозяйственных по-

казателей в реальной экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Согласно данному закону, обладание незначительными виртуальными активами позволяет виртуальным предприятиям успешно функционировать на рынке и в полной мере удовлетворять потребности своих клиентов. Это обуславливает тот факт, что успех виртуального предпринимательства определяют не имеющиеся у него в наличии реальные активы, а его внутренний потенциал и виртуальные активы.

Так же действует принцип реализации виртуального, согласно которому виртуальные характеристики субъекта экономической деятельности находят отражение в реальной экономической действительности. Так, виртуальная продукция формирует реальное предложение на рынке и вызывает реальный спрос, использование виртуальных финансовых инструментов приводит к реальному совершению финансовой операции, виртуальный капитал позволяет предприятию получать реальную прибыль.

Для исследования виртуального предпринимательства в данном исследовании предлагается использовать метод виртуальной реализации (от виртуального к реальному), позволяющий оценить реальное экономическое положение хозяйствующего субъекта на основе анализа его виртуальных характеристик.

Метод виртуальной реализации предполагает учет виртуального капитала и оценку не только числящихся на балансе предприятия активов, но и активов, не числящихся на балансе предприятия, но фактически используемых в предпринимательском процессе. Данный метод применим ко всем хозяйствующим субъектам, осуществляющим предпринимательскую дея-

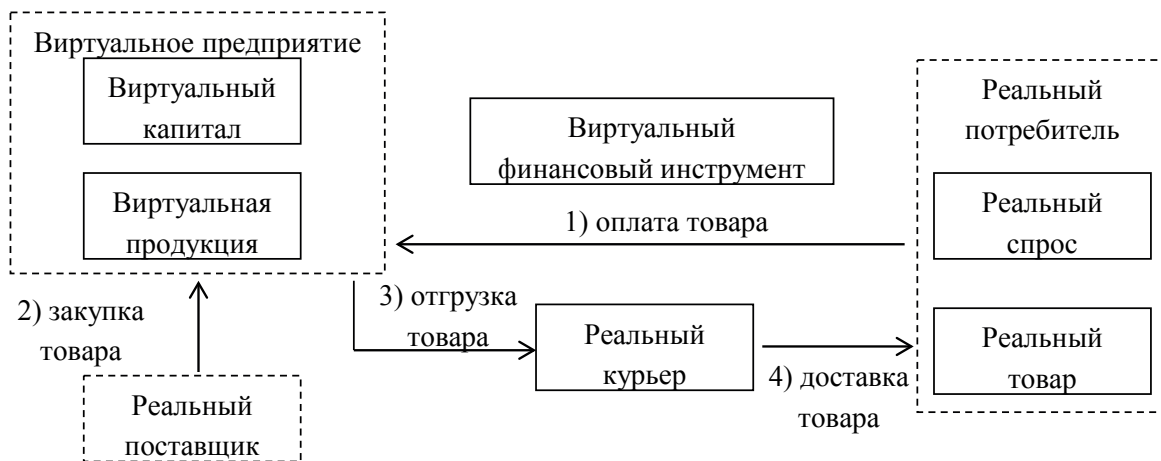

Рис. 3. Механизм виртуального предпринимательства

Таблица 2

Оценка платежеспособности и инвестиционной привлекательности виртуального предприятия с использованием традиционного метода оценки конкурентоспособности и метода виртуальной реализации

Показатели конкурентоспособности	Традиционный метод оценки конкурентоспособности		Метод виртуальной реализации	
	Постиндустриальное торговое предприятие	Оцениваемое виртуальное предприятие	Постиндустриальное торговое предприятие	Оцениваемое виртуальное предприятие
Реальные, числящиеся на балансе активы	значительные	незначительные	значительные	незначительные
Виртуальные, не числящиеся на балансе активы	не учитываются	не учитываются	незначительные	значительные
Соответствие спроса и предложения	не учитывается	не учитывается	не полное	полное
Уровень конкурентоспособности	высокий	низкий	низкий	высокий
Уровень платежеспособности	высокий	низкий	низкий	высокий
Уровень инвестиционной привлекательности	высокий	низкий	низкий	высокий

тельность, и позволяет оценить их экономическую состоятельность, конкурентоспособность, платежеспособность, инвестиционную привлекательность и т.д. В качестве примера использования метода виртуальной реализации произведем оценку платежеспособности и инвестиционной привлекательности виртуального предприятия и сравним полученные результаты с применением традиционного метода оценки конкурентоспособности предприятий (табл. 2).

Как видно из табл. 2, при использовании традиционного метода оценки конкурентоспособности учитываются только реальные, числящиеся на балансе предприятия активы. Это определяет установку, согласно которой платежеспособность и инвестиционная привлекательность предприятия напрямую зависит от имеющихся у него активов. В результате такой оценки уровень платежеспособности и инвестиционной привлекательности постиндустриального торгового предприятия оказывается высоким, так как оно обладает большими активами, а виртуального предприятия – низким, так как оно реальными активами зачастую не обладает.

При использовании метода виртуальной реализации учитываются также виртуальные, не числящиеся на балансе предприятия активы. Это определяет установку, согласно которой платежеспособность и инвестиционная привлекательность предприятия зависит не от имеющихся у него активов, а от его внутреннего потенциала, способности улавливать рыночные сигналы, правильно их интерпрети-

ровать и успешно удовлетворять потребности потребителей, то есть способности к получению прибыли и максимизации эффективности бизнес-процессов.

Так как затраты и имеющиеся активы виртуального предприятия минимальны и достигается полное соответствие спроса и предложения в рамках такого предприятия, то эффективность его деятельности максимальна, а следовательно, платежеспособность и инвестиционная привлекательности высока. Так как затраты и имеющиеся активы постиндустриального торгового предприятия высоки и соответствие спроса и предложения в рамках такого предприятия не достигается, для него характерны излишки и простои, то эффективность его деятельности низкая, а следовательно, платежеспособность и инвестиционная привлекательности низкая.

Следовательно, можно сделать вывод, что традиционный метод оценки конкурентоспособности неприменим к виртуальным предприятиям, так как не учитывает виртуальный капитал и, следовательно, не позволяет составить полную картину конкурентоспособности предприятия. Метод виртуальной реализации оптимально подходит для оценки виртуальных предприятий, и принцип реализации виртуального и Закон расширения виртуальных хозяйственных показателей в реальной экономической деятельности хозяйствующих субъектов реально действует. На основе этого можно заключить, что в результате проведения исследования выдвинутая гипотеза доказана.

Литература

1. Агафонова, А. Н. Развитие принципа клиентоориентированности в электронной коммерции / А. Н. Агафонова // Экономика, социология и право. – 2014. – № 3. – С. 7–10.
  2. Ахметова, М. Р. Интернет-предпринимательство как фактор современного экономического роста России / М. Р. Ахметова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 172. – С. 23–31.
  3. Бильчак, В. С. Эволюция междисциплинарного подхода в исследовании предпринимательства / В. С. Бильчак, Н. Г. Дупленко // Вестник ТГЭУ. – 2013. – № 3. – С. 74–86.
  4. Дегтерева, А. О. Проблемы категориальной определенности дефиниций предпринимательской деятельности, осуществляемой с помощью средств интернета (интернет-предпринимательство) / А. О. Дегтерева // Научное обозрение. – 2013. – № 7. – С. 106–113.
  5. Евстратов, А. В. Развитие рынка электронных платёжных систем в рамках присоединения Российской Федерации к ВТО / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // Экономика: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 56–62.
  6. Евстратов, А. В. Развитие рынка электронных платёжных систем и его роль в экономике Российской Федерации / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // Известия ВолгГТУ. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». Вып. 16: межвуз. сб. науч. ст. – Волгоград, 2013. – № 11 (114). – С. 74–79.
  7. Евстратов, А. В. Конкурентоспособность российских электронных платёжных систем в рамках присоединения Российской Федерации к ВТО / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // Известия ВолгГТУ. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». Вып. 15: межвуз. сб. науч. ст. – Волгоград, 2013. – № 5 (108). – С. 37–45.
  8. Евстратов, А. В. Development of the Market of Electronic Payment Systems in the Context of Accession of the Russian Federation to the WTO / А. В. Евстратов, А. И. Бережнова // World Applied Sciences Journal. – 2013. – Vol. 23, – No 1. – С. 88–93.
  9. Егорян, Л. Б. Применение экономических показателей для повышения эффективности предпринимательства в Интернет-среде / Л. Б. Егорян // Ценности и интересы современного общества Экономика и управление. – 2014. – С. 142–144.
  10. Грановский, Ю. Э. Влияние сети интернет на развитие предпринимательства в электронной торговле / Ю. Э. Грановский // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11–2. – С. 885–888.
  11. Кравчук, М. Н. Тренды в электронной коммерции / М. Н. Кравчук // Интернет-маркетинг. – 2014. – № 4. – С. 240–247.
  12. Максиянова, Т. В. Место и роль Интернет-коммерции в системе интернет-экономики на современном этапе развития информационной (новой) экономики / Т. В. Максиянова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2011. – № 3. – С. 256–264.
  13. Морозова, И. А. Подходы к формированию стратегии управления конкурентоспособностью предпринимательских структур на рынке нефтепродуктов / И. А. Морозова, Д. Б. Абрамович // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 2. – С. 259–264.
  14. Морозова, И. А. Экономика в сетях виртуальности / И. А. Морозова, Е. Ю. Леонтьева, А. И. Сметанина // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2014. – № 6. – С. 117–126.
  15. Нагирная, А. В. Интернет и интернет-торговля: география и особенности развития в глобальном масштабе / А. В. Нагирная, Т. Н. Мьяльдин // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 4(33). – С. 138–142.
  16. Назарова, В. В. Оценка перспектив рынка электронной коммерции в России / В. В. Назарова // Интернет-маркетинг. – 2014. – № 4. – С. 248–255.
  17. Полутова, М. А. Теоретико-методологические подходы отечественных ученых к исследованию предпринимательства: сущность, специфика и этапы развития российского предпринимательства / М. А. Полутова // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 73–86.
  18. Тумаланов, Н. В. Эволюция предпринимательства и ее особенности на современном этапе / Н. В. Тумаланов // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 451–456.
-

---

19. Ievtushenko, D. D. E-business, e-commerce, internet commerce: the nature and interrelation of concepts / D. D. Ievtushenko // Бизнес информ. – 2014. – № 8. – С. 184–188.

References

1. Agafonova, A. N. (2014) On Development of Client-oriented Principle in E-Commerce [Razvitiye printsipa klientooriyentirovannosti v elektronnoi kommertsii] in Economics. Sociology. Law [Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo.], No 3, pp. 7–10.
  2. Akhmetova, M. R. (2013) The Internet Business as Characteristics of Russia Current Economic Growth [Internet predprinimaty – el'stvo kak factor sovremennogo ekonomicheskogo rosta Rossii] in Collection of Independent Economic Society of Russia, V. 172, pp. 23–31.
  3. Bil'chak, V. S. (2013) On Development of Inter-disciplinary Approach to Research of Entrepreneurship [evolutsiya razvitiya mezhdistsplinarnogo podkhoda k issledovaniyu predprinimatel'stva] in Bulletin of TGEU, No 3, pp. 74–86.
  4. Degtyaryeva, A. O. (2013) On Categories of Definitions for Notion “The Internet Business Activity” [Proiblyemy kategorial'noi opredelyennosti defenitsii predprinimatel'skoi deyatel'nosti, osushchestvlyаемoi s pomoshch'у sredstv internet (internet-predprinimatel'stvo)] in Scientific Review, No 7, pp. 106–113.
  5. Yevstratov, A. V. (2013) Electronic Payment Systems Market Development in conditions of Russian Federation Participation in WTO [Razvitiye rynka elektronnykh platezhnykh system v ramkakh prisoyedineniya Rossijskoi Federatsii k VTO] in Economics: theory and practice [Ekonomika: teoriya i praktika], No 2, pp. 56–62.
  6. Yevstratov, A. V., Berezhnova A. I. (2013) Electronic Payment Systems Market Development and its Importance for Russian Economics [Razvitiye rynka elektronnykh platezhnykh system I yego rol' v ekonomike Rossijskoi Federatsii] in Bulletin of Volgograd State Technical University. – Series “Important Aspects of Reforming Russian Economy (theory, practice, prospect) [Izvestiya BolgGTU. Seriya “Aktual'nyye problem reformirovaniye rossijiskoi ekonomiki (toeriya, praktika, perspektiva)”], No 11 (114), pp. 74–79.
  7. Yevstratov, A. V., Berezhnova A.I. (2013) Competitiveness of Russian Electronic Payment Systems in the context of Russia Participation in WTO [Konkurentnosposobnost' Rossijskikh platyeznykh sistemv ramkakh prisoyedineniya Rossijskoi Federatsii k VTO] in Bulletin of Volgograd State Technical University. – Series “Important Aspects of Reforming Russian Economy (theory, practice, prospect) [Izvestiya BolgGTU. Seriya “Aktual'nyye problem reformirovaniye rossijiskoi ekonomiki (toeriya, praktika, perspektiva)”], No 5 (108), pp. 37–45.
  8. Yevstratov, A. V., Berezhnova A. I. (2013) Development of the Market of Electronic Payment Systems in the Context of Accession of the Russian Federation to the WTO // World Applied Sciences Journal, Vol. 23, No 1, pp. 88–93.
  9. Yegoryan, L. B. (2014) Application of Economic Indices to Improve Business Efficiency on the Internet [Primeneniye ekonomicheskikh pokazatelyei dlya povysheniya effektivnosti predprinimatel'stva v Internet-srede] in Values and Interests of Modern Society. Economics and Management [Tsennosti i interesy sovremennogo obshchestva. Ekonomika i Upravleniye], pp. 142–144.
  10. Granovskiji, Yu. E. (2014) The Internet Influence on Development of Business in E-commerce [Vliyaniye seti interne na razvitiye predprinimatel'stva v elektronnoi trgovle] in Economics and Business [Ekonomika i predprinimatel'stvo], No 11–12, pp. 885–888.
  11. Kravchuk, M. N. (2014) Trends in E-commerce [trendy v elektronnoi kommertsii] in Internet-marketing, No 4, pp. 240–247.
  12. Maksyanova, T. V. (2013) Place and Importance of Internet commerce in Internet Economy at Modern Stage of Information Economy Development [Mesto i rol' internet kommertsii v internet ekonomike] in Issues of modern Science and Practice. [Voprosy sovremennoi nauki i praktiki] – University named after V. I. Vernadsky, No 3, pp. 256–264.
  13. Morozova, I. A. (2013) Approaches to Shaping Strategies of Business Competitiveness Control at Oil Product Market [Podkhody k formirovaniyu strategii upravleniya predprinimatel'skikh struktur na rynke nefteproduktov] in Audit and Financial Analysis [Audit i finansovyji analiz], No 2, pp. 259–264.
-

-
14. Morozova, I. A., Leontyeva Ye. Yu., Smetanina A. I. (2014) Economics in Virtual Nets [Ekonomika v setyakh virtual`nosti] in ETAP: economic theory, analysis, practice, No 6, pp. 117–126.
  15. Nagirnaya, A. V. (2013) The Internet and E-commerce: geography and development characteristics in global scale [Internet i internet trgovlya: geographiya i osobennosti razvitiya v global`nom masshtabe] in Bulletin of Orel State University. Series: modern humanitarian research, No 4 (33), pp. 138–142.
  16. Nazarova, V. V. (2014) Evaluation of E-commerce Market Prospects in Russia [Otsenka perspektiv rynka elektronnoi kommertsii v Rossii] in Internet marketing, No 4, pp. 248–255.
  17. Polutova, M. A. (2013) Theoretical and Methodological Approaches of Russian Scientists to business research: essence, specificity and development stages of Russian business [Teoreticheskiye i metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu predprinimatel`stva: sushchnost`, spetsifika i etapy razvitiya rossijskogo predprinimatel`stva] in Bulletin of Zabaikal State University, No 5, pp. 73–86.
  18. Tumalanova, N. V. (2010) Current Business Evolution and Its Peculiarities [Evolutsiya predprinimatel`stva i yeye osobennosti na sovremennom etape] in Bulletin of Chuvash State University, No 4, pp. 451–456.
  19. Ievtushenko, D. D. (2014) E-business, e-commerce, internet commerce: the nature and interrelation of concepts, No 8, pp. 184–188.
-

УДК656.132

А. А. Шмарин, генеральный директор ООО «Автотрейд»
e-mail: shmarin_a@bk.ru

А. П. Шмарин, начальник учебно-методического управления, преподаватель кафедры теории управления и маркетинга, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
e-mail: andrey-shmarin@yandex.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ПАССАЖИРОВ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА К ВЛИЯНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ НА УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ

В исследовании ставится задача поиска наиболее эффективных способов повышения качества транспортных услуг, оказываемых предприятиями городского общественного транспорта. При этом акцент делается именно на тех аспектах качества транспортных услуг, на которые предприятия реально могут оказать воздействие.

Одним из главных источников информации о текущем уровне качества признаётся степень удовлетворённости пассажиров. Для её оценки в работе предлагается использование метода опроса пассажиров, построенного на использовании 26 критериев качества в рамках 5 логических групп. Критерии сформулированы на базе действующих стандартов и требований, с учётом опыта отечественных учёных. Для оценки используется первая анкета с перечнем критериев и параметрами «значимость для меня» и «уровень реализации в настоящее время».

С целью оптимизации издержек транспортных предприятий в статье дополнительно предлагается устанавливать степень чувствительности пассажиров к влиянию отдельных показателей качества транспортных услуг на их удовлетворённость. Для этого приводится форма второй анкеты. Результаты, полученные в рамках этого этапа, позволяют предприятиям оказывать воздействие в первую очередь на те критерии, к которым потребители наиболее чувствительны.

Полученные по итогам оценки данные в исследовании рекомендуется ранжировать с помощью ABC-анализа.

Ключевые слова: пассажирские перевозки, удовлетворённость потребителя, качество пассажирских перевозок.

Предприятия большинства отраслей народного хозяйства ориентируют свою производственную и сбытовую деятельность на максимальное удовлетворение потребностей своих клиентов. Во многом именно уровень удовлетворённости потребителя товаром или услугой определяет конкурентоспособность компании в целом.

При этом в настоящее время предприятиям для повышения собственной конкурентоспособности мало знать показатели, формирующие удовлетворённость потребителей их товаром или услугой, недостаточно иметь понимание о том, каков количественный или качественный уровень этой удовлетворённости. На первый

план выходит необходимость владения информацией об уровне чувствительности потребителя к отдельным показателям, формирующим его удовлетворённость. Это понимание даёт возможность предприятиям экономить массу времени, денег и прочих ресурсов, оказывая влияние в первую очередь на те критерии, чувствительность потребителя к которым будет самой существенной.

Необходимость повышения качества услуг и, как следствие, удовлетворённости потребителей присуща предприятиям сферы городского общественного пассажирского транспорта не в меньшей степени, чем предприятиям других отраслей. Однако при формировании

стратегии повышения удовлетворённости пассажиров на основе их чувствительности к отдельным показателям качества нужно учитывать ряд особенностей и ограничений, которые действуют в данной отрасли.

Первая особенность заключается в относительно невысокой рыночной власти потребителей. Конкурсный принцип закрепления транспортных предприятий за маршрутами, высокая стоимость переключения на основные товары-субституты (личный автомобиль, таксомоторный транспорт), существенная концентрация потребителей относительно организаций-перевозчиков являются ограничителями для данной силы.

Вместе с тем уверенно можно прогнозировать усиление власти потребителей на рынке пассажирских перевозок по целому ряду причин (высокая чувствительность потребителей к стоимости проезда, рост автомобилизации, низкий уровень удовлетворённости потребителей качеством оказываемых услуг, высокая эмоционально-психологическая значимость для пассажиров переключения на товары-субституты и т.д.). Именно это создаёт предпосылки повышения качества услуг, оказываемых предприятиями-перевозчиками.

Второй особенностью отрасли является отсутствие чёткого и доступного механизма оценки качества автобусных пассажирских перевозок.

В соответствии с ГОСТ Р ИСО 9001–2011 «Системы менеджмента качества. Требования» [1], под качеством следует понимать «степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям». Требование, в свою очередь, трактуется как потребность или ожидание самого предприятия, его потребителей и прочих заинтересованных лиц, которое установлено, обычно предполагается или является обязательным.

Таким образом, субъектами оценки качества выступают: пассажиры, само предприятие, прочие заинтересованные лица. В сфере городских пассажирских перевозок к последней категории будут относиться представители контролирующих органов государственной или муниципальной власти, имеющие отношение к общественному транспорту (например, управление пассажирского транспорта администрации муниципального образования, ГИБДД и т.д.). В теории получение объективной информации о качестве городских пассажирских перевозок возможно только на основе исполь-

зования интегрированного подхода, учитывающего результаты оценок всех трёх субъектов.

Оценка качества с позиции удовлетворённости потребителя – процесс сложный и многомерный. Показатель степени удовлетворённости формируется из оценок десятков тысяч пассажиров. Поэтому предприятиям-перевозчикам на практике невозможно достичь максимального значения качества с позиции потребителя. Это происходит, в первую очередь, от того, что пассажиры имеют совершенно разное понимание об идеальной скорости движения транспорта, времени ожидания, температуре в салоне и т.д. И, соответственно, уровень удовлетворённости от одного и того же показателя у пассажиров будет варьироваться.

Тем не менее именно опрос пассажиров является самым эффективным способом установления обратной связи по вопросам качества оказываемых транспортным предприятием услуг, главным показателем которого является степень удовлетворённости потребителя поездкой.

Соблюдение ряда требований при проведении опроса может существенно снизить субъективность результатов:

1. Вопросы анкеты должны иметь чёткие и доступные для интерпретации респондентом формулировки.

2. Опрос должен производиться высококвалифицированными интервьюерами.

3. Необходимый объём выборки респондентов с учётом возраста, пола и т.д. должен быть определён максимально качественно.

4. Респонденты должны пользоваться транспортными услугами того предприятия, которое организует исследование, и оценивать показатели качества именно его деятельности, а не всех транспортных компаний, работающих в отрасли.

5. Для опроса должны быть созданы необходимые условия (в том числе соответствующая ресурсная база).

Основой для опроса является перечень показателей, влияющих на качество пассажирских перевозок. В данном исследовании в область интереса входят только те критерии, которые находятся в поле управляющего воздействия предприятий-перевозчиков. Поэтому среди показателей не будет, например, критерия «продолжительность поездки», который во многом определяется качеством территориальной пла-

нировки городского пространства, эффективностью дорожной инфраструктуры населённого пункта, плотностью маршрутной сети, условиями конкурса на оказание услуг по обслуживанию маршрута и, в меньшей степени, зависит от предприятия, оказывающего услуги.

Перечень критериев определялся на основании [2, 3, 4 и 5] и был условно разбит на пять групп: «информационное обслуживание», «комфортность», «своевременность», «безопасность», «прочие». Методологические основы данного исследования были сформулированы на основе [6].

На первом этапе необходимо, чтобы респонденты оценили выделенные критерии качества по десятибалльной шкале с учётом двух

позиций: «значимость для меня» и «уровень реализации в настоящее время» (см. таблицу 1). При выставлении количественной оценки нужно исходить из того, что значение «10» соответствует максимальной важности критерия для респондента или максимально эффективному уровню реализации показателя в настоящий момент в практической деятельности предприятия-перевозчика. «1» – минимальная значимость критерия для пассажира или самый низкий уровень реализации критерия на практике. «2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9» – промежуточные значения.

Полученные по окончании первого этапа опроса результаты дают широкие возможности для последующей интерпретации.

Таблица 1

Форма анкеты по оценке удовлетворённости пассажиров качеством городского общественного транспорта

Критерий	Значимость для меня	Уровень реализации в настоящий момент
1. Информационное обслуживание		x
1.1. Наличие информации в салоне о стоимости проезда		
1.2. Наличие схемы маршрута в салоне		
1.3. Объявление остановочных пунктов во время движения		
1.4. Сведения о юридическом лице, осуществляющем перевозки на маршруте, о водителе, кондукторе		
2. Комфортность		x
2.1. Площадь, приходящаяся на 1 пассажира, в салоне		
2.2. Чистота салона		
2.3. Температура атмосферного воздуха в салоне		
2.4. Освещённость в салоне		
2.5. Уровень шума в салоне		
2.6. Наполнение салона пассажирами		
2.7. Количество мест для посадки в салоне		
2.8. Удобство входа, выхода, ширина дверных проёмов		
2.9. Вежливость водителя, кондуктора		
2.10. Высота ступеней транспортного средства		
2.11. Мягкость сидений в салоне		
2.12. Уровень профессионализма водителя		
2.13. Условия расчёта (работа с транспортными картами, наличие сдачи)		
2.14. Уровень обзорности (размер и расположение окон) в транспортном средстве		
3. Своевременность		x
3.1. Интервал движения транспортных средств на маршруте		
3.2. Работа транспорта в позднее время		
4. Безопасность		x
4.1. Надёжность функционирования транспортного средства (без поломок, сходов с линии, прочих технических сбоев)		
4.2. Соблюдение водителем правил дорожного движения		
5. Прочие		x
5.1. Стоимость проезда на маршруте		
5.2. Внешняя привлекательность эксплуатируемых транспортных средств		
5.3. Уровень экологичности транспорта		
5.4. Средняя скорость движения транспортного средства		

Во-первых, на основе имеющегося массива данных можно получить графический профиль удовлетворённости пассажиров качеством работы городского общественного транспорта. Условный пример такого профиля приводится на рисунке 1. На горизонтальной оси откладываются все критерии, которые использовались для оценки (от «к1» до «к26»). Положение точки по вертикальной оси определяется как разница выставленных респондентом оценок показателям «уровень реализации в настоящий момент» и «значимость для меня». Наличие среди полученных результатов отрицательных значений говорит об определённой неудовлетворённости пассажира данными критериями.

Во-вторых, полученные данные позволяют сделать вывод о тех критериях, которые имеют наибольшую значимость для пассажира. Это может дать возможность транспортным компаниям дифференцировать свои усилия, сконцентрировав внимание на самых важных показателях.

Для определения чувствительности пассажира к воздействию отдельных критериев качества оказываемых услуг на втором этапе опроса из 26 параметров необходимо оставить только 10 тех, которые будут иметь наибольшую важность для потребителя. После этого провести опрос респондентов по второй анкете.

Условный пример данной анкеты представлен в таблице 2.

Для разработки эффективной стратегии повышения удовлетворённости пассажиров на основе их чувствительности к отдельным показателям качества необходимо ранжировать получившиеся после анализа второй анкеты результаты. Для этих целей может быть использован ABC-анализ. В его основе лежит принцип Парето, который изначально формулировался следующим образом: «20% всех товаров дают 80% оборота».

По отношению к ABC-анализу в рамках данного исследования принцип Парето может прозвучать так: эффективное выполнение 20% критериев качества, к которым пассажиры имеют наибольшую чувствительность, позволяют достигать 80% общей удовлетворённости качеством транспортных услуг.

ABC-анализ подразумевает деление критериев качества пассажирских перевозок на следующие категории: А – критерии, оказывающие максимальное влияние на удовлетворённость пассажиров (активные); В – промежуточные критерии; С – пассивные критерии.

После выполнения процедуры ранжирования чётко определяются группы критериев, с которыми предприятию необходимо будет ра-

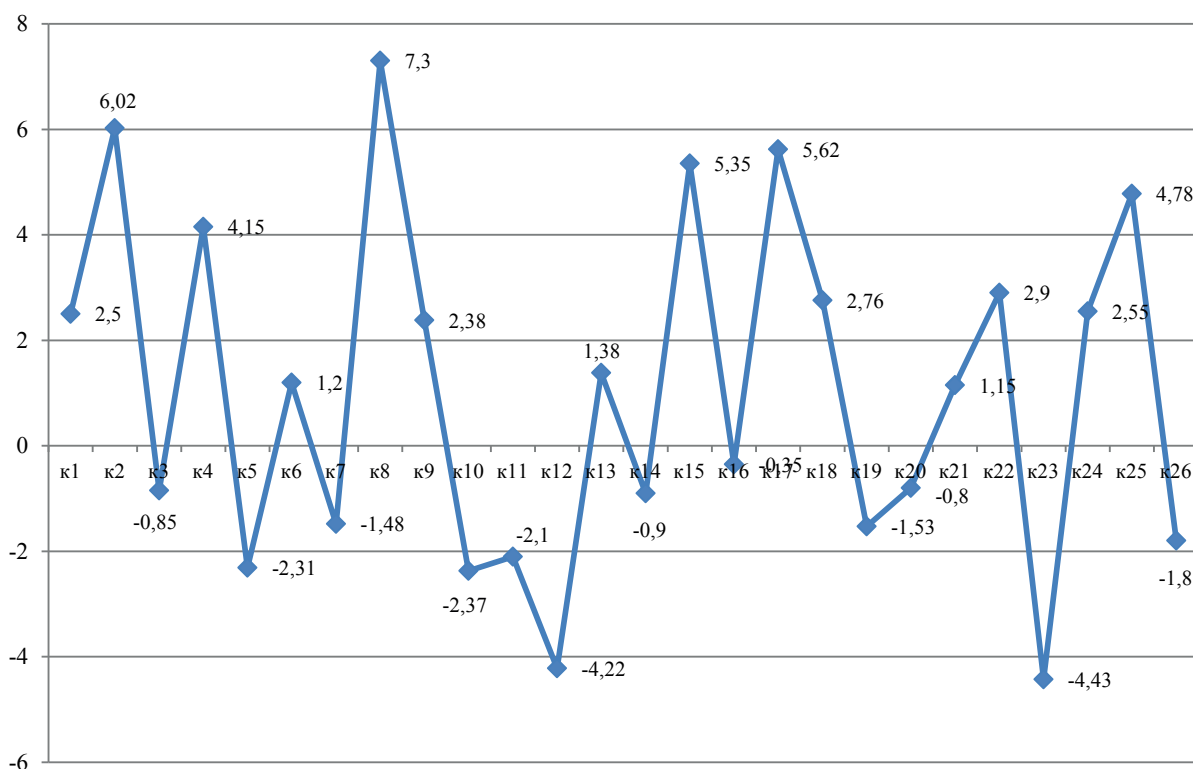

Рис. 1. Условный пример профиля удовлетворённости пассажиров качеством услуг предприятий городского общественного транспорта

Таблица 2

Анкета для выявления чувствительности пассажиров городского общественного транспорта к воздействию показателей качества транспортных услуг

Вопрос «На сколько % вырастет Ваша удовлетворённость качеством транспортных услуг, если...»	Ответ
снизится стоимость проезда	
будут оптимизированы интервалы движения между транспортными средствами	
снизится наполнение салона пассажирами	
повысится надёжность функционирования транспортного средства	
салон транспортного средства будет более чистым	
увеличится площадь салона, приходящаяся на одного пассажира	
мест для посадки в салоне станет больше	
оптимизируется средняя скорость движения транспортных средств	
увеличится выпуск машин в позднее время суток	
вырастет профессионализм водителей	
водители станут более строго соблюдать правила дорожного движения	
в салоне транспортного средства будут объявляться остановочные пункты	

ботать в первую очередь (категория А). Это позволит транспортному предприятию оптимизировать использование управленческого и временного ресурсов, не распыляясь в стремлении повысить эффективность как можно большего количества показателей.

Литература

- ГОСТ Р ИСО 9001–2011 «Системы менеджмента качества. Требования» [Электронный ресурс]. – URL: http://standartgost.ru/D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_ISO_9001-2011. – Дата доступа: 16.05.2015.
- Услуги транспортные. Пассажирские перевозки. Номенклатура показателей качества: ГОСТ Р 51004-96 – 1996. – Введ. 1997-01-01. – М. : Изд-во стандартов, 2012. – 12 с.
- Бочкарева, М. М. Методика оценки качества обслуживания пассажиров общественным транспортом / М. М. Бочкарева, В. А. Гудков, Н. В. Дулина // Известия Волгоградского государственного технического университета. – Волгоград : ВГТУ, 2007. – № 8 (34). – С. 91–94.
- Шмарин, А. А. К вопросу об оценке качества автобусных пассажирских перевозок / А. А. Шмарин, А. П. Шмарин // Прогрессивные технологии в транспортных системах : сб. ст. XII Международной научно-практической конференции (22–24 апреля). – Оренбург : ОГУ, 2015. – С. 495–500.
- Шмарин, А. А. Государственно-частное партнёрство как инструмент повышения качества услуг общественного транспорта / А. А. Шмарин, А. П. Шмарин // Проблемы современной экономики. – СПб. : ООО «Научно-производственная компания «РОСТ», 2014. – № 3 (51) – С. 166–168.
- Долятовский В. А. Система управления мотивацией персонала на основе градиентного подхода / В.А. Долятовский, Л. В. Долятовский, Э. М. Лисс // Современные технологии управления. – Киров : Международный центр научно-исследовательских проектов, 2014. – № 7 (43). – С. 14–19.

References

- GOST R ISO 9001 – 2011 «The quality management System. Requirements» [Electronic resource]. Available at: http://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_ISO_9001-2011 (access date: 16.05.2015).
- Services of transport. Passenger transportation. The range of indicators of quality: GOST R 51004-96 – 1996. – Introductio. 1997-01-01. – М. : Publishing house of ostandardo, 2012. – 12 p.
- Bochkarev, M. M., Gudkov V. A., Doolin N. In. (2007) Methodology of quality evaluation of public transport passenger service [Metodologiya otsenki kachestva passazhirskikh uslug na obshchestvennom transporte] // news of the Volgograd state technical University. – Volgograd: VSTU, No 8 (34), pp. 91–94.
- Shmarin, A. A., Smarin A. P. (2015) On the evaluation of the quality of bus passenger transport services [Otsenka kachestva uslug passazhirskogo transporta] // Progressive technologies in transport

---

systems: collected papers of the XII International scientific-practical conference (April 22–24). – Orenburg : OSU, pp. 495–500.

5. Shmarin, A. A., Smarin A. P. (2014) Public-private partnership as a tool to improve the quality of public transport services [Partnyerstvo mezhdru gosudarstvennymi i chastnymi predpriyatiyami kak instrument sovershenstvovaniya uslug na obshchestvennom transporte] // Problems of modern economy. – SPb. : LLC «Scientific-production company «ROST», No 3 (51), pp. 166–168.

6. Dolatowski, V. A., Dolatowski L. V., Liss E. M. (2014) The control system of staff motivation based on the gradient approach [Kontrol` motivatsii personala s uchetom na baze gradientnogo podkhoda] // Modern management technology. – Kirov : International center for research projects, No 7 (43), pp. 14–19.

УДК 561.2.011.56

А. В. Иващенко, доктор технических наук, профессор кафедры информационных систем и технологий ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)»

e-mail: anton-ivashenko@yandex.ru

О. В. Двойнина, аспирант кафедры информационных систем и технологий ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)»

e-mail: dvoynina_oksana@mail.ru

А. М. Леднев, кандидат технических наук, ассистент кафедры информационных систем и технологий ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С. П. Королёва (национальный исследовательский университет)»

e-mail: andrey.lednev@gmail.com

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТАМИ В ЕДИНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ BIGDATA

В статье рассматриваются новые аспекты управления проектами научно-производственного предприятия с учетом анализа информации об их деятельности в едином информационном пространстве. В частности, выделены уровни представления информационных объектов единого информационного пространства и предложена архитектура системы управления проектами по результатам анализа комбинации показателей эффективности в контексте Big Data. Данное решение было использовано при организации системы управления проектными заданиями в матричной структуре вертикально-интегрированной нефтяной компании. Был проведен сравнительный анализ эффективности выполнения проектов до и после применения рассматриваемого подхода. Целесообразность использования данного решения была подтверждена диаграммами, составленными на основании данных, полученных в ходе эксперимента по его внедрению. В результате применения предложенной архитектуры управления проектами, стоимость и время выполнения проектов компании существенно снизилось.

Ключевые слова: *единое информационное пространство, научно-производственное предприятие, управление проектами, управление персоналом, большие данные.*

Анализ и управление большими данными (Big Data) представляет собой новый объект для изучения в различных областях науки и техники. Современное научно-производственное предприятие является сложной организационно-технической системой, функционирование которой достаточно полно отражается в едином информационном пространстве.

Наряду с инженерными данными и информацией о жизненном цикле изделия полные сведения обо всех событиях, сопутствующих процессам взаимодействия персонала предприятия в едином информационном пространстве, представляющие собой большие данные,

могут сформировать полезную информационную базу для системного анализа и поддержки принятия решений. В данной статье предлагается использовать эти данные для формирования управляющих воздействий при управлении проектами.

1. Обзор современных тенденций

Задача внедрения CALS технологий [1] на современных научно-производственных предприятиях сохраняет свою актуальность в условиях появления новых программных продуктов, расширения возможностей вычислительной техники и изменений, связанных с модернизацией жизненного цикла продукции.

Вопросы интеграции информационных ресурсов научно-производственного предприятия с целью повышения эффективности взаимодействия его персонала освещались в работе [2]. Однако современные тенденции в области организационного управления требуют рассмотрения новых аспектов построения единого информационного пространства.

В рамках теории управления социальными и экономическими системами будем опираться на работы [3, 4]. Методы и модели информационного управления позволяют решить многие задачи организации эффективного взаимодействия персонала научно-производственного предприятия с учетом человеческого фактора. В настоящее время на многих предприятиях широко реализуется матричная (сетевая) структура системы управления для обеспечения наиболее эффективной хозяйственной деятельности. В частности, теория иерархических

систем управления [5] изучает проблемы принятия решений в условиях неопределенности в организационных системах различного вида.

Таким образом, актуальной задачей является изучение особенностей взаимодействия подразделений предприятия с высокой степенью автономности как между собой, так и с единым центром управления с целью обеспечения эффективности работы предприятия в целом. Для моделирования такого взаимодействия можно предложить использование P2P (peer-to-peer, равный с равным) модели взаимодействия [6] для реализации сетевой структуры системы управления в интегрированной информационной среде.

Взаимодействие пользователей интегрированной информационной среды научно-производственного предприятия может быть описано с помощью последовательности событий обмена документами, сообщениями и другими

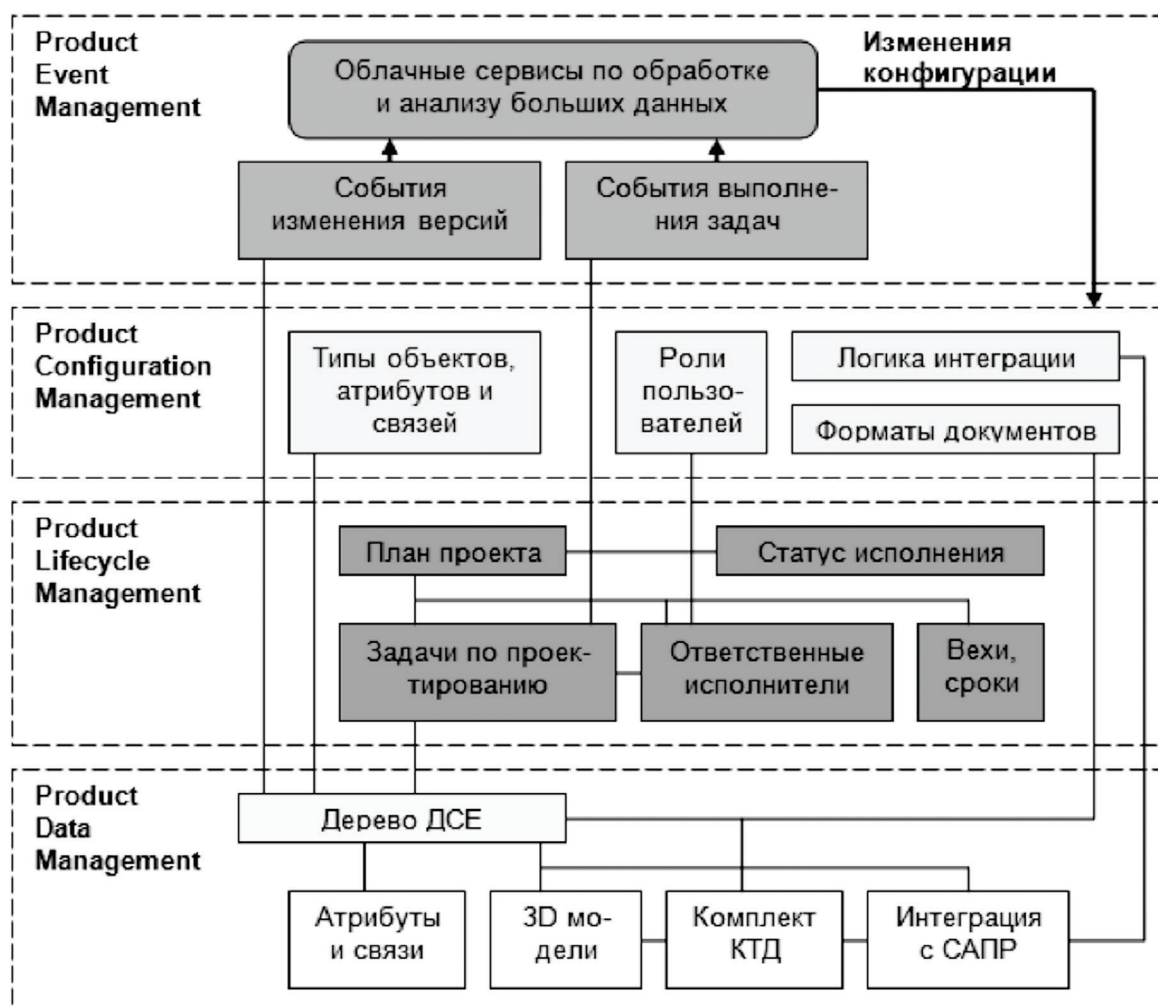

Рис. 1. Уровни представления данных в едином информационном пространстве научно-производственного предприятия

информационными объектами. При выполнении нескольких проектов таких событий много (большой физической объем данных), они достаточно многообразны и требуют высокоскоростной обработки. В связи с этим задачу управления сбором и обработкой информации в системе сбора и обработки данных с распределенной архитектуры следует отнести к проблеме Big Data (больших данных) [7, 8, 9, 10].

2. Уровни единого информационного пространства

Единое информационное пространство современного научно-производственного предприятия может быть декомпозировано по нескольким уровням (см. рис. 1) в зависимости от рассматриваемого типа информационных объектов.

Существующие PDM и PLM системы в соответствии с концепцией CALS обеспечивают управление инженерными данными и данными о проектах по их обработке. Уровень Product Configuration Management (PCM) обеспечивает конфигурирование единого информационного пространства и содержит онтологические данные о типах атрибутов и связей, ролях пользователей, форматах документов и т.д. На уровне Product Event Management (PEM) предлагается реализовать функциональность по анализу и обработке больших данных и конфигурированию по результатам этой обработки компонентов единого информационного пространства предприятия.

Такое разделение требует нового подхода к построению архитектуры системы управления проектами предприятия. С одной стороны, необходимо обеспечить иерархическое управление в соответствии с организационной структурой. С другой стороны, требуется реализовать проектный подход, предусматривающий создание временных команд проекта, объединяемых на некоторый период времени для достижения конкретных результатов. Для решения этой задачи предлагается архитектура системы управления, описанная ниже.

3. Архитектура решения

В условиях рыночной экономики эффективность работы предприятия определяют различные факторы, которые можно классифицировать по ряду ключевых признаков. Условно их можно разделить на производственные (производственная база, технологичность производства и пр.), экономические (ресурсы, коммер-

ческие резервы и пр.) и управленческие. Таким образом, фактическая эффективность предприятия является комплексным понятием.

В случае крупных промышленных наукоемких предприятий, имеющих в своем распоряжении большую производственную базу, многотысячный штат сотрудников, остро стоит проблема выбора эффективной стратегии управления организационной структурой и проектами предприятия [11, 12].

Для достижения требуемого уровня эффективности принятия управленческих решений требуется создать наиболее близкую к оптимальной организационную структуру (организационную систему управления) предприятия и, в частности, структуру управления проектами. Структура системы в данном случае рассматривается как совокупность связей и отношений между ее элементами. В свою очередь, организационная система управления проектами представляет собой совокупность подразделений и должностей, связанных отношениями и подчинением. При создании структуры управления необходимо в максимально возможной степени учесть специфику деятельности предприятия и особенности его взаимодействия с внешней средой.

Процесс формирования организационной структуры управления проектами обычно включает три основных этапа: определение типа организационной структуры (прямого подчинения, функциональная, матричная и пр.); выделение структурных подразделений (аппарат управления, самостоятельные подразделения, целевые программы и пр.); делегирование и передача на нижестоящие уровни полномочий и ответственности за части проекта (отношения руководства – подчинения, отношения централизации – децентрализации, организационные механизмы координации и контроля, регламентация деятельности подразделений, разработка положений о структурных подразделениях и должностях).

Предлагаемая архитектура решения приведена на рис. 2. Данная архитектура затрагивает организационную структуру функционирования предприятия, проектную часть, систему управления, блоки анализа и аналитики, события жизненного цикла проекта, функциональные связи.

Представим распределение ресурсов по выполняемым проектным заданиям (задачам) в

виде ориентированного организационно-деятельностного графа (ОДГ), вершины которого отображают сотрудников предприятия (исполнителей и их руководителей), а дуги – отношения между сотрудниками [13].

Предлагаемая система принятия управленческих решений будет выглядеть следующим образом. На первом этапе руководство предприятия принимает решение о реализации определенного проекта. Затем принимается решение о декомпозиции данного проекта на задачи. Реализация проекта (проработка каждой задачи) сопровождается совокупностью событий жизненного цикла проекта, а эффективность реализации всего проекта зависит от эффективной деятельности при реализации каждой части проекта. Необходимо отметить, что для крупных предприятий события жизненного цикла проекта в масштабе всего предприятия представляют собой большие данные, что, в свою очередь, осложняет процесс анализа эффективности работы предприятия и, соответственно, процесс принятия наиболее близких к оптимальным управленческих решений на каждом этапе.

Учет ключевых показателей эффективности взаимодействия [14] и комплексного показате-

ля (суперпозиция показателей, приведенных выше) в заданные моменты времени позволит проводить мониторинг и корректировку процесса управления. Анализ показателей осуществляется в блоке аналитики. Процесс принятия решений происходит в блоке управления, в общем случае состоящем из нескольких контуров, характеризующих определенные типы управленческих воздействий.

Значение показателей эффективного взаимодействия предлагается оценивать таким образом, чтобы наиболее полно описывать процессы кооперирования сотрудников на предприятии и в каждом конкретном случае, подбор показателей для расчета может варьироваться.

Для анализа показателей взаимосвязи предлагается использовать методы и средства статистического анализа случайных процессов [15].

В результате совместного анализа показателей взаимосвязи, проектной и организационной деятельности формируется баланс ключевых критериев, используемый в контурах управления для формирования решений: модификации организационной структуры, мероприятий, направленных на формирование мотивации,

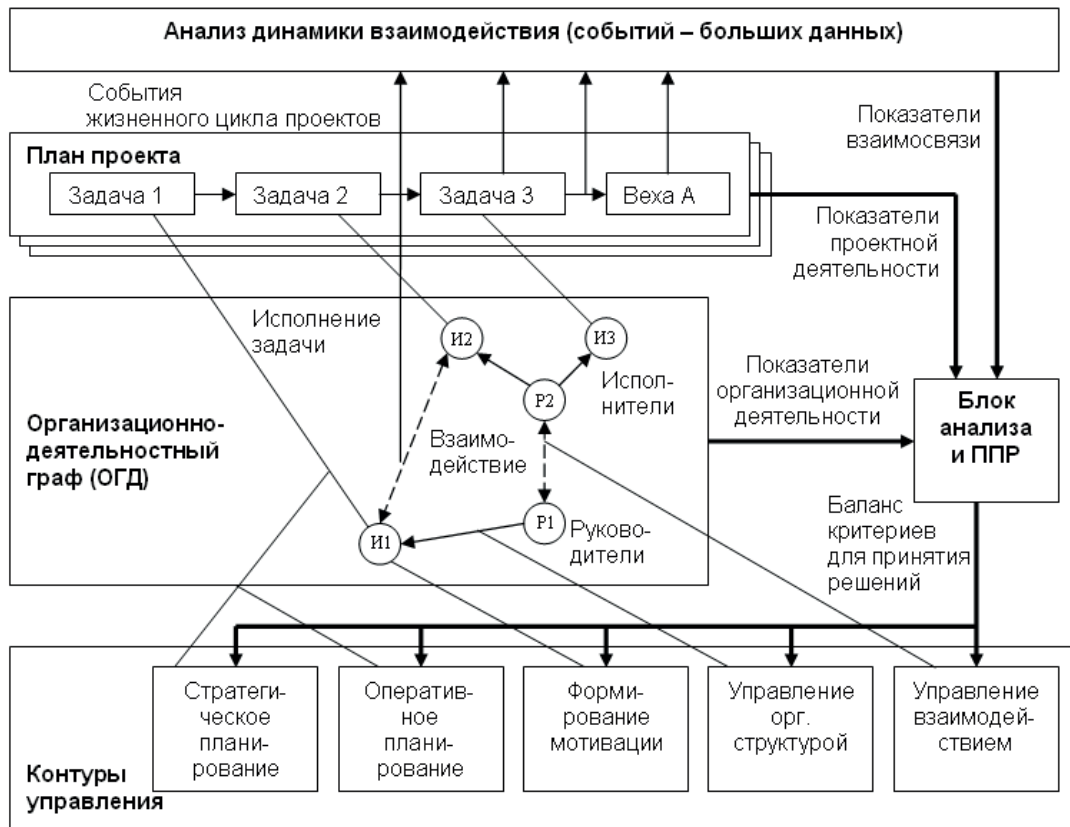

Рис. 2. Анализ больших данных в контуре управления проектами

стратегического и оперативного перепланирования заданий и информационного управления взаимодействием персонала.

4. Результаты практического использования

Предложенное решение было использовано при организации системы управления проектными заданиями в матричной структуре вертикально-интегрированной нефтяной компании. Современные научно-производственные предприятия нефтяной отрасли переходят на матричную (сетевую) структуру управления для повышения производительности труда и сокращения числа производств различного профиля.

Для реализации матричной структуры системы управления в едином информационном пространстве часто предлагаются модели Р2Р или модели однорангового взаимодействия, реализующие описанный выше организационно-деятельностный граф. Обеспечить повышение качества и сократить расходы на выполнение заданий комплексных проектов предлагается за счет применения принципов аутсорсинга, реализованных подсистемой управления взаимодействием на основе результатов анализа событий, характеризующих жизненный цикл выполнения проектов.

В качестве исходных параметров для системного анализа взаимодействия персонала

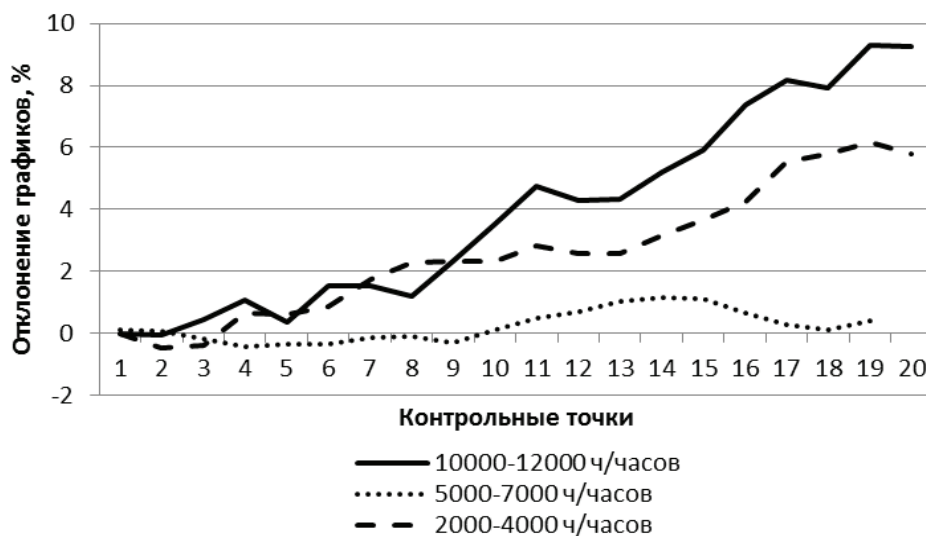

Рис. 3. Относительное отклонение графиков проектов с аутсорсингом от исходных планов-графиков в зависимости от их трудоемкости

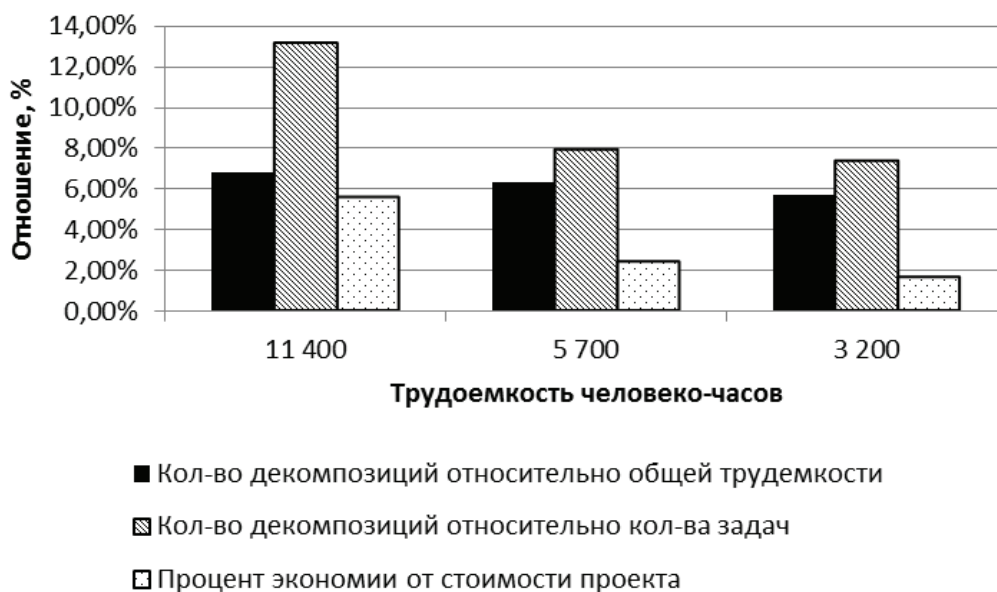

Рис. 4. Сравнительный анализ проектов

предприятия нефтегазовой отрасли были выбраны количественные и временные характеристики проектных заданий, соответствующие проектам вертикально интегрированной нефтяной компании «НК Альянс». В качестве пилотных проектов были выбраны 3 комплексных проекта с разной трудоемкостью: 11 400, 5 700 и 3 200 часов.

Произведенное сравнение динамики отставания проектов от исходных планов-графиков по выбранным 20 контрольным точкам (см. рис. 3) показало, что использование предложенного подхода позволяет сократить среднее время отставания в ходе выполнения проекта. При этом данное преимущество более ощутимо на проектах с большей трудоемкостью.

Сравнительный анализ проектов показал, что на количество декомпозиций в ходе проекта большее влияние оказывает количество задач, чем общая трудоемкость (см. рис. 4). Процент экономии от стоимости проекта рассчитывался как отношение конечной стоимо-

сти задач, после их передачи на аутсорсинг, к исходной стоимости проекта.

Таким образом, практическое применение аутсорсинга, организуемого в результате анализа динамики взаимодействия в едином информационном пространстве предприятия, позволило в значительной мере снизить стоимость и сократить время выполняемых проектов.

Заключение

В статье рассмотрены аспекты управления проектами в едином информационном пространстве научно-производственного предприятия в контексте Big Data, выделены уровни представления информационных объектов единого информационного пространства и предложена архитектура системы управления проектами по результатам анализа показателей эффективности. Результаты использования предложенного решения при организации системы управления проектными заданиями в матричной структуре вертикально-интегрированной нефтяной компании подтвердили его практическую полезность.

Литература

1. Колчин, А. Ф. Управление жизненным циклом продукции / А. Ф. Колчин, М. В. Овсянников, А. Ф. Стрекалов, С. В. Сумароков. – М. : Ахарсис, 2002. – 304 с.
2. Иващенко, А. В. Обеспечение согласованного взаимодействия в интегрированной информационной среде предприятия / А. В. Иващенко. – Самара : СНЦ РАН, 2011. – 206 с.
3. Бурков, В. Н. Теория управления организационными системами и другие науки об управлении организациями / В. Н. Бурков, М. В. Губко, Н. А. Коргин, Д. А. Новиков // Проблемы управления. – 2012. – № 4. – С. 2–10.
4. Воронин, А. А. Математические модели организаций : учебное пособие / А. А. Воронин, М. В. Губко, С. П. Мишин, Д. А. Новиков. – М. : ЛЕНАНД, 2008. – 360 с.
5. Горелик, В. А. Анализ конфликтных ситуаций в системах управления / В. А. Горелик, А. Ф. Кононенко. – М. : Радио и связь, 1991. – 288 с.
6. Иващенко, А. В. Технология P2P-аутсорсинга для организации распределения работ в едином информационном пространстве предприятия / А. В. Иващенко, А. М. Леднев // Инфокоммуникационные технологии. – Т. 12. – 2013. – № 4. – С. 65–71.
7. Manyika, James (2011) Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity, McKinsey Global Institute, McKinsey (9 August 2011).
8. Baesens, B. (2014) Analytics in a Big Data World: The Essential Guide to Data Science and its Applications, Wiley, 232 p.
9. Mayer-Schönberger V., Cukie K. (2014) Big Data: A Revolution that Will Transform How We Live, Work, and Think, 240 p.
10. Thomas, H. (2014) Davenport Big Data at Work: Dispelling the Myths, Uncovering the Opportunities, Harvard Business Review Press, 240 p.
11. Новиков, Д. А. Стимулирование в социально-экономических системах (базовые математические модели) / Д. А. Новиков. – М. : ИПУ РАН, 1998. – 216 с.
12. Новиков, Д. А. Курс теории активных систем / Д. А. Новиков, С. Н. Петраков. – М. : Синтег, 1999. – 108 с.

13. Бурков, В. Н. Элементы теории графов / В. Н. Бурков, А. Ю. Заложнев, Д. А. Новиков. – М. : Синтег, 2001. – 124 с.
14. Parmenter, D. (2010) Key Performance Indicators (KPI): Developing, Implementing, and Using Winning KPIs, Wiley, 320 p.
15. Прохоров, С. А. Прикладной анализ случайных процессов / под ред. С.А. Прохорова. – Самара : Издательство СНЦ РАН, 2007. – 582 с.

References

1. Kolchin, A. (2002) “Product Lifecycle Management” [Upravlenie zhiznennym ciklom produkcii], Aharsis, Moscow, pp. 304.
2. Ivashhenko, A. (2011) “Providing of coordinated interaction in the integrated information environment of enterprise” [Obespechenie soglasovannogo vzaimodejstviya v inte-grirovannoj informacionnoj srede predpriyatija], SNC RAN, Samara, pp. 206.
3. Burkov, V. (2012) “The theory of organizing systems management and other organization administration sciences” [Teoriya upravleniya organizacionnymi sistemami i dru-gie nauki ob upravlenii organizacijami], Problemy upravlenija, No 4, pp. 2–10.
4. Voronin, A. (2008) “Mathematical models of organizations: study guide” [Matematicheskie modeli organizacij: Uchebnoe posobie], LENAND, Moscow, pp. 360.
5. Gorelik, V. (1991) “Analysis of conflict situations in management systems” [Analiz konfliktnyh situacij v sistemah upravlenija], Radio i svjaz', Moscow, pp. 288.
6. Ivashhenko, A. (2013) “Peer-to-peer outsourcing technology for the distribution management in the common information space of a research and development enterprise” [Tehnologija P2P-autorsinga dlja organizacii raspre-delenija rabot v edinom informacionnom prostranstve predpriyatija], Infokommunikacionnye tehnologii, Vol. 12, No 4, pp. 65–71.
7. Manyika, J. (2011) Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity, McKinsey Global Institute, 2011, pp. 39.
8. Baesens, B. (2014), Analytics in a Big Data World: The Essential Guide to Data Science and its Applications, Wiley, pp. 232.
9. Mayer-Schönberger, V., Cukie K. (2014), Big Data: A Revolution that Will Transform How We Live, Work, and Think, pp. 240.
10. Thomas H. Davenport (2014), Big Data at Work: Dispelling the Myths, Uncovering the Opportunities / Harvard Business Review Press, pp. 240.
11. Novikov, D. (1998) “Stimulation in the socio-economic systems (base mathematical models)” [Stimulirovanie v social'no-jekonomicheskikh sistemah (bazovye matematicheskie modeli)], IPU RAN, Moscow, pp. 216.
12. Novikov, D. (1999) “The course of active systems theory” [Kurs teorii aktivnyh sistem], Sinteg, Moscow, pp. 108.
13. Burkov, V. (2001) “Elements of the graph theory” [Jelementy teorii grafov], Sinteg, Moscow, pp. 124.
14. Parmenter, D. (2010) Key Performance Indicators (KPI): Developing, Implementing, and Using Winning KPIs, Wiley, pp. 320.
15. Prohorov, S. (2007) “Application analysis of random processes” [Prikladnoj analiz sluchajnyh processov], pod red. S. A. Prohorova, Izdatel'stvo SNC RAN, Samara, pp. 582.

УДК 621

Н. З. Султанов, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой систем автоматизации производства, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: Sultanov@mail.osu.ru

М. В. Овечкин, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры систем автоматизации производства, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: maxov-1@mail.osu.ru

Е. В. Костина, инженер, ОАО «Производственное объединение «Стрела»
e-mail: julia8832007@yandex.ru

АВТОМАТИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБСЛУЖИВАЮЩИМИ АППАРАТАМИ НА ОСНОВЕ РАСПОЗНАВАНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Статья описывает механизм автоматизации управления обслуживающими аппаратами на основе распознавания графических данных.

Целью статьи является представление схем интеграции программных средств, основанных на распознавании образов, в системы управления обслуживающими аппаратами. Данная интеграция позволит уменьшить финансовые затраты на контроль продукции за счет сокращения времени наладки и подготовки обслуживающего аппарата. В качестве примера рассмотрены процессы диагностики и контроля точечных сварных соединений. Отмечено, что разнообразные системы диагностики технических объектов и управления технологическими процессами по ее результатам широко распространены в различных областях промышленности. В качестве графических данных выступают рентгенограммы изделий. Представлена схема интеграции управляющего обслуживающим аппаратом программного средства в процесс рентгенографического контроля изделия. Описана структурная схема автоматизированного рентгенографического контроля изделия, имеющая модульную структуру. Сделан вывод о структуре программного обеспечения, соединенное по обратной связи с обслуживающим аппаратом.

Ключевые слова: *обслуживающий аппарат, управление, распознавание, графические данные, контроль.*

В математических моделях сложных объектов зачастую фигурируют средства обслуживания, называемые обслуживающими аппаратами (ОА). Так, в модели производственной линии ОА отображают рабочие места, станочные системы или системы диагностики и контроля объектов. Разнообразные системы диагностики технических объектов и управления технологическими процессами по ее результатам широко распространены в различных областях промышленности. В частности, к ним относятся системы оптического контроля и диагностики сварных соединений, а также неразрушающего контроля и диагностики деталей и конструкций [1]. Данные системы позволяют

уменьшить финансовые затраты на контроль продукции за счет сокращения времени наладки и подготовки обслуживающего аппарата [10].

Процессы контроля и диагностики в большинстве данных систем сводятся к анализу полутонных монохромных изображений структуры изделий, получаемых такими методами, как микрофотография, рентгенография, ультразвуковая эхолокация и другие, на предмет выявления таких дефектов, как микротрещины, неоднородности структуры и т. п. Для указанных систем характерны пространственное или временное разделение подсистемы получения диагностических изображений и подсистемы их анализа и принятия решений [1].

Автоматизация управления ОА на примере контроля изделия по рентгеновским снимкам

При интеграции управляющего обслуживающим аппаратом программного средства в процесс рентгенографического контроля изделия необходимо учесть отсутствие привязки к конкретным аппаратам точечной контактной сварки. Данный фактор связан с тем, что модель и методика управления не зависят от конкретных машин контактной сварки и оперируют лишь основными параметрами процесса (диаметр электрода, допустимые смещения, расстояния между сварными точками и пр.). Само же устранение дефектов может выполняться как методами контактной сварки, так и с применением прочих методов сварки (газовая сварка с применением горелки, односторонняя точечная сварка и пр.) [8].

Схема интеграции представлена на рисунке 1.

На схеме введены следующие обозначения:

Z_1 – параметры процесса сварки изделия;

Z_2 – параметры процесса сварки с учетом формализованных рекомендаций;

Z_3 – нормативные документы (ГОСТы, ОСТы, СТП) по проведению контроля;

Z_4 – оцифрованные снимки изделия;

Z_5 – результаты обработки подсистемой поиска и классификации дефектов;

Z_6 – формализованные рекомендации для проведения повторной сварки;

Z_7 – формализованные рекомендации по коррекции режимов сварки;

Z_8 – суммарные формальные рекомендации для проведения повторной сварки изделия и общей коррекции режимов сварки;

$V_{\text{вых}}$ – информация об изделии для следующих этапов технологического процесса;

$V_{\text{вых2}}$ – Информация о бракованном изделии.

Таким образом, автоматизированная система контроля анализирует поступающие на вход системы оцифрованные снимки рентгенограмм контролируемого изделия и выдает по результатам анализа следующие формализованные данные: виды и качественные параметры дефектов (координаты и размеры ядер, величины и направления смещений), рекомендации по проведению повторной сварки (перечень рекомендуемых коррекций для каждого дефекта), рекомендации по общей коррекции режимов сварки (выдается при значительном возрастании обнаружения дефектов определенного типа; например, рекомендации по коррекции силы тока и времени воздействия при преобладании на партии деталей дефектов типа «прожог»); информация о бракованном изделии (при наличии неустраняемых или превышении количества допустимых дефектов) [10, 12].

Структурная схема автоматизированного рентгенографического контроля изделия представлена на рисунке 2.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что для полноценной автоматизации управления обслуживающими аппаратами на основе распознавания графических данных необходимо модульное программное обеспечение, соединенное по обратной связи с обслуживающим аппаратом, а также системой сбора данных [1]. В приведенном примере показано, что при обработке графических данных следует учитывать возможные погрешности распознавания

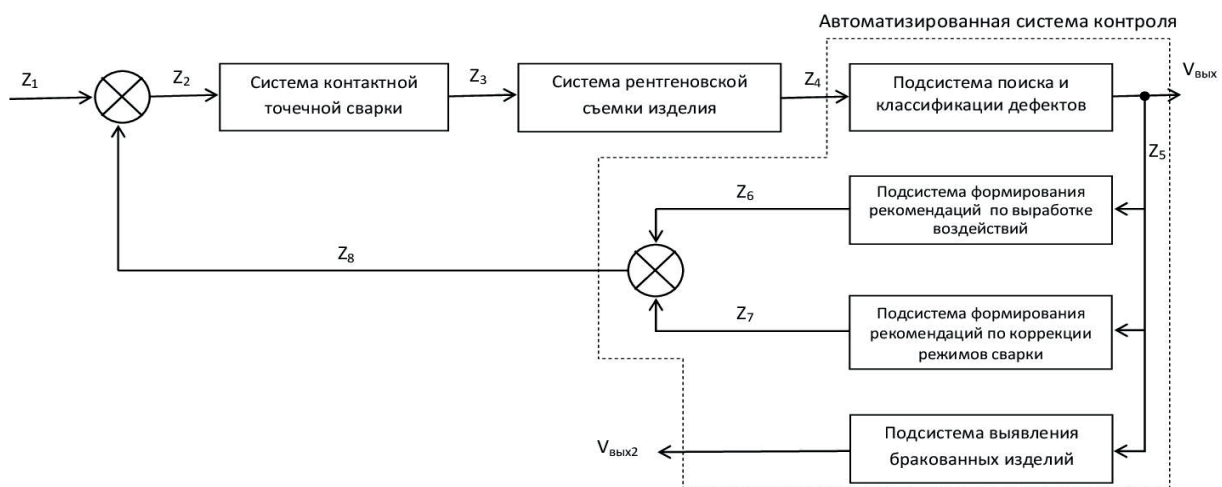

Рис. 1. Схема интеграции автоматизированной системы контроля в процесс рентгенографии

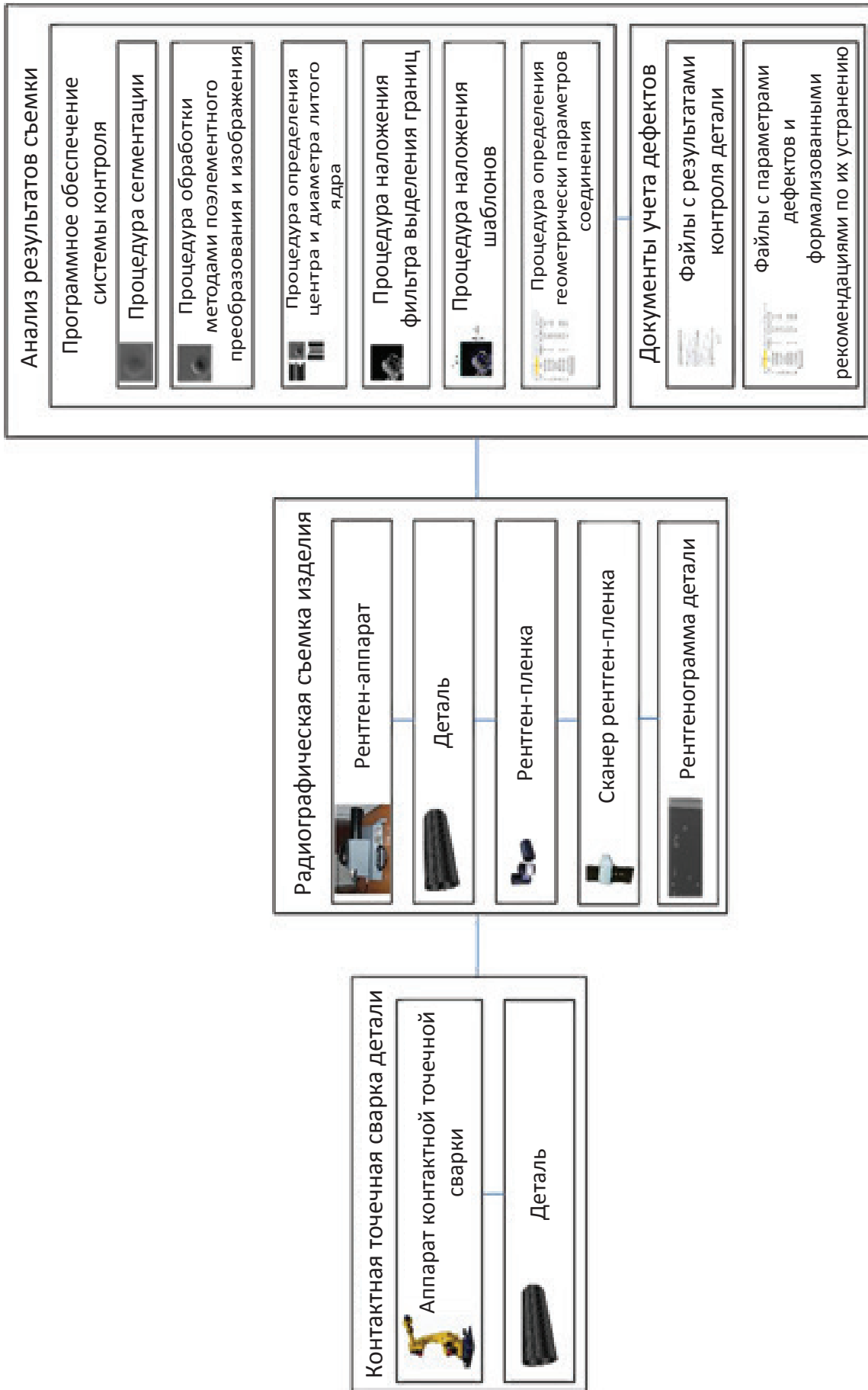

Рис. 2. Структурная схема автоматизированного рентгенографического контроля

и вырабатывать рекомендации по управлению для возможной корректировки автоматизированного процесса оператором.

Дальнейшим развитием систем подобного класса может выступать подсистемы автоматизированной передачи данных по управлению

не только по обратной связи, для коррекции технологических процессов, но и на следующей в очереди производственной программы, обслуживающей аппарат, реализующий автоматическое исправление возможных дефектов, выявленных по результатам контроля.

Литература

1. Овечкин, М. В. Распознавание сварных точечных соединений по рентгеновским снимкам деталей / М. В. Овечкин // CONTROL ENGI-NEERING. – 2011. – № 4. – С. 22–26.
2. Кашкин, В. Б. Дистанционное зондирование Земли из космоса. Цифровая обработка изображений / В. Б. Кашкин, А. И. Сухинин. – М. : Логос, 2001. – 264 с.
3. Яншин, В. В. Обработка изображений на языке Си для IBM PC / В. В. Яншин, Г. А. Калинин. – М. : Мир, 1994. – 241 с.
4. Соيفер, В. А. Компьютерная обработка изображений. Часть 2. / Методы и алгоритмы / В. А. Соифер // Соросовский образовательный журнал. – 1996. – № 3. – С. 110–121.
5. Адилов, Р. М. Исследование и разработка методов анализа многоградационных растровых изображений в системах технического зрения : дис. ... канд. техн. наук : 05.13.17 / Адилов Руфат Мейралиевич. – Пенза, 2005.
6. Анализ данных аэрофотосъемки / Хабрахабр [Электронный ресурс]. – URL: <http://habrahabr.ru/post/139408/> Загл. с экрана.
7. Абельсон, Х. Структура и интерпретация компьютерных программ / Х. Абельсон, Д. Д. Сассман. – М. : Добросвет, 2010. – 608с.
8. Волченко, В. Н. Контроль качества сварных конструкций / В. Н. Волченко. – М. : Машиностроение, 1986.
9. Вудс, Р. Цифровая обработка изображений / Р. Вудс, Р. Гонсалес. – М. : Техносфера, 2005. – 1072 с.
10. Гагарина, Л. Г. Алгоритмы и структуры данных / Л. Г. Гагарина, В. Д. Колдаев. – М. : Инфра-М, 2009.
11. Гамма, Э. Приемы объектно-ориентированного проектирования: Паттерны проектирования Текст. : пер. с англ. / Э. Гамма, Р. Хелм, Р. Джонсон, Дж. Влиссидес. – СПб. : Питер, 2004. – 366 с.
12. Chen, C. H. Handbook of pattern recognition and computer vision / C. H. Chen, L.F. Rau ; World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 1995, 984 p.
13. Chen, J. Training SVM with indefinite kernels // J. Chen, J. Ye / In: Proc. of the 25th international conference on Machine learning (ICML), vol. 307, 2008, pp. 136–143.
14. Cheung, S. Detection of Approaching Pedestrians from a Distance Using Temporal Intensity Patterns / S. Cheung, Y. Moon // MVA2009, vol. 10, 2009, pp. 354–357.
15. Dalai, N. Human detection using oriented histograms of flow and appearance / N. Dalai // In ECCV, vol. II, 2006, pp. 428–441.

References

1. Ovechkin, M. V. (2011) «Recognition of spot welded joints on radiographs details» [Распознавание сварных точежных соединений по рентгеновским снимкам деталей] // CONTROL ENGI-NEERING. Russia, No 4, pp. 22–26.
2. Kashkin, C. B., Sukhinin. A. I. (2001) «Remote sensing of the Earth from space. Digital image processing» [Distancionnoe zondirovanie zemli iz kosmosa. cifrovaya obrabotka izobrazhenij]. – М. : Logos, 264 p.
3. Yanshin, C., Kalinin G. A. (1994) «Processing izobrajeni in C language for the IBM PC» [Obrabotka izobrazhenj na yazyke C dlya IBM PC]. – М. : Mir, 241 p.
4. Soifer, B. (1996) «Computer image processing. Part 2. / Methods and algorithms» [Kompyuternaya obrabotka izobrazhenij. chast 2. / metody i algoritmy]. Soros educational journal, No. 3, pp. 110–121.

-
5. Adilov, R. M. (2005) «Research and development of methods of analysis bitmap images in computer vision systems» [Issledovanie i razrabotka metodov analiza mnogogradacionnyx rastrovyyx izobrazhenij v sistemax texnicheskogo zreniya] : dis. ... candless. technology. Sciences : 05.13.17 / Adilov Rufat Mehralievich. – Penza.
  6. «Analysis of aerial photography» [Analiz dannyx aerofotosemki] / Habrahabr [Electronic resource]. available at: <http://habrahabr.ru/post/139408/> Zahl. from the screen.
  7. Abelson, H., Sussman D. D. (2010) «The structure and interpretation of computer programs» [Struktura i interpretaciya kompyuternyx programm]. – M. : Dobrovat.
  8. Volchenko, C. N. (1986) «Quality control of welded structures» [Kontrol kachestva svarnyx konstrukcij]. M. : Mashinostroenie.
  9. Woods, R. (2005) «Digital image processing» [Cifrovaya obrabotka izobrazhenij] / Publisher: Technosphere, 1072 p.
  10. Gagarin, L., Koldaev V. D. (2009) «Algorithms and data structures» [Algoritmy i struktury dannyx] / Finance and statistics, Infra.
  11. Gamma, E., Helm R., Johnson R., Vlissides J. (2004) «Object-oriented design: design Patterns» [Algoritmy i struktury dannyx]. – SPb. : Peter, 366 p.
  12. Chen, C. H., Rau L. F. (1995) Handbook of pattern recognition and computer vision; World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, 984 p.
  13. Chen, J., Ye J. (1998) Training SVM with indefinite kernels. In: Proc. of the 25th international conference on Machine learning (ICML), Vol. 307. pp 136–143.
  14. Cheung, S., Moon Y. (2009) Detection of Approaching Pedestrians from a Distance Using Temporal Intensity Patterns // MVA2009, vol. 10. pp. 354–357.
  15. Dalai, N. (2006) Human detection using oriented histograms of flow and appearance // In ECCV, vol. II. pp. 428–441.
-

УДК 165.24

И. А. Аполлонов, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»
e-mail: obligo@yandex.ru

СУБЪЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА: МЕЖДУ ЛИКОМ И ЛИЧИНОЙ

В статье рассматриваются особенности исторического сознания как неотъемлемой черты национальной идентичности человека. Методологической основой исследования является экзистенциально-герменевтический подход к феномену личностной самотождественности. Обсуждаются мифологические основания исторического сознания, связанные с сакральной значимостью прошлого для человека. Исследуется проблема различения мифа, открывающего правду истории и порождающего человеческие добродетели и мифа как исторического заблуждения, порождающего шовинизм и ксенофобию. Основанием такого различения является идейная направленность мифа. С одной стороны, такая идея носит апофатический характер, уводящий за границу явного знания о прошлом. С другой стороны, идея сводится к определённой идеологии, которая подгоняет под себя исторические факты, формируя из них соответствующие нарративы, становящиеся инструментами в идеологической борьбе.

Ключевые слова: национальная идентичность; правда истории; исторический миф; историческое сознание; историческая память.

Национальная идентичность накладывает метавременной масштаб на конечность сингулярного существования человека. Ощущение личностной причастности к своему народу, стране связано с очевидностью того, что моя история началась задолго до моего рождения и не закончится с моей кончиной. И субъектность национальной идентичности, в отличие от квиентистско-потребительской позиции представителя массовой культуры, ориентированной на всегдашнее «теперь», по сути своей исторична, связана с переживанием того, что я живу не просто сегодня, а направляюсь из своего дофизического «вчера» в постфизическое «завтра». Поэтому этнокультурный предикат личностной идентичности имманентно несёт в себе историчность самосознания, поскольку представления о прошлом во многом определяют выработку идентичности в настоящий момент [16, р. 195]. В данном контексте особое значение приобретает проблема подлинности прошлого. Уверенность в такой подлинности даёт чувство «законнорожденности» себя, тогда как незнание и забвение прошлого сродни без-

отцовству и безродности, что ведёт в конечном счёте к запутанности и беспомощности в делах собственной жизни. Причём особую опасность представляет собой подделки, которые, подобно самозванцам, стремятся занять пустое место подлинного рода и породить «у-родство» социального мира человека [4, с. 77].

Соответственно, человек в качестве субъекта исторической традиции своего народа не сводится лишь к воспроизводителю социокультурного кода, но представляет собой, прежде всего, чувство и переживание того сакрального, что «оживляет» этот код как код культуры своего народа. Подобные особенности позволяют говорить о мифологической природе исторического сознания: «основу исторического сознания народа всегда составлял миф» [6, с. 54]. Ведь миф и есть слово-история, вырастающая из сакральных корней.

Миф при этом следует понимать как исходно личностную форму человеческого бытия в мире: «Миф есть бытие, субстанцией которого является не что иное, как личность и ее судьба и история» [8, с. 877]; «собственно бытием,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-23009 а(р) «Исторический опыт в контексте самопонимания российской идентичности (на примере исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне)».

той сферой, в которой открывается личностная цельность» [7, с. 122]. Следует подчеркнуть, что подобная цельность являет собой самоидентифицируемость человека как субъекта в единстве со своими предикатами, определяющими его онтологическую полноту и энтелехийную направленность: здесь воедино сливается всё объективное и субъективное, актуальное и потенциальное в его целях [3, с. 210]. В этом плане миф, по образному выражению М. Мамардашвили, является «человекообразующей машиной»: через него в человеке становится то, чего иначе не могло бы быть [9, с. 18]. В контексте исторического сознания миф выступает «машиной человеческой памяти», которая организует саму способность человека помнить своё человеческое происхождение [10, с. 27–28]. То есть исторический миф и порождает собственно историческое сознание.

По отношению к исторической памяти мифологическое «человекообразование» связано, прежде всего, с формированием того, кто мы есть. В свою очередь, «мы» – это необходимая часть экзистенциальной полноты личностного «я». В этом смысле мифичность исторической памяти представляет собой своего рода инициацию, в которой человек преодолевает сингулярность своего эмпирического существования. Ощущение себя наследником сакрального ядра исторического прошлого открывает метавременные горизонты, возвышенные регистры бытия, в которых человек обретает особую гордость и чувство собственного достоинства, что формирует метавременные аспекты субъектной самоидентифицируемости человека. В процессе такой инициации сознание определяется не только наличной данностью социокультурного контекста собственной жизни, но и метафизической заданностью бытия своего народа. Например, обобщенное представление о необычайно длительной истории армянского народа, выжившего, несмотря на все выпавшие на его долю страдания и невзгоды, определяют значимость для армян поддержания своей национальной идентичности как священного долга перед предками [14, с. 36].

В исторической памяти открывается укорененность народного «мы» в мире и происходит смысловое наполнение судьбы народа, к которой причастно личностное «я» человека и с которой связывается подлинность этого «я». Подобная осмысленность несёт в себе те

ценностные доминанты, которые в процессе интериоризации формируют ориентиры, определяющие субъектное означивание устойчивой самоидентифицируемости народного «мы». И вместе с тем утверждается значимость быть такими, какие мы есть (по праву наследства) в горизонте определяющей это «есть» идейной парадигмы. Можно сказать, что сакральность прошлого образует своеобразную категориальную сетку мышления: в нём заключены те очевидности, которые определяют смыслогенные структуры этнического самосознания человека.

В данном контексте этноидентифицирующие события истории и «места памяти» народа являются символами, в которых аккумулируется идейная полнота бытия народа, что в субъектном измерении очерчивает горизонт полноты личностной самоидентифицируемости человека. Например, «тонкая красная линия», символизирующая стойкость и самопожертвование британцев или же многочисленные исторические символы, связанные с воплощением максимы «русские не сдаются!». Подобные символы определяют личностную значимость принадлежности к народу. Например, для будущего инженера это означает: «жить на огромной непобедимой русской земле» [1, с. 143]. И здесь раскрывается осмысленность такого сложного личностного качества, как патриотизм. Конечно же, история знает многочисленные примеры, когда британцы бежали с поля боя, а русские массово сдавались в плен, но идейность данных мифологем как раз и направлена на отделение подлинного, настоящего от мнимого и ложного как в жизни народа, так и в поведении отдельного человека. В таком отделении и состоит суть мифического аспекта правды истории.

Вместе с тем мифы коллективной памяти поддерживают претензии группы на высокий статус и различные преимущества в настоящем, базируются на стереотипизации и нетерпимы к каким-либо альтернативам и, тем более, к плюрализму мнений [11, с. 10].

В данном контексте философской проблемой, связанной с историчностью этнического сознания, является та грань, которая отделяет миф, открывающий правду истории и «человекообразующий» человека от мифа как исторического заблуждения, который тоже обладает экзистенциальной мощью, но мощью «человекоразрушающей», порождающей шовинизм

и ксенофобию, развязывающей кровавые конфликты.

Второе из вышеназванных значений понятия «исторический миф» является ведущим. Исторический миф – это то, что необходимо разоблачать как ложное знание или массовое заблуждение, искажающее или извращающее историческую истину. И здесь миф рассматривается как противопоставленное рациональному знанию пралогическое, допонятийное мышление, неспособное различить субъективное и объективное, вымысел и явь, желаемое и действительное, предположение и факт. Применительно к историческим мифам такие черты выражаются, прежде всего, в особенностях субъекта мифологического мышления, которое заключается в стремлении, с одной стороны, к конкретности, простоте и однозначности представления о прошлом, а с другой стороны, к как можно большему соответствию этих представлений собственным желаниям, мечтам, чаяниям или же прагматическим интересам [5, с. 49].

Вместе с тем бытование мифологической реальности предполагают и субъекта-мифотворца. Прежде всего, это непрофессиональные исследователи, которые упрощают и искажают образ прошлого. Однако помимо невольных мифотворцев существуют и те, которые сознательно создают исторические мифы, избирательно сортируя исторические факты, подчёркивая одни из них и «забывая» про другие, а порой и подтасовывая факты. Подобный подход к мифотворчеству уже не позволяет рассматривать миф лишь в качестве примитивного паралогического знания, поскольку в этом процессе могут быть задействованы и вполне компетентные профессиональные историки. И дело здесь не столько в их эрудированности и методологической оснащённости, сколько в принципах интерпретации фактуальных знаний о прошлом.

Подобная интерпретация связывает прошлое с определённым проектом будущего. В данном контексте исторический миф представляет собой конструкцию, создаваемую с помощью современных научных технологий для противопоставления реальному миру мира идеального, к которому следует стремиться [15, 103–104]. При этом в самосознании субъекта-мифотворца происходит подчёркиваемое апологетами постмодерна разделение общества «на манипулирующее меньшинство

и манипулируемое большинство» [12, с. 111]. Субъект, конструирующий исторический миф, в контексте осознания себя таким манипулятором, выносится за рамки данного мифа: «Если же историк осознает, что он занимается “социальным конструированием реальности”, что он занимается своего рода мифотворчеством, то это предполагает совершенно иной уровень социальной ответственности» [12, с. 112]. Однако возникает вопрос: перед кем или чем испытывает ответственность историк, осознающий себя мифотворцем-манипулятором? Конечно же, это не ответственность перед исторической правдой, само наличие которой в методологии постмодернизма воспринимается в качестве мифа. По мысли М.Ф. Румянцева, такая ответственность связана с «гармонизацией картины мира в ее исторической составляющей для современного социума» [12, с. 113]. Но идейные основания подобной гармонизации при таком подходе имплицитны сознанию историка, его личностным установкам и идеологической ангажированности контекстом сегодняшнего дня. Поэтому сознание историка-мифотворца принадлежит определённой матамифологической реальности, связанной с очевидностью ценностных установок марксизма, либерализма, прагматизма, постмодернизма или иного «-изма». Поэтому декларируемая историком-мифотворцем ответственность на деле оборачивается его идеологическим произволом, а сконструированный миф – инструментом этого произвола.

При этом временная последовательность истории оборачивается вспять: сначала создаются «рамки», а потом в них помещаются подобранные в соответствии с ними факты науки. В подобном мифе настоящее «втягивает» в себя прошлое, и, искажая социально-историческое время, пытается «заклечь в вечность» желаемые идеологические и общественно-политические модели [5, с. 27–28]. Отсюда тяготение мифа к схематизации, чёрно-белым трактовкам, идеализации и демонизации, упрощению и искажению исторической реальности в угоду сиюминутным потребностям политических временщиков (поскольку подлинная элита общества заинтересована в подлинности исторической памяти). Уровень сакральности прошлого при этом усиливается, поскольку прошлое в нём подчинено мобилизации общества для достижения идеологических целей.

Такая сакрализация, по мифологическому закону «вечного возвращения», стирает границу между прошлым и настоящим, выпуская в сегодняшний день кроважидных демонов минувших лет. Ведь конструктивистский миф тоже обладает реальностью, но она выдвинута в проективное будущее, поскольку, согласно теореме Томаса, мысль о реальности реальна в своих последствиях. Напротив, реальность присутствия прошлого в настоящем ничтожится: «Функция мифа – удалять реальность, вещи в нем буквально обескровливаются, постоянно истекая бесследно улечучивающейся реальностью, он ощущается как ее отсутствие» [2, с. 270]. Тем самым мифологическое сознание имеет дело с симулякрот действительности, живёт в мире фантомов.

В результате получается парадоксальная ситуация: «точкой сборки» сконструированного исторического мифа является злободневные реалии сегодняшнего дня, но в итоге сама реальность настоящего оказывается под вопросом. Ведь конструктивистский миф, как справедливо замечает В. А. Шнирельман, обращен в прошлое и в будущее, полностью или почти полностью игнорируя настоящее, которое кажется ему тусклым и лишенным внутреннего смысла. Этот миф строит внеисторическую схему, представляющую народ вечной и неизменной целостностью, героическое прошлое которого автоматически должно обеспечить ему блестящее будущее [15, с. 78]. А вместе с такой внеисторической схемой теряет свою историчность и сознание субъекта-этнофора, который ростождествляется в симулякровом героизме этой вечной и неизменной целостности.

Таким образом, сакральность прошлого раскрывается в историческом мифе, который порождает историческое сознание личности, определяющее субъектное измерение национальной идентичности человека. Такое порождение связано с освоением той идейной заданности, которая обращена из прошлого в будущее и, тем самым, позволяет человеку стать субъектом истории, соучастником связи времён. Вместе с тем подобная идейная заданность предполагает противоположенные пути развёртывания исторического мифа. С одной стороны, такая идея носит апофатический характер, уводящий за границу данного и явного знания о прошлом. С другой стороны, идея сводится к определённой идеологии, которая подгоняет под

себя исторические факты, формируя из них соответствующие нарративы, становящиеся инструментами в идеологической борьбе.

В первом случае, исторический миф, обращая человека к сакральному ядру прошлого, побуждает его понять правду истории, осмыслить своё прошлое в его подлинности. В символах прошлого исторический миф «высвечивает» особенный и конкретный лик того вечного и абсолютного начала, которое определяет родовую целостность исторического бытия народа, идейную полноту «своего», «нашего», «мы». В апофатическом горизонте исторической правды мифа абсолютное начало соединяется с единичным, обретая, тем самым, личностную конкретность. В данном контексте исторический миф, перефразируя М. Хайдеггера, можно рассматривать как дом бытия былого, бытия, которое соприкасает факты прошлого с вечным и определяет, тем самым, подлинность настоящего как реализовавшейся невозможности (нас могло и не быть, даже быть не должно, но мы есть!). Историческая правда, заложенная в подобном мифе, открыта, побуждает к историческим исследованиям, которые, устанавливая, то, что было, высвечивают новые аспекты сложной целостности смысла того, кто мы есть. Открытость исторической правды побуждает к вопрошанию, отсылающему к сакральности породившего нас прошлого, которое, в свою очередь, призывает нас к ответу, определяющему нашу ответственность. Такая ответственность преобразует объективность объясняющей мысли о прошлом в «памятливую мысль» субъекта, определяющего себя изнутри историчности собственного существа [13, с. 325]. Тем самым исторический миф разворачивается в диалог, который пробуждает субъектность человека, поскольку определяет личностную ответственность собственного присутствия в мире, которая становится необходимой стороной объективности исторического знания.

Другой путь развёртывания исторического мифа связан с подчинением сакральности прошлого определенной идеологии. При таком подчинении происходит своего рода расслоение сакральности прошлого и правды истории, поскольку сакральность присваивается соответствующей идеологией, привязанной к односторонней злободневности настоящего. Апофатический смысл исторической правды замещается идеологически выверенной опре-

делённостью значений сконструированного нарратива. Такая определённая не позволяет расслышать голос минувшего, ответить на зов предков и развернуть диалог времён. На место диалога приходит монолог, связывающий прошлое с будущим в контексте данности соответствующей идеологии. И такой монологизм идеологического мифа способен выдавать лишь ответы: все вопросы в таком монологе замыкаются на изначально известное и становятся риторическими. Тем самым идеологически сконструированный исторический миф искажает субъектность национальной идентичности человека. Схематизируя, стереотипизируя и упрощая прошлое, такой миф определяет историческую целостность народа предельно эссенциалистично, в виде монолитного орга-

низма, лишённого внутренней противоречивой сложности, которая персонифицируется и наделяется личностными чертами. Подобное надындивидуальное этническое «мы» поглощает субъектность личностного «я» человека, отчуждает его человеческую сущность, конкретную полноту и intersubjectивную соразмерность личностного измерения. Подобный исторический миф обращает человека к фантомным конструкциям прошлого и идеологическим проектам будущего, лишая, тем самым, вменяемости и ответственности в настоящем.

Таким образом, исторический миф является той точкой бифуркации, которая способна открыть подлинно человеческий лик человека, или же упрятать его за квазиличностную личину, разрушающую его человеческую суть.

Литература

1. Аполлонов, И.А. Этнокультурные нормы и ценности в формировании самопонимания молодежи (на примере русских и адыгских студентов кубанских вузов) / И. А. Аполлонов, Л. В. Карнаушенко, О. Р. Тучина. – Краснодар : КубГТУ, 2009.
2. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М. : Академический Проспект, 2008.
3. Беляев, И. А. «Целостность человека» и «цельность человека»: соотношение понятий / И. А. Беляев // Вестник ОГУ. – 2014 – № 2.
4. Бибахин, В. В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона / В. В. Бибахин // Логос. – 2011. – № 4.
5. Боровкова, О. В. Субъект познания как критерий демаркации исторического мифа и исторической науки / О. В. Боровкова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377.
6. Булдаков, В. П. Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения / В. П. Булдаков // Вопросы философии. – 2013. – № 8.
7. Колесниченко, Ю. В. Проблема мифа и личности в работе А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» / Ю. В. Колесниченко // Философия и общество. – 2013. – Вып. – № 3(71).
8. Лосев, А. Ф. Бытие – Имя – Космос / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1993.
9. Мамардашвили, М. К. Лекции по античной философии / М. К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука. Азбука-Аттикус, 2012.
10. Мамардашвили, М. К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки / М. К. Мамардашвили. – М. : Лабиринт, 1996.
11. Репина, Л. П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 21.
12. Румянцева, М. Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа / М. Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2007. – Вып. 21.
13. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993.
14. Шнирельман, В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / В. А. Шнирельман. – М. : Академкнига, 2003.
15. Шнирельман, В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В. А. Шнирельман // Реальность этнических мифов. Московский Центр Карнеги. Аналитическая серия. Вып. 3. – М. : Гендальф, 2000.
16. Friedman, J. (1992) Myth, history, and political identity // Cultural Anthropology, vol. 7.

References

1. Apollonov, I., Karnaushenko, L., Tuchina, O. (2009) "Ethnic and cultural norms and values in shaping the self-understanding of youth (on the example of Russian and Circassian students of the Kuban universities)" [Jetnokul'turnye normy i cennosti v formirovanii samoponimaniya molodezhi (na primere russkih i adygskih studentov kubanskih vuzov)], Kubanskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet, Krasnodar.
  2. Bart, R. (2008) "Mythology" [Mifologii], Akademicheskij Prospekt, Moscow.
  3. Beljaev, I. (2014) "Human integrity and wholeness of man": the relationship between the concepts [«Celostnost' cheloveka» i «cel'nost' cheloveka»: sootnoshenie ponjatij] Bulletin of the Orenburg State University, No 2.
  4. Bibihin, V. (2011) Search its in "Alcibiades" Plato [Poisk svoego v «Alkiviade» Platona] Logo, No 4.
  5. Borovkova, O. (2013) The subject of cognition as the criterion of demarcation of the historical myth and historical science [Subekt poznaniya kak kriterij demarkacii istoricheskogo mifa i istoricheskoy nauki] Bulletin of the Tomsk State University, No 377.
  6. Buldakov, V. (2013) Historian and myth. Perversions of the modern historical imagination [Istoriik i mif. Perversii sovremennogo istoricheskogo voobrazhenija] The problems of philosophy, No 8.
  7. Kolesnichenko, Ju. (2013) The problem of myth and identity in the work of A. F. Losev, "the Dialectics of myth" [Problema mifa i lichnosti v rabote A. F. Loseva «Dialektika mifa»] Philosophy and society, No 3.
  8. Losev, A. (1993) Being – Name – Cosmos [Bytie – Imja – Kosmos] Mysl', Moscow.
  9. Mamardashvili, M. (2012) "Lectures on ancient philosophy" [Lekcii po antichnoj filosofii] Azbuka. Azbuka-Attikus, St. Petersburg.
  10. Mamardashvili, M. (1996) "The need itself. Lectures. Article. Philosophical notes" [Neobhodimost' sebja. Lekcii. Stat'i. Filosofskie zametki], Labirint, Moscow.
  11. Repina, L. (2007) "Memory and knowledge about the past in the structure of identity" [Pamjat' i znanie o proshlom v strukture identichnosti], Dialogue with time, No 21.
  12. Rumyantseva, M. (2007) "places of memory" in the structure of national-historical myth [«Mesta pamjati» v strukture nacional'no-istoricheskogo mifa], Dialogue with time, No 21.
  13. Heidegger, M. (1993) "Time and being: Articles and speeches" [Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija], Respublika, Moscow.
  14. Shnirel'man, V. (2003) "Memory Wars: myths, identity and politics in Transcaucasia" [Shnirel'man, V. A. Vojny pamjati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e], Akademkniga, Moscow.
  15. Shnirel'man, V. (2000) "The value of the antecedents: ethnocentrists historical myths, identity and ethno-politics" [Cennost' proshlogo: jetnocentristskie istoricheskie mify, identichnost' i jetnopolitika], The reality of ethnic myths. Carnegie Moscow Center. Analytical series. No 3, «Gendal'f», Moscow.
  16. Friedman, J. (1992) "Myth, history, and political identity", Cultural Anthropology, Vol. 7.
-

УДК 130.2

Е. А. Бондаренко, аспирант кафедры философии и истории науки
ГБОУ ВПО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»
e-mail: zhuravleva_ek@mail.ru

В. П. Римский, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
философии и истории науки, ГБОУ ВПО «Белгородский государственный институт
искусств и культуры»
e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Н. Н. Шамардин, аспирант кафедры философии и теологии, ФГАОУ ВПО
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
e-mail: shamardin_n@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СТАДИИ «КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА» ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье дана философско-антропологическая и философско-культурологическая критика современных неолиберальных и анархо-индивидуалистических концепций «человеческого капитала» и «общества знаний» в контексте актуализации классических идей К. Маркса.

Обосновано, что в индустриальной цивилизации продукты интеллектуального труда и духовного производства выступают как специфический товар, а культурный (человеческий) капитал через становление правовых форм интеллектуальной собственности включается в целостную систему товарно-денежной экономики. В духовном производстве индустриализма продукты интеллектуального труда в качестве культурного капитала вступают в противоречие с частной собственностью на средства производства, в том числе на человеческий капитал как превращенную форму «рабочей силы», который измеряется уже не просто «рабочим временем», а виртуальными количественными показателями биржевых индексов и аукционных спекуляций по продаже культурных ценностей, бухгалтерским учётом интеллектуальной собственности на предприятиях, различного рода рейтингами в сфере культуры, науки и образования.

Таким образом, количественные темпоральные индикаторы человеческого капитала в «когнитивном капитализме» существуют в превращенных формах измерения интеллектуального труда (интеллектуальная собственность, биржевые индексы, индексы цитирования учёных, имиджевые рейтинги и т.п.).

Ключевые слова: рабочая сила, человеческий капитал, человеческий труд, общество знаний, интеллектуальная собственность, рейтинги.

Статья продолжает серию наших публикаций по обозначенной проблематике [1; 2; 3; 4; 12; 13]. Мы исходим из понимания, что в развитой системе духовного производства индустриальной цивилизации, существующей вплоть до наших дней, мыслительная активность и творчество человека достигают, на первый взгляд, наибольшего подъёма и результативности в науке, литературе и искусстве. Здесь продукты интеллектуального труда становятся специфическим товаром и через становление правовых форм интеллектуальной собственности вклю-

чаются в целостную систему капиталистического (индустриального) товарно-денежного производства.

В этом контексте и возникают проблемы природы культурного и человеческого капитала, их взаимодействия, специфики интеллектуальной собственности и её превращенных форм в духовном производстве нового индустриализма, обозначенного в современной западной и отечественной науке и философии такими расплывчатыми концептами, как «постиндустриализм», «когнитивный капитализм»

и т.п. В современной философии и социально-гуманитарных науках сплошь и рядом употребляются модные термины и понятия: «человеческий капитал» и «общество знания/знаний», маскирующие, как и не менее популярные концепты «постиндустриальное общество», «информационное общество», «когнитивный капитализм» и т.п., суть дела. Мы не будем подробно рассматривать экономические идеи и практики неоллиберализма, нам интересны сами эти концепты, так как здесь присутствуют не столько рационализации реалий «новой» капиталистической экономики, сколько политико-идеологические, мировоззренческие и антропологические смыслы.

П. Бурдьё в начале семидесятых годов прошлого века был первым, кто ввёл целый веер концептов («культурный капитал», «символический капитал», «человеческий капитал» и т.п.), исследуя кризис в системе французского образования [6]. Интерпретация феномена культурного капитала, как оно первоначально эксплицировано в концепции Бурдьё и в работах современных авторов [6; 7; 8; 16], позволяет дать его суммарное понимание, связанное с его включённостью в сферу духовного производства. Культурный капитал в этом плане выступает в трех состояниях, которые очевидным образом присутствуют в духовном производстве:

1. *Инкорпорированное состояние как накопление первичного культурного капитала:* культурно-антропологические (телесные и ментальные) объективные структуры (физическая, поведенческая, эмоциональная, интеллектуальная, коммуникативная и нравственная культура индивида, практическое знание, первичные навыки социализации), заложенные воспитанием в семье, приобщением к региональной и этнической культуре, инвестициями в школьное образование, а также самовоспитанием; культурные мотивации и компетенции индивида (состояние здоровья и уровень физической культуры, культурная идентичность, уровень общего образования, культура поведения и мышления, первичные навыки культурного творчества и т.д.); символические статусы и репутации, связанные с разными условиями доступа индивида к культурному капиталу и вхождением человека в культурно-цивилизационные, традиционные, семейные и региональные статусные сообщества (первичный символический капитал);

2. *Объективированное (аксиологическое) состояние как наследование культурного капитала:* культурные ценности (разговорный и литературный язык, книги, словари, музыкальные записи, картины, культурные артефакты, музейные и выставочные экспонаты, инструменты, машины, научное и техническое знание и т.д.); права собственности на культурные ценности (семейное наследие в форме явного и неявного знания, корпоративные секреты, авторское право, интеллектуальная собственность и т.п.); символические статусы и репутации, связанные с наследованием культурного капитала и компетенций, с вхождением в иерархические статусные сообщества (классовые, политические, корпоративные, клановые «династии» и т.п.).

3. *Институционализированное состояние как воспроизводство культурного капитала:* объективации в виде культурных квалификаций и профессионализма (инновационные, образовательные – самодеятельные и академические – навыки, компетенции и квалификации как результат развития унаследованного и приобретенного культурного капитала); сертификаты о культурных компетенциях (разряды, аттестаты, дипломы, патенты, лицензии и т.п.); символические статусы и репутации, связанные с воспроизводством культурного капитала и вхождением в новые горизонтальные (солидарные) статусные сообщества (неформальные, субкультурные, профессиональные и т.п.).

Как видим, *интеллектуальная собственность*, которая в явной форме становится легитимированной в эпоху индустриализма, является лишь одной из модификаций культурного и человеческого капитала, имеющего достаточно длительную историю.

Философско-антропологическую интерпретацию концепта «человеческий капитал» дал ещё М. Фуко в лекциях «Рождение биополитики» [17], подготовленных и прочитанных в 1978–1979 гг. на волне прихода к власти неоллибералов, которые оказались в США и Англии неоконсерваторами (французские социалисты, кстати, стали придерживаться этого же курса). Надо отметить, что в своих лекциях Фуко вёл скрытую полемику с концепцией культурного (человеческого) капитала П. Бурдьё: хотя лишь в одном месте, в примечаниях, имеется прямая отсылка к оппоненту. Что же привлекло «левого» интеллектуала М. Фуко в концепте «чело-

веческий капитал» и почему он критикует позицию другого «левого» интеллектуала?

Во-первых, Фуко совершенно справедливо пишет о взаимоотношении марксистской и неолиберальной мысли: «Неолибералы практически никогда не обсуждают Маркса в силу того, что можно считать экономическим снобизмом. Но мне кажется, что, если бы они дали себе труд дискутировать с Марксом, они обнаружили бы то, что [уместно] было бы назвать анализом Маркса. Они сказали бы: совершенно очевидно, что Маркс в своем анализе сделал труд одной из сущностных основ. Но что делает Маркс, когда он анализирует труд? Он показывает, что рабочий продает что? Не труд, но рабочую силу [17, с. 279]. Но далее он фактически примыкает к неолиберализму, отмечая, что «классическая экономия была неспособна позаботиться об анализе труда в его конкретной спецификации и его качественных модуляциях, потому что она оставила эту чистую страницу, эту лауну, эту пустоту в своей теории, поспешив создать вокруг труда целую философию, антропологию, политику, представителем которой и был Маркс... они упускают спецификацию, качественные модуляции и экономические эффекты этих качественных модуляций, так это, в сущности, потому, что классические экономисты всегда рассматривают в качестве объекта экономии процесс, капитал, капиталовложение, машину, продукт и т.п. [17, с. 280, 281]. Так ли это? Игнорирует ли К. Маркс в своём анализе труда его «качественные модуляции»?

Обратимся к классическим текстам Маркса из первого тома «Капитала», прижизненной манифестации его идей. Действительно, в своих исследованиях он делал упор на время как меру абстрактного труда специфического товара «рабочая сила», отвлекаясь от «качественных модуляций» труда. Маркс, различая потребительную и меновую стоимость товара, определяет последнюю количественными параметрами, действительно абстрагируется в данном случае от качественных и индивидуальных характеристик труда [14, с. 47]. Но игнорирует ли Маркс в своём анализе труда его «качественные модуляции»? Выступает ли для него «труд» и носитель «труда», человек, в виде некоей безжизненной абстракции? Разумеется, нет. Это видно уже из хрестоматийной цитаты, где речь идёт о философском определении труда как

такового: «Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» [14, с. 188–189]. Где же здесь отход от «качественных модуляций» труда? Аналогичное, качественное определение труда мы находим и в характеристике «докапиталистических», конкретно-исторических форм труда [15]. Качественные определения труда теряются не столько в силу «абстрагирующей силы» ума теоретика, сколько в процессе социальной трансформации самого труда при переходе к механическому мануфактурному, а затем машинному индустриальному производству [14, с. 374]. Маркс показал, что абстрактные, стоимостные характеристики труда и процесс его превращения в «рабочую силу», количественную *темпоральную абстракцию* есть продукт «естественноисторического» развития капитализма и индустриального способа производства.

Критики Маркса и классической политэкономии порой соглашаются, что количественное измерение рабочей силы и труда временем имеет смысл на ранней стадии индустриализма, в эпоху «свободной конкуренции». Но оно якобы теряет свою значимость при переходе к «постиндустриализму» и «обществу знаний». Так ли это?

В этом плане интерес представляют достаточно противоречивые идеи А. Горца, с одной стороны, критикующего марксистское понимание труда, а с другой – опирающегося на его мысли о будущем свободном развитии труда и производства знания (науки), заложенном в рукописном наследии. Он говорит о превращении «рабочей силы» в «человеческий капитал» в условиях «общества знаний», когда не только научное знание, но и «неявное», неформализованное профессиональное знание («живое знание») становятся факторами социальной динамики [11, с. 13]. Пока мы зададим Горцу один риторический вопрос: от того, что эксплуатация в обществе «когнитивного капитализма» (ещё одно название для «общества знаний» или «информационного общества») становится «самоэксплуатацией», она перестаёт быть таковой

и при этом именно на капиталистический лад? Как у Горца, так и у Фуко, на которого первый и опирается, главный интерес в концепте «человеческий капитал» представляет момент превращения человека в «самопредприятие», что очень важно для актуализации и развития фукианского концепта «практики себя», с которым он фактически связывает прогресс человеческих «практик свободы», начиная от античного «познай себя» и исповедальных практик христианства и заканчивая либеральными и анархическими практиками свободы. В тот момент, когда Фуко читал свои лекции, посвященные либеральным «практикам самости», он как бы уже и забыл о своих анархически-индивидуалистических исканиях периода студенческих бунтов и борьбы со «знанием-властью». Он вдруг увидел в неолиберализме более реалистический путь постепенного обретения свободы человека. Вот здесь его и заинтересовал неолиберальный «человек-фирма» как реализация метафоры «человеческого капитала» [17, с. 284]. Но разве у Маркса речь шла о том, что «базовым элементом» классического индустриализма является машина или рабочий, а не «предприятие» (вначале мануфактура, а затем фабрика)?

Именно между капиталистическими предприятиями как в эпоху раннего, так и во времена зрелого индустриализма (государственно-монополистического, а затем транснационального) разворачивается основная конкурентная борьба, в ходе которой и реализуется в рационально-иррациональных формах капитал, создаваемый в конечном счете рабочими на предприятиях. Разве перенесение неолибералами конкуренции вовнутрь предприятия и её напряженная реализация между «человеками-предприятиями» (будь они наёмными инженерами, менеджерами или обслуживающими рабочими, заботящимися о своей профессиональной конкурентноспособности и «ликвидности») отменяет саму природу капиталистической конкуренции, которая только и создаёт капитал как самовозрастающую стоимость? Разумеется, нет. Надо одеть неолиберальные очки, чтобы не видеть эксплуатации «человека-предприятия» и в «когнитивном капитализме», и в «обществе знаний».

Может быть, здесь исчезают и количественные оценки «интеллектуализированного», «нематериального» труда как реализации «живых

знаний» (А. Горц) или «экспертного знания» (Э. Гидденс)? «Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами» [11, с. 21], – пишет Горц. Но ему и себе противоречит Фуко, когда пишет: «Чем же конституируется это инвестирование, формирующее компетенцию-машину? Известно из экспериментов, из наблюдений, что оно конституируется, к примеру, тем *временем* (выделено нами – авт.), которое родители посвящают своим детям помимо простой воспитательной деятельности в собственном смысле» [17, с. 289]. Сюда же надо отнести не только время воспитания родителями детей и инвестирования в их образование и здоровье, но и время инвестирования в себя, которое происходит как до прихода «человека-предприятия» на большое предприятие после школы, колледжа или университета (при этом часто молодые люди вынуждены сами зарабатывать на учёбу «неквалифицированным» трудом), так и после, работая, под угрозой потери работы, затрачивая свои «доходы» и «свободное время» на инвестиции в себя. Здесь через задний ход возвращается измерение труда «человека-предприятия» временем и его количеством, когда обращается к тому факту, что все инвестиции в «человеческий капитал» так или иначе связаны с временными затратами индивида и семьи.

Это вряд ли то «свободное время», как время свободной реализации человеческой личности, о котором писал Маркс. Скорее всего, мы здесь имеем в завуалированной форме всё тот же феномен «рабочего времени»: «В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения *всей жизни масс в рабочее время* (выделено нами)» [14, с. 539]. Здесь *время заботы*, чуть ли не по М. Хайдеггеру, когда индивид вынужден не реализовать *смысл бытия*, а думать о хлебе насущном «здесь и сейчас», о завтрашнем дне в условиях объективации «бытия в мире» и о лучшей продаже своего «индивидуального предприятия» всё тем же транснациональным предприятиям. Это и есть капиталистическая биополитика, описываемая Фуко, в которой управленческие манипуляции жизнью человека со стороны общества и капитала дополняются самоманипуляциями человека. Че-

ловек в «обществе знаний» и «когнитивном капитализме» становится той унтер-офицерской вдовой неоллиберализма, которая сам/сама себя создаёт, сам/сама с собой конкурирует и сам/сама себя эксплуатирует. Только во благо кого или чего?

Время «самоэксплуатации» вынесено за стены капиталистического предприятия (очень удачная неоллиберальная рационализация экономики оплаты труда!) в семью (своеобразная социальная архаизация на основе новейших технологий). Человек фактически вынужден трудиться чуть ли не полные сутки над своим *специфическим товаром* «человек-предприятие», сменившим в «когнитивном капитализме» товар «рабочая сила». Да, он якобы получает «доход», а не «заработную плату», капитализирует свои инвестиции в себя (теории «трудового дохода» и т.п. иллюзии Маркс критиковал применительно к классической политэкономии и наивных представлений самих рабочих). Но реализация основной прибыли отнесена уже в сферу финансового капитала и фондовых рынков, создающих сверхприбыль на спекуляциях вокруг брендированных (фактически виртуальных и фиктивных) IT-предприятий. И не они в конечном счете создают реальную прибавочную стоимость, о которой писал Маркс, а те массы по-прежнему *индустриальных рабочих* в странах третьего мира и «догоняющей индустриализации» и «догоняющей постиндустриализации» (Китай, Вьетнам, Восточная Европа, Африка и т.п.), куда вынесены технологии реального производства товаров. Мы видим, что реальный «постиндустриализм» на самой деле означает не доминирование интеллектуального труда над материальным и не только их различие в рамках национальных экономик, но их глобальное разделение: страны «золотого миллиарда», как производители интеллектуальных технологий и «экспертного знания», – и остальные страны, производители массовых товаров широкого потребления с использованием дешевого товара «рабочая сила» (телевизоры и автомобили Америка давно уже не производит). Символами такого глобального разделения на два мира – *мир Труда* и *мир Капитала* – давно стали Китай и США.

Маркс никогда не писал, что стоимость товара «рабочая сила» *напрямую* измеряется временем, затраченным рабочим в процессе труда на конкретном предприятии. В «Капитале» читаем: «Сравнительно сложный труд

означает только *возведенный в степень* или, скорее, *помноженный* простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, *устанавливаются общественным процессом за спиной производителей* (выделено нами – авт.) и потому кажутся последним установленным обычаем... Напротив, *всеобщая форма стоимости* (выделено нами – авт.) возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто «общественное бытие» этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть поэтому *общественно значимой формой* (выделено нами – авт.)» [14, с. 53]. Мы не будем останавливаться подробно на том факте, что именно в сфере общественного разделения труда формируются такие количественные индикаторы для измерения специфического товара «знание», которые выступают *превращенными формами временных характеристик труда*, в том числе и труда интеллектуального.

Это, прежде всего, *интеллектуальная собственность*, которая как собственность на патенты возникает еще во времена А. Смита и Д. Рикардо и делает «экспертные знания» специфическим товаром, покупаемым и продаваемым. Начиная с XVIII века, но особенно в следующем столетии происходит взрывное развитие авторского и патентного права. К сожалению, Маркс почти не обратил внимания на проблему и природу интеллектуальной собственности, на роль патентов и патентного права (авторского права и т.п.) в развитии капиталистического индустриализма. Хотя уже

его основной «учитель» Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» (под влиянием именно этой работы начинается творческий путь создателя великого коммунистического нарратива и нового социально-гуманитарного знания) зафиксировал феномен интеллектуальной собственности [9, с. 101–103, 123–124], в том числе и его онтологические основания. Время первого прижизненного издания этой работы Гегеля – 1820 год. Еще не изданы законы о патентах и авторском праве в Германии и многих других европейских странах, но великий мыслитель уже увидел глубокий философский смысл в феномене собственности и интеллектуальной собственности как её разновидности. Здесь важно подчеркнуть, что Гегель проницательно отметил то, что интеллектуальный труд и духовное производство, как и интеллектуальная собственность, становятся в «мире разума», как он номинировал новый «научный мир» доминирующими модусами бытия человека. Интересно, что идеи Гегеля о количественных, временных и товарно-денежных параметрах существования интеллектуальной собственности, что Маркс, разумеется, использовал потом в своём «Капитале». И мы далеки от мысли, что Маркс «не понял» Гегеля и чего-то не увидел в окружающем его мире индустриализма. Он увидел главное: роль науки и духовного производства если не в реалиях XIX столетия, то уж точно в

грядущем обществе, где наука будет играть роль непосредственной производительной силы.

Разумеется, во времена «свободного» капитализма и первых форм капиталистического применения науки в индустриальном производстве не было и таких развитых *количественных индикаторов* измерения научного труда, как различного рода *индексы цитирования* учёного или *рейтинги* университетов, основных производителей знания в современном «когнитивном капитализме». Но в реалиях современной «постиндустриальной» экономики эти *количественные индикаторы* измерения научного интеллектуального труда и интеллектуальной собственности являются лишь *превращёнными и виртуализированными формами* всё того же *времени*, затрачиваемого конкретным индивидом, будь он простым рабочим на китайском предприятии, российским чиновником, эффективным менеджером в транснациональной компании или профессором «предпринимательского университета». Это время эксплуатации человеческого труда, затрачиваемого на производство промышленных товаров, научных знаний, технологических инноваций или на образование и повышение квалификации. Это не отменяет капиталистической природы любого труда в современном мире «постиндустриализма» и его рационально-иррациональной природы. Маркс и в этом был прав.

Литература

1. Бондаренко, Е. А. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий / Е. А. Бондаренко, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2014. – № 2 (173). – Вып. 27. – С. 33–42.
2. Борисов, С. Н. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1 / С. Н. Борисов, Е. А. Бондаренко, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2014. – № 9 (180). – Вып. 28. – С. 5–19.
3. Борисов, С. Н. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 2 / С. Н. Борисов, Е. А. Бондаренко, В. П. Римский // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2014. – № 16 (187). – Вып. 29. – С. 5–11.
4. Борисов, С. Н. Интеллектуальные субкультуры в средние века и эпоху Возрождения / С. Н. Борисов, Е. А. Бондаренко, В. П. Римский // Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИ-ИК. – 2014. – № 4. – С. 178–190.
5. Брун, М. Патенты на изобретения / М. Брун // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
6. Бурдьё, П. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пьер Бурдьё, Жан-Клод Пассрон ; пер. Н. А. Шматко. М. : Просвещение, 2007. – 267 с. – (Образование: мировой бестселлер).
7. Бурдьё, П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.
8. Бурдьё, П. Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

9. Гегель, Г.В.Ф. *Философия права* / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
10. Гидденс, Э. *Последствия современности* / пер. с англ. Г. К. Ольховикова ; Д. А. Кибальчича ; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с. – (Серия «Образ общества»).
11. Горц, А. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал* / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской. – М. : Высшей школы экономики, 2010. – 208 с. – (Социальная теория).
12. Игнатова, В. С. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур: (культурно-цивилизационный контекст) / В. С. Игнатова, В. П. Римский // *Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИИК*. – 2012. – № 1. – С. 34–57.
13. Игнатова, В. С. Генезис науки, инноваций и научного университета (к девятилетию со дня рождения М. К. Петрова) / В. С. Игнатова, В. П. Римский // *Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИИК*. – 2013. – № 2. – С. 61–75.
14. Маркс, К. *Капитал. Критика политической экономии*. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1960. – С. 23–907.
15. Маркс, К. *Теории прибавочной стоимости*. IV том «Капитала». Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1962. – 476 с.
16. Радаев, В. В. *Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация* / В. В. Радаев // *Общественные науки и современность (ОНС)*. – 2003. – № 2. – С. 5–17.
17. Фуко, М. *Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учеб. году* / М. Фуко ; пер. с фр. : А. В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2010. – 448 с. – (Programme A. Pouchkine).

References

1. Bondarenko, E. A., Rimsky B. P. (2014) Intellectual work and spiritual production: philosophical and methodological explication of concepts [Intellectual'nyj trud i dukhovniye proizvodstvo] // *Belgorod state University Scientific Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Right"*. No 2 (173), vol. 27, pp. 33–42.
2. Borisov, S. N., Bondarenko E. A., Rimsky B. P. (2014) Cultural capital and intellectual subculture in the ancient spiritual production. Article 1 [Kul'ternyj kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 1] // *Belgorod state University Scientific Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Right"*. No 9 (180), vol. 28. pp. 5–19.
3. Borisov, S. N., Bondarenko E. A., Rimsky B. P. (2014) Cultural capital and intellectual subculture in the ancient spiritual production. Article 2 [Kul'ternyj kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 2] // *Belgorod state University Scientific Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Right"*. No 16 (187), vol. 29, pp. 5–11.
4. Borisov, S. N., Bondarenko E. A., Rimsky B. P. (2014) Intellectual subculture in the middle ages and the Renaissance [Intellectual'nyye subkul'tury v sredniye veka i epokhu Vozrozhdeniya] // *Science. Culture. Art. Scientific journal BGII*. No. 4. pp. 178–190.
5. Brun, M. *Patents*[Patenty na izobreteniya] // *Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron: 86 volumes (82 tonnes and 4 additional)*, SPb., 1890–1907.
6. Bourdieu, P. (2007) *Reproduction: elements of the theory of education* [Vosproizvodstvo: element teorii sistemy obrazovaniya] / Pierre Bourdieu, Jean-Claude Passeron; [transl. by N. A. Shmatko]; Mosk. the Supreme. SHK. social. and Econ. Sciences. – М : Education, 267 p. (Education: global bestseller).
7. Bourdieu, P. (1994) *The Beginning*. Nachala]: TRANS. with FR. Shmatko N. A. – М. : Socio-Logos, 288 p.
8. Bourdieu, P. (2001) *Practical sense* [Prakticheskij smysl] Lane. with FR. A. So The Bikbov, K. D. Ascension, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Resp. Ed. trans. and Comm. N. A. Shmatko. – SPb., 562 p.
9. Hegel, G. C. F. (1990) *Philosophy of law* [Filosofiya prava]. – М.: Mysl', 524 p.
10. Giddens, E. (2011) *Consequences of modernity*. [Posledstviya sovremennosti] TRANS. from English. G. K. Olhovich; D. A. were; takes. article I. A. Dmitriev. – М. : Publishing and consulting group "praxis", 352 p. (Series "the Image of society").
11. Gorts, A. (2010) *Intangible. Knowledge, value and capital* [Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital] / Per. s nem. and FR. M. M. Sokol; GOS. University – Higher school of Economics. – М. : Publishing House. the State house. University – Higher school of Economics, 208 p. – (Social theory).

-
12. Ignatova, V. S., Rimsky B. P. (2012) Problem of "tradition – innovation" and the Genesis of scientific-innovative subcultures: cultural and civilizational context) [Problema "Traditsii-innovatsii" i genesis nauchno-innovatsionnykh subkultur: (kul'turno-tsivilizatsionnyi protsess)] // *Science. Culture. Art. Scientific journal BGII*. No. 1, pp. 34–57.
  13. Ignatova, V. S., Rimsky B. P. (2013) Genesis of science, innovation and university (ninetieth birthday birthday M. K. Petrova) // *Science. Culture. Art. Scientific journal BGII*. – No. 2, pp. 61–75.
  14. Marx, K. (1960) Capital. *Critique of political economy. V. I* [Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. V. I] K. Marx, F. Engels, Soch. Ed. second. So 23. – M. : Izd-vo watered. literature, pp. 23–907.
  15. Marx, K. (1962) *The Theory of surplus value. IV volume of "Capital". Part one* [Teoriya pribavochnoi stoimosti. IV tom "Kapitala"] // K. Marx, F. Engels, Soch. Ed. second. So 26. Ch. I. – M. : Izd-vo watered. literature, 476 p.
  16. Radaev, V. (2003) Notion of capital, forms of capital and their conversion centuries [Ponyatiye kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya] // *Social Sciences and modernity (TTR)*. No 2, pp. 5–17.
  17. Foucault, M. (2010) *Birth of biopolitics* [Rozhdeniya biopolitiki]: *a course of lectures at the College de France 1978–1979 textbook. year* ; translated from FR. A. C. Diacov. – St. Petersburg: Nauka, 448 p. – (Programme A. Pouchkine).
-

УДК 111;130.3;14

Д. Н. Воропаев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и религиоведения, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»
e-mail: div79@bk.ru

«СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНА “НИГИЛИЗМ”» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СТАТЬИ В. П. ЗУБОВА «К ИСТОРИИ СЛОВА “НИГИЛИЗМ”»)

В данной статье автор, используя в качестве основного источника работу В. П. Зубова «К истории слова “нигилизм”», пытается реконструировать историю термина «нигилизм». Автор показывает, что при специфичности русского словоупотребления в этом термине проявились социокультурные особенности общественного сознания, которые были характерны для духовно-идеологической культуры России в разные исторические эпохи. По мнению автора, несмотря на то, что в России так и не сложилась развернутая дискуссия по проблеме «нигилизма», как это произошло в Европе, тем не менее вопрос о «нигилизме» не утрачивает своей актуальности и для современной российской культуры, т.к. в смысле употребления термина сохранилась некоторая принципиальная непроясненность, заставляющая философов вновь и вновь возвращаться к этой проблеме.

Ключевые слова: *нигилизм, история философии, ничто, материализм, идеализм.*

У слов своя история и даже разные истории, если они протекают в разных социокультурных мирах. История термина «нигилизм» интересна тем, что она разворачивалась как в Германии, так и в России. С одной стороны, эта история оказалась неразрывно связанной с немецкой традицией, с другой – в русском культурно-речевом сознании термин зажил иной жизнью и предстал в ином контексте. При всей специфичности русского словоупотребления в нём проявились некоторые социокультурные особенности общественного сознания, которые были характерны для духовно-идеологической культуры России в разные исторические эпохи. Эти особенности мы можем видеть и в современности.

В предлагаемой статье мы попытаемся реконструировать историю термина «нигилизм», взяв за основу небольшую, но очень емкую работу выдающегося отечественного философа, искусствоведа, историка науки и мышления Василия Павловича Зубова, к сожалению, мало известного и еще не до конца оцененного.

В год столетия (1929) со дня появления в русской литературе термина «нигилизм» В. П. Зубов в статье «К истории слова “нигилизм”»[1], пытается показать эволюцию данного термина и разобраться в его значении. Оказалось, что по прошествии ста лет значение термина требовало своего прояснения. Несмотря на то что термин к

этому времени уже вошел во многие словари и стал привычным, сама ситуация, сложившаяся в истории философии и в истории общества, диктовала необходимость вновь рассмотреть проблему нигилизма. События, происходившие как в западной, так и в русской философии, заставили по-новому посмотреть на человека, культуру и общество. Эти события, конечно, нельзя отделить от развития самого общества и культуры. Колоссальнейшее потрясение к этому времени уже произошло в России. А катастрофа, к которой шла Германия, а вместе с ней и весь мир, уже чувствовалась и интуитивно проговаривалась немецкими мыслителями. «Нигилизм» в это время оказался таким явлением и таким понятием, осмысление которых отчасти дало бы понимание происходящих процессов. Мне кажется, это прекрасно чувствует и переживает В. П. Зубов.

Обсуждение начинается со всем известного факта, что в 1862 году в февральской книжке «Русского Вестника» (первая публикация романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») было дано определение понятию «нигилист». В. П. Зубов указывает на то, что изобретение слова «нигилизм» Тургенев приписывал себе, и при этом не сомневается в его искренности, объясняя этот факт естественными причинами (о чем пойдет речь ниже).

Но термин «нигилизм» не был изобретен Тургеневым, а восходит к немецкому философу и писателю Фридриху Генриху Якоби (на самом деле это слово появляется ещё раньше, и нет возможности установить, кто употребил слово «нигилизм» впервые. Подробнее см. А. В. Михайлов Из истории нигилизма [2]). Под влиянием Якоби им начинает пользоваться Жан-Поль (Рихтер), а уже из работы Жан-Поля «Vorschule der Aesthetik» (1804) (в русском переводе «Приготовительная школа эстетики» [3]) термин попадает в Россию. Опираясь на указанную работу Жан-Поля, С. П. Шевырев читал лекции по истории поэзии в Московском университете. «Нигилизм», как и у Жан-Поля, противопоставляется «материализму». Почему именно «материализму»? Дело в том, что под «нигилистами» Жан-Поль (а вслед за ним и Шевырев) имеет в виду идеалистов, считающих, что поэзия не зависит ни от каких внешних обстоятельств и является творением только лишь человеческого духа. Под «материалистами» здесь имеются в виду те, кто считает, что поэзия романтизма просто рабски копирует реальный мир. Таким образом, и получается, что под «нигилистами» имеются в виду крайние идеалисты. Но дело не просто в споре о поэзии, корни этого спора – полемика Жан-Поля и Якоби с Фихте, т.е. спор о поэзии является результатом столкновения противоположных взглядов на мир и, в особенности, на человека в европейской философии в конце XVIII – нач. XIX в.

В. П. Зубов предполагает, что, будучи студентом Московского университета, Тургенев посещал лекции Шевырева. Однако, по его мнению, в памяти Тургенева (а на момент посещения лекций ему должно было быть 15 лет), скорее всего, остались понятия «нигилизм» и «материализм», *но не в смысле противопоставления, а в смысле сближения*. К тому же для Шевырева «нигилисты» – это, прежде всего, «увлекающиеся молодые люди» [1, с. 386]. Исходя из этого, Зубов приходит к выводу, что в сознании Тургенева и возникло соединение нигилизма-материализма как «строения мыслей, свойственного молодому поколению – детям в противоположность отцам» [1, с. 386]. Но Зубов предлагает не разделять историю термина «нигилизм» на то, что было до 1862 г. и после. По его мнению, при целостном рассмотрении истории термина мы увидим интересный пример изменения значений, которые термин претерпе-

вает в ходе исторической эволюции. Однако он сразу предупреждает воздерживаться от соблазна видеть в эволюции термина «нигилизм» результат диалектического развития, переход от тезиса к антитезису [1, с. 386].

На страницах печати слово «нигилизм» начинает обсуждаться в связи с художественной литературой. Так сложилось, что в России философские дискуссии чаще разворачивались не под влиянием специальных философских работ, их источником становились литературные произведения, т.е. наибольшее напряжение философские вопросы обретали именно в художественной литературе. В 1829–1830 годах критик и философ Н. И. Надеждин (1804–1856) [4] в «Вестнике Европы» публикует несколько статей, посвящённых «нигилизму». Как указывает Зубов, под «нигилизмом» Надеждин понимал «кладбищенскую лирику романтиков, и романтический эрос разрушения – смерти, и байроновский скептицизм, и светскую пустоту. В конечном счете совершенно так же, как и у Жан-Поля, шла речь о саморазложении субъективности, оторвавшейся от реальности, о саморазрушении я, замкнувшегося в себе» [1, с. 387]. Других публикаций в 30-е и 40-е годы XIX в. Зубов не называет, вероятно, потому, что в этот период в понимании термина не происходит каких-либо изменений, а раз так, то можно сказать, что термин ещё не вошел в употребление, в том смысле, что пока он не был раскрыт, не был востребован временем и ещё ждал своего места в русской философии. Далее Зубов упоминает о книге казанского профессора В. Ф. Берви «Физиологически-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» (1858), где термин «нигилизм» используется всё в том же смысле, который был заложен в немецкой традиции Якоби и Жан-Поля, а именно как «крайний идеализм в философии (фихтеанство) или крайний идеализм в искусстве и жизни (романтизм)» [1, с. 388].

Обратим внимание на очень важное замечание, отчасти объясняющее дальнейшую эволюцию значений понятия «нигилизм». По мнению Зубова, в рассматриваемом термине скрыта некая угроза и предостережение и, что самое главное, – оценка: «Если бы термин «нигилизм» не таил в себе этого элемента оценки и квалификации, то вполне можно было бы удовлетворяться терминами “субъективный идеализм”,

“солипсизм”, “романтизм”, “скептицизм” и т.п.» [1, с. 388].

Когда в 1862 году термин вошел в обиход и стал предметом острых дискуссий (в связи с публикацией романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»), уже в новом значении, то этому значению ещё сопротивлялись, причем те, к кому понятие прилагали чаще всего. Так, 1863 г. в журнале «Современник» и в 1864 г. в журнале «Русское Слово» публикуются статьи, указывающие на то, что у термина уже есть устоявшееся значение в философии и оно не соответствует значению, используемому в России после 1862 года. Но почему термин входит в широкое употребление в противоположном изначальному смысле? По мнению Зубова, судьба слова зависела от тех, кто использовал это слово. Противоположный смысл появился благодаря именно возможности применять термин как оценочный. И в результате слово, как говорит Зубов, переходит из одних рук в другие, вместо одного круга лиц начинает прилагаться к антиподам [1, с. 388], т.е. если изначально «нигилистами» называли «крайних идеалистов», то в новых условиях, сложившихся к тому времени в России, он оказался применим к «материалистам». Но не следует думать, что так стали называть исключительно «материалистов». Термин «нигилизм» приобретает «ругательное» значение и употребляется в резко полемическом контексте. Зубов отмечает ещё один важный момент: термин, функционируя в сознании носителей определенной идеологии, отрывается от своих генетических корней и становится источником новых представлений, не связывавшихся с ним прежде [1, с. 389]. При этом слово оказалось способным подчинить себе психологию тех групп, которые им пользовались. По мнению Зубова, суффикс «изм» в слове создавал представление о некоем нигилистическом учении, единой школе и заставлял мыслить в определенном направлении. Но если бы вместо этого термина ввели слово «базаровщина», что, по мысли автора, было бы более адекватным, то термин «нигилизм» не претерпел бы таких изменений. Зубов приводит определения данного понятия в словарях 60-х и 70-х годов [1, с. 390]. Из приведённых Зубовым примеров видно, что термин пытались показать как обозначающий определённое учение или школу. Но что же это могла быть за школа, к которой нужно при-

ложить этот термин? Слово оказалось в руках противников материализма и стало для них, по сути, новым названием материализма. Точно так же ранее слово использовалось в борьбе с «крайними идеалистами». Как отмечает Зубов, попытки дать точные определения термину (в ряде случаев развести понятия «материализм» и «нигилизм») и обозначить им соответственно конкретный круг людей почти прекращаются и многим становится ясно, что говорить о «нигилизме» как единой идеологической системе взглядов нельзя. Слово «нигилист» «стало расплываться в объёме» [1, с. 391], дефиниции уступили место эмоционально-оценочному подходу и вследствие этого стали всё больше говорить не о «нигилизме», а о «нигилистах» [1, с. 391].

Термин, по мнению Зубова, становится «кличкой», на первый план выходят личностные характеристики и тип поведения. В качестве примера в статье приводится следующая цитата: «Наши нигилистки обыкновенно очень дурны собою, чрезвычайно неграциозны... одеваются без вкуса и донельзя грязно... часто носят очки, всегда стригутся, иногда даже и бреют волосы... Читают исключительно Фейербаха и Бюхнера, презирают искусство...» [1, с. 391]. Здесь, как мы видим, даётся портрет нигилистов и прежде всего внимание обращается на внешний вид, характер поведения, т.е. важен «психологический тип» [1, с. 391], к которому можно приклеить кличку «нигилист». И эти люди должны, конечно, быть неприятными, с вызывающими манерами и мнениями. Доходит до того, что в 1866 г. в Нижнем Новгороде описывают внешность «нигилистов» и приказывают блюстителям общественного порядка преследовать таковых. Этот факт сразу же отразился протестом в прессе. Но слова «нигилист» и «нигилизм» продолжают в 60–70-е годы XIX века использоваться как средство духовно-идеологической характеристики и применяются то к одному кругу лиц, то к другому, а также к различным, часто противоположным, явлениям.

Такое использование термина привело к тому, что нигилизм начали искать в историческом прошлом и при определенном подходе он оказывался вечным. По мнению Зубова, при такой широкой постановке вопроса нигилизм, как явление современной жизни, ускользал и не позволял закрепить его за чем-то конкретным. Для противников же «нигилизма» и «нигили-

стов» необходимо было найти, к кому конкретно применить термин. Ситуация осложнялась тем, что все, кого называли «нигилистами», себя таковыми не считали. Как говорит Zubov, это название «приняли лишь те Ситниковы и Кукушкины тургеневского романа, которые ничего общего не имели с действительно революционным движением» [1, с. 393]. Но действительные революционеры отказывались принимать этот термин, даже когда Герцен пытался применить его в положительном смысле и в отношении революционеров.

Итак, в 1860-е годы сложилась ситуация, когда, с одной стороны, все говорят о «нигилистах», с другой – трудно сказать, кто ими является. Но слово уже вошло в моду, и были «Ситниковы и Кукушкины», добровольно называвшие себя «нигилистами». Эти люди следовали моде и, не особенно вникая в то, что стоит за термином, просто отрицали всё [1, с. 393]. По мнению Zubova, если бы не они, то и «говорить о нигилизме как особом направлении» [1, с. 395] было бы невозможно. Но «вопреки всему, – пишет Zubov, – слово “нигилизм” стало центром, вокруг которого начала кристаллизоваться легенда о нигилизме (...). Станным образом понятие нигилизма было составлено из реального материала и, тем не менее, ему не соответствовало ничего реального» [1, с. 395]. Zubovu удалось здесь отметить очень важный момент – как направление «нигилизм» действительно не мог соответствовать ничему реальному, но, тем не менее, оказалось возможным найти «реальный материал». Причиной этого мог стать сам поворот истории, изменение мышления, которые будут обсуждать в европейской философии конца XIX–XX вв.

Zubov отмечает, что слово «нигилизм» восходит к «ничто» (nihil), т.е. к отрицанию (и, следовательно, нигилист – это только отрицатель), оно сохранило своё ядро в ходе эволюции термина. Ядро не изменилось, но изменилась окружающая среда, т.е. исторические условия и конкретные культурные условия. Всё это определило то, что в России словом стали пользоваться как оружием, громя те или иные группировки, находя конкретного или во-

ображаемого (но тоже конкретного) врага и используя это слово как обвинение, как приговор. Болезнью нигилизма можно было объяснить многое, и это, по мнению Zubova, превращало слово в ничто [1, с. 397].

Таким образом, статья Zubova, на мой взгляд, указывает на важную особенность российского общественного сознания: нам всегда нужен конкретный и понятный враг, но это как бы враг вообще. Конкретен враг в том смысле, что всегда можно сказать, что это он виновен в происходящем сегодня зле, и можно назвать виновника по имени. Но, с другой стороны, это враг вообще, т.к., по большому счету, он абстрактен и неопределим. Таким врагом были «нигилисты», потом – противники совершившейся революции: «контра», «империалисты», позднее – «Америка», «мировой терроризм» и т.п. Большинству нужен этот понятный и в то же время абстрактный враг. Если он понятен, то можно всегда объяснить беды происками врага, но т.к. он при этом еще и абстрактен, то он как бы не рядом, а где-то, и, следовательно, не страшен. История термина «нигилизм» демонстрирует определённую структуру общественного сознания, которая оказалась устойчивее, чем сам термин.

Тот материал, который проанализировал Zubov, показывает, что если в истории термина «нигилизм» есть какая-то ясность, то «нигилизм» как духовно-историческое, социально-онтологическое явление ещё требует своего осмысления, т.к. в России серьезно этот вопрос не обсуждался. Вокруг термина возник некий шум, не позволивший сформировать подходы к той проблематике «нигилизма», которая возникла в немецком идеализме вокруг 1800 года, позднее получила серьёзное развитие и стала европейской дискуссией в XIX и особенно XX вв. (Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр). В защиту ситуации, сложившейся в России, стоит сказать, что живое употребление имело место быть и была борьба сил, но слово было вполне определённым. У термина был адресат и адресаты. Но с другой стороны, в наследство XIX век оставил в смысле употребления термина некоторую принципиальную непрояснённость.

Литература

1. Zubov, V. P. К истории слова «нигилизм» // Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917–1930 / сост. М. В. Zubova. – М. : Изд-во Индрик, 2004. – С. 385–400.
2. Михайлов, А. В. Из истории нигилизма / А. В. Михайлов. – М., 2000. – С. 537–623.

3. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. – М., 1981.
4. Каменский, З. А. Н. И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836) / З. А. Каменский. – М. : Искусство, 1984. – 208 с.
5. Бабошин, В. В. Новоевропейский нигилизм в контексте становления современного общества / В. В. Бабошин // Личность. Культура. Общество. – М., 2011. – Т. XIII. – Вып. 2 (№№ 63–64). – С. 205–211.
6. Бик-Булатов, А. Ш. Концепт «нигилизм» в публичных дискурсах публицистики конца 80–90-х годов XX века / А. Ш. Бик-Булатов // Ученые записки казанского университета. Т. 153, кн. 5. – Казань, 2011. – С. 190–197.
7. Дмитриева, В. А. Соотношение категории ничто и нигилизма / В. А. Дмитриева // Вестник ПАГС. – 2012. – № 4. – С. 131–135.
8. Константинова, Т. В. Модусы нигилизма в культуре транзитивного общества / Т. В. Константинова // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 240–249.
9. Косыхин, В. Г. Метафизика власти и проблема нигилизма в европейской философии / В. Г. Косыхин // Власть. – 2008. – № 3. – С. 90–94.
10. Косыхин, В. Г. Нигилизм и современная онтология / В. Г. Косыхин // Вестник томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 43–47.
11. Ульянов, В. А. Развитие нигилизма в Новое и Новейшее время: теоритический аспект / В. А. Ульянов // Омский научный вестник. – 2009. – № 2(76). – С. 121–123.
12. Петренко, В. В. Нигилизм как вектор индивидуализации в философии и культуре Новейшего времени / В. В. Петренко // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 3(11). – С. 80–85.
13. Франк, С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) : сочинения / С. Л. Франк. – М., 1990. – С. 77–110.
14. Лабунская, Л. Н. Социальное наследование в зеркале нигилизма / Л. Н. Лабунская // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 95–99.
15. Савчук, В. Время нигилизма / В. Савчук // Судьба нигилизма. – СПб., 2006. – С. 163–220.

References

1. Zubov, V. P. (2004) On Etymology of Word “Nihilism” [K istorii slova «nigilizm»], *History of Philosophy and Esthetics: Selectas. 1917–1930*, Moscow, pp. 385–400.
2. Mihailov, A. V. (2000) History of Nihilism [Iz istorii nigilizma], Moscow, pp. 537–623.
3. Jean Paul (1981) Preparatory school of aesthetics [Prigotovitel'naja shkola jestetiki], Moscow.
4. Kamenskiy, Z. A. (1984), N. I. Nadegdin. H. И. Надеждин: Essay on Philosophic and Esthetic Viewpoints (1828–1836). – Moscow: “Iskusstvo”, 208 p.
5. Baboshin V.V. (2011) Modern European Nihilism in the Context of Modern Society Development. [Novoeuropejskij nigilizm v kontekste stanovlenija sovremennogo obshhestva], *Personality. Culture. Society*, 2011, Volume XIII, Number 2 (№ 63–64), pp. 205–211.
6. Bik-Bulatov, A. S. (2011) Concept “Nihilism” in Public Discourse of Journalism at the End of 1980–1990 s [Koncept «nigilizm» v publichnyh diskursah publicistiki konca 80–90h godov XX veka], *Bulletin of Kazan University*, Volume 153, book 5 Kazan, pp. 190–197.
7. Dmitrieva, V. A. (2012) Correlation of Category “Nothing” and Nihilism. [Sootnoshenie kategorii nichto i nigilizma], *Newsletter PACS*, No 4, pp. 131–135.
8. Konstantinova, T. V. (2010) Modi of Nihilism in Culture of Transitive Society [Modusy nigilizma v kul'ture tranzitivnogo obshhestva], *Humanities and Social Sciences*, No 3, pp. 240–249.
9. Kosykhin, V. G. (2008) Metaphysics of Government and Problem of Nihilism in European Philosophy. [Metafizika vlasti i problema nigilizma v evropejskoj filosofii] // *Government*. – Moscow, No 3, pp. 90–94.
10. Kosykhin, V. G. (2008) Nihilism and Modern Ontology [Nigilizm i sovremennaja ontologija], *Bulletin of Tomsk State University*, No 3, pp. 43–47.
11. Ulianov, V. A. (2009) On Development of Nihilism in Modern Age and in Conterporary History: theoretical aspect [Razvitie nigilizma v Novoe i Novejshee vremja: teoriticheskij aspekt], *Omsk scientific bulletin*, No 2 (76), pp. 121–123.

---

12. Petrenko, V. V. (2013) Nihilism as Vector of Individualization in Philosophy and in Culture of Contemporary History [Nigilizm kak vektor individualizacii v filosofii i kul'ture Novejshego vremeni], *Bulletin of Tomsk State University. Tomsk*, No 3(11), pp. 80–85.

13. Frank, S. L. (1990) Ethics of Nihilism (On characteristics of Moral World Outlook of Russian Intellectuals). [Etika nigilizma. (K harakteristike npravstvennogo mirovozzrenija russoj intelligencii)], Moscow, 1990, pp. 77–110.

14. Labunskaya, L. N. (2009) Social Research in the Mirror of Nihilism [Social'noe nasledovanie v zerkale nigilizma], *Philosophy of Law*, No 1, pp. 95–99.

15. Savchuk, V. (2006) Nihilism Time. [Vremja nigilizma], *Destiny of Nihilism*, St. Petersburg, 2006, pp. 163–220.

УДК 1:165.12

Н. В. Гончаров, соискатель ученой степени кандидата философских наук,
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: nik567485@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

В статье анализируется одна из ключевых проблем феноменологической философии Э. Гуссерля. Исследуется содержание понятия интенциональности, которая позиционируется в качестве направленного смыслообразующего акта сущностного переживания окружающей материально-предметной действительности. Рассмотрена проблема онтологических и методологических оснований интендированности сознания, проявляющаяся в специфицированной связи между субъектом познания и окружающим миром, на рубеже которой формируется смысловая действительность. Особое внимание уделено целенаправленному приданию Гуссерлем понятию интенциональности теоретико-познавательного аспекта, символизирующего преодоление классической феноменологической философией ограниченности психологической методологии в области исследования сущности сознания. В статье показано, что стратегия феноменологического исследования Гуссерля феномена интенциональности носит ярко выраженное стремление элиминировать эмпирико-психологический компонент из феноменологического анализа сущности познавательного процесса с целью создания непротиворечивой теории познания.

Ключевые слова: интенциональность, переживание, сущность, смыслообразование, интенциональная предметность.

Понятие интенциональности играет важнейшую роль как в современной психологии, так и феноменологической философии, что в свою очередь подтверждается достаточно широким спектром его применения в исследованиях феномена сознания. Помимо трудов Ф. Brentano и Э. Гуссерля, посвященных понятию интенциональности, следует выделить работы У. Гамильтона, Ф. Чизолма, Н. В. Мотрошиловой, В. И. Молчанова, Б. И. Липского, Г. Ланца, Л. Ландгребе, Д. Мюнха, В. А. Ладова, Р. А. Громова, Р. Гилберта, А. С. Гагарина, В. А. Куренного.

Понятие интенциональности, трактуемое в средневековой философии как ментальное и далее определенное в работах Ф. Brentano в качестве аутентичной характеристики психических феноменов (сознания в целом), в феноменологии Э. Гуссерля подверглось существенной переработке. Подчеркнем, что позиционирование интенциональности как отношения или направленности сознания, или же перманентного состояния сознания *быть сознанием чего-либо* – не является новым ни для психологии, ни для философии. В этой связи Гуссерль предпринял попытку, «обсудить и обосновать интенцио-

нальность в качестве всеобъемлющей рубрики сквозных феноменологических структур...» [1, с. 262]. По этому поводу Б. И. Липский пишет: «...то, что акты сознания имеют интенциональную природу, было известно достаточно давно. Но только в контекстах трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля удается выявить, что означает эта интенциональность актов сознания» [6, с. 16].

Обращаясь к узловым моментам феноменологического анализа понятия интенциональности, необходимо учитывать, что проблематика интендированности сознания приобрела первостепенное значение уже на ранних стадиях феноменологических исследований Гуссерля, особенно в контексте рассмотрения интенциональности в статусе главной феноменологической темы. Учитывая специфику развития феноменологической философии Гуссерля, на первоначальном этапе которой приоритетной целью было преодоление господства психологизма в теории познания, особенно на методологическом и онтологическом уровнях, становится ясно, что поиск аутентичной, эссенциальной характеристики сознания был для Гуссерля задачей архиважной.

Развернутая Гуссерлем в первом томе «Логических исследований» критика презумпции методологии психологизма, постулирующего детерминацию логического со стороны психологического, а также доказательство несостоятельности идей психологистов о первичности психологического по отношению к логическому, изначально символизировали стремление родоначальника феноменологии исследовать проблему сознания в *сущностном* аспекте. При этом «большинство психологистов настолько подчинены влиянию своего общего предрассудка, что не помышляют о его проверке на наличных определенных законах логики» [2, с. 75]. Соответственно и специфика феноменологической интерпретации понятия интенциональности непосредственно сопряжена с понятием *сущности*. Более того, феноменологическая аналитика интенциональности, точнее эссенциальности интенционального, предпринятая Гуссерлем в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии», стала в дальнейшем одной из центральных частей гуссерлианской феноменологии, «ведь от сущности любого актуального cogito неотделимо то, что есть сознание чего-либо» [1, с. 111].

Переосмысливая проблематику определения Brentano психических феноменов как исключительно обладающих свойством интенционального, Гуссерль трактовал интенциональность в модусе переживаний, понимаемых в широком смысле в качестве актов «сознания чего-либо» [1, с. 111], являющихся аутентичными характеристиками сознания. Гуссерль пишет: «наш интерес, наша интенция, наш подразумевающий [предметность] акт (unser Vermeinen) – при достаточной широте все это чисто синонимические выражения – направлен исключительно на подразумеваемую в смыслопридающем акте вещь» [3, с. 50]. Таким образом, на первый взгляд, очевидно некоторое сходство в подходах к проблеме интенциональности в концепциях Brentano и Гуссерля. Гуссерлю импонирует разработанная Brentano дефиниция психических феноменов, но при более тщательном анализе гуссерлианского подхода обнаруживается, что специфика «интенциональных переживаний» заключается в том, что они по своей природе являются не психологическими переживаниями реального предмета, а *сущностными*, или переживаниями «чистых сущностей».

Обратим внимание на то, что аспект *сущностного переживания* будет являться исходным пунктом оригинальной концепции интенциональности в феноменологии Гуссерля, в которой предпринята попытка различения психических и сущностных переживаний. В этой связи Гуссерль, в сравнении с Brentano, более отчетливо обозначил специфику *интенциональной предметности*, проявляющейся в ее эмансипации от физической предметности. Это в свою очередь означало, что в процессе идеирования (то, что в современном языке можно условно назвать *мысленной работой*) интенциональная предметность позволяет сознанию оперировать данными восприятий уже независимо от физической предметности. Если психические (ментальные) переживания непосредственно ангажированы реальными предметами, то сущностные (интенциональные) переживания детерминированы более не столько самим реальным объектом, сколько его *сущностными* свойствами, такими, например, как «белизна» белого листа бумаги; «это белое есть неотделимо принадлежащее сущности конкретного восприятия – принадлежащее в качестве *реальной* конкретной составной» [3, с. 112]. В свою очередь, *содержание* самой сущностной *квалитативности*, («белизны», к примеру) воспринимаемого предмета есть, как писал Э. Гуссерль, «носитель интенциональности» [3, с. 112]. Следовательно, интенциональность есть *переживание сущностных* свойств вещи.

В связи с этим возникает вопрос об объекте интенциональных переживаний. Отвечая на него, Гуссерль предложил дифференцировать схватываемый и интенциональный объекты. Если для первого характерна локализация физическими (протяженными) характеристиками воспринимаемого, то для второго эта локализация не значима, поскольку сущностное свойство объекта лишено пространственной конфигурации. Следовательно, интенциональным объектом является *сущностное свойство* познаваемого; например, в оценивании, интенциональным объектом будет «ценность».

Связь между интенциональной предметностью и интенциональными переживаниями Гуссерль предложил понимать не как каузально-фактическую, а как сущностную; именно этот аспект и заключает в себе методологическое преимущество феноменологической трактовки интенциональности над эмпирико-пси-

хологистской трактовкой Brentano. В момент непосредственного восприятия конкретного предмета, будь то дерево, дом или письменный стол, восприятие данной предметности обусловлено множеством физических параметров (освещенность, угол обзора, расстояние и т.д.). В связи с тем что интенциональный предмет позволяет сознанию изменять его конфигурацию в бесконечных вариациях, проявлять интеллектуальное законотворчество независимо от физического прототипа, Гуссерль уделяет пристальное внимание таким понятиям, как иллюзия и фантазия. Касательно данной особенности феноменологически трактуемой интенциональности, Н. В. Мотрошилова подчеркивает, что для феноменологии важно следующее: «...наличие интенционального переживания какого-либо «имманентного» предмета совершенно независимо от того, существует ли и может ли существовать данный предмет реально» [8, с. 143]. Это в свою очередь связано с тем, как отмечал Г. Ланц, что Гуссерль, «...не обязательно понимает под предметом реальный объект; понятия «предмет» и «реальность» у него не совпадают; число «5» есть определенный предмет, отличающийся от нашего представления о «пяти»; всякое число можно суммировать, вычитать, логарифмировать, возводить в степень и т.д. Логарифмирование же нашего представления или понятия выглядит совершеннейшим абсурдом. Число есть математический, а не психологический предмет, следовательно, оно не может быть реальным объектом. Гуссерль понимает под «предметом» всё, что мы полагаем в акте суждения, представления, ощущения...» [5, с. 42].

Методологический замысел ранней феноменологии Гуссерля, апеллировавшего к идеально-логическим конструкциям (абсолютный логицизм), пытаясь экстрагировать из физической предметности идеальные структуры, объясняется стремлением к поиску более эффективного метода выявления и получения истинного (сущностного) знания. Гуссерль по этому поводу писал: «Коррелят нашего фактического опыта, именуемый “действительным миром”, – это особый случай многообразных возможных миров и немиров, а, со своей стороны, все те возможные миры и немiry – не что иное, как корреляты сущностно возможных вариантов идеи “постигающее в опыте сознание” [1, с. 144].

Более глубокий анализ проблематики интендированности сознания реализуется Гуссерлем во втором томе «Логических исследований». Это позволило автору значительно углубить разработку проблемы дистинкции физических явлений и *смыслопридающих актов* сознания. Согласно Гуссерлю, «если мы стоим на почве чистой дескрипции, то конкретный феномен наделенный смыслом выражения разделяется, с одной стороны, на физический феномен, в котором выражение конституируется в соответствии со своей физической стороной, а с другой стороны, на акты, которые придают ему значение и иногда созерцательную полноту и в которых конституируется отношение к выраженной в нем предметности» [3, с. 47]. Иначе говоря, формирование смысловых конструкций опосредованно, с одной в стороны, аутентичным бытием познаваемой вещи, что соответственно указывает на онтологические основания интенциональности, а с другой – бытием познающего субъекта, бытием сознания. В. И. Молчанов по этому поводу пишет: «специфика феноменологии состоит не в том, что Гуссерль постулирует интенциональность как направленность сознания на предметы; особенностью учения Гуссерля о сознании является то, что он описывает структуру интенциональности как структуру смыслообразования. Именно потому, что интенциональность – это процесс формирования и удержания смысла, сознание всегда содержит возможность рефлексии» [7, с. 90].

В этой связи можно предположить, что переплетение в интендированности переживания реального бытия вещи и бытия сознания (трансцендентального) означает, что процесс смыслоформирования основывается на «интербытийности» (термин – *Н. Г.*), т.е. *синтетическом* переплетении бытия вещей и бытия сознания. Следует добавить, что, несмотря на фундаментальные принципы и каноны традиционной или классической онтологии, понятие «бытие сознания» особенно явственно актуализируется в контексте концепций региональных онтологий, разрабатываемых в феноменологии Гуссерля и экзистенциальной феноменологии М. Хайдеггера.

Относительно трактовки Гуссерлем понятия интенциональности следует зафиксировать следующие существенные онтологические и методологические моменты: во-первых, интенциональность представляет собой исклю-

чительную в смыслопридающем акте направленность сознания на бытие вещей; во-вторых, на основании переплетения в акте познания бытия вещи и бытия сознания как результата взаимодействия реальной предметности и целенаправленной активности сознания – формируется интенциональная предметность; в-третьих, интенциональность выступает в качестве фундирующей характеристики *актуального cogito* в силу того, что интенциональность не столько направленность потока сознания, сколько направленное *переживание сущностной структуры* познаваемого. В этом, собственно, и выражена трансцендентальность сознания, что, в свою очередь, является важным нюансом применительно к фиксации проявления сущностных свойств сознания в феноменологии Гуссерля. Как пишет В. В. Калиниченко, «интенциональное представление-определение сознания это попытка изначально

синтетическая, попытка схватить феномен сознания как целостное образование, эйдос, как мета – или квази-предмет» [4, с. 120].

Область сущностного познания находится вне гносеологической компетентности психологического знания. Поэтому целенаправленное придание Гуссерлем понятию интенциональности *теоретико-познавательного* значения, свидетельствовало о тенденции к преодолению классической феноменологической философией ограниченности психологической методологии. Стратегия феноменологического исследования проблематики интенциональности имеет ярко выраженный теоретико-методологический аспект, что обусловлено стремлением Гуссерля «отсечь» эмпирико-психологический компонент из феноменологического анализа сущности познавательного процесса с целью создания непротиворечивой теории познания.

Литература

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова ; вступ. ст. В. А. Куренного. – М. : Академический проект, 2009. – 489 с.
2. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логики / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Э. А. Бернштейн ; под ред. С. Л. Франка. – М.: Академический Проект, 2011. – 253 с.
3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Э. Гуссерль ; перев. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 576 с.
4. Калиниченко, В. В. Заметки об интенциональности / В. В. Калиниченко // Логос. – 2007. – № 6. – С. 98–128.
5. Ланц, Г. Интенциональные предметы / Г. Ланц ; пер. В. Анашвили // Логос. – 1997. – № 9. – С. 42–53.
6. Липский, Б. И. Вещь как интенциональный объект / Б. И. Липский // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 14–23.
7. Молчанова, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – 456 с.
8. Мотрошилова, Н. В. Интенциональность в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 138–157.

References

1. Husserl, E. (2009), Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy: First Book [Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaja]; transl. with it. A. V. Mikhailov; introduction V.A. Kurennoy, Akademicheskii proekt, Moscow, p. 489.
2. Husserl, E. (2011), Logical Investigations. Vol. I: Prolegomena to Pure Logic [Logicheskie issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoi logiki]; transl. with it. E.A. Bernstein, ed. S. L. Frank. The new version of R. A. Gromov, Akademicheskii proekt, Moscow, p. 253.
3. Husserl, E. (2001), Collected Works. Vol. 3. Logical Investigations. Vol. II [Sobranie sochinenii. T. 3 (1). Logicheskie issledovaniya. T. II (1)]; introduction V.I. Molchanov, Gnozis, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, p. 576.
4. Kalinicheko, V. V. (2007) “Commentaries on intentionality” [Zametki ob intencional'nosti], Logos, No 6, pp. 98–128.

5. Lanz, H. (1997) "Intentional objects" [Intencional'nye predmety], Logos, No 9, pp. 42–53
  6. Lipsky, B. I. (2011) "Thing as intentional object" [Vesh' kak intencional'nyi ob'ekt], Problems of Philosophy, No 2, pp. 14–23.
  7. Molchanov, V. I. (2007) Research on Phenomenology of Consciousness [Issledovaniya po fenomenologii soznaniya], Territoriya budushego, Moscow, p. 456.
  8. Motroshilova, N. V. (2000) "Intentionality in "Logical Investigations" of Husserl" [Intencional'nost' v "Logicheskikh issledovaniyakh" Gusserlja] Problems of Philosophy, No 4, pp. 138–157.
-

УДК 123:171

А. М. Максимов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный аграрный университет»
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

И. А. Беляев, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: igorbelyaev@list.ru

О ПРАВСТВЕННОЙ МНОГОМЕРНОСТИ СВОБОДЫ

Статья посвящена исследованию свободы человека как нравственного феномена в его различных измерениях. Авторы исходят из представлений о том, что мир динамично меняется, противоречия в нём накапливаются, а имевшая место ранее относительная устойчивость его фрагментов утрачивается. Философское постижение этической составляющей свободы приносит людям новые возможности выбора и осознание степени ответственности за содеянное.

Раскрытием этических измерений свободы занимались многие философы. Жанр данной работы не предполагает анализа всех вариантов этического видения свободы, представленных в философской литературе. Обращённость к специально подобранным источникам позволяет, на взгляд авторов, построить такую панораму этической многомерности свободы, детали которой могут выступить ориентирами при осмыслении человеческих действий и мотивов их совершения.

Ключевые слова: Бог, мир, человек, нравственность, свобода, многомерность, рациональное, иррациональное.

Свобода для человека – это фундаментальная ценность, позволяющая ему сохранять свою целостность, индивидуальность и нерастворимость в надындивидуальных социальных реалиях. Она существенно влияет на процесс самоопределения человека и находится в неразрывной связи с его нравственными исканиями, которые обычно проверяются жизнью, практикой. Философские искания, направленные на раскрытие смысла нравственной составляющей свободы, в конечном счёте тоже ориентированы на реальную жизнь, так как расширяют круг имеющихся у человека возможностей выбора и повышают степень его ответственности за совершённые деяния. Это отчётливо прослеживается в современном мире, для которого характерны существенные мировоззренческие подвижки, сопряжённые с изменениями в сферах производства и управления. Мир в наши дни становится всё более многомерным и противоречивым. Присущие ему противоречия столь существенны, что вызывают нестабильность, последствия которой, как вполне резонно отмечает Р. Л. Лившиц, трудно предугадать [7]. Наибольшая концентрация противоречий обнаруживаются в точках непосредственного

соприкосновения человека с обществом, что порождает целый ряд проблем в реализации его свободы. Стоит заметить, что индивидуальная и социальная значимость интересующих нас нравственных составляющих этих проблем непрерывно возрастает.

Надо обратить внимание и на то, что свобода человека раскрывается во множестве измерений, которые более или менее гармонично дополняют друг друга. Измерения свободы, существующие в действительности, находят осмысление в концепциях философов, имеющих непохожие, порой взаимоисключающие мировоззренческие ориентации. Так, нравственные измерения свободы постигаются с точек зрения сформировавшихся либо на основе однозначного выбора исследователей между религиозной и атеистической альтернативами, либо на основе их попытки найти приемлемый для себя вариант сочетания веры в Бога и неверия в Него.

Анализ процессов, связанных с существованием различных общественных образований, свидетельствует о том, что сегодня, с одной стороны, благодаря демократизации отдельных сторон своей жизни люди получили более ши-

рокие возможности для обретения и реализации свободы самовыражения. С другой стороны, многие из наших современников утратили ранее актуальные социогенные ориентиры, не получив взамен новых. Отказавшись от «пут» неписанных законов прежнего общества, они томятся неприкаянностью и не могут обрести себя в пространстве вновь возникшей морали. Сложность разрешения ситуаций такого рода в значительной мере обусловлена тем, что свобода детерминируется не только внешними факторами, но и свойственными человеку внутренними нравственными началами. При этом чувственные формы самореализации человека порой плохо согласуются со сверхчувственными нравственными регулятивами.

Размышляя подобным образом о жизненных реалиях своей эпохи, И. Кант обратил внимание на то, что люди, преобразующие этот мир, творящие добро, совершающие свободные поступки, руководствуются не только стихийными влечениями, но и приобщёнными к Божественной воле мотивами разума. При этом они находят опору в вере, опираясь как на внешние материальные возможности, так и на моральный миропорядок, согласуемый с духом и буквой категорического императива. «Так как человек не может сам реализовать идею высшего блага, неразрывно соединённую с чисто моральным образом мыслей (не только со стороны относящегося к ней блаженства, но и со стороны необходимого объединения людей для общей цели), хотя действовать в этом направлении есть его долг, – то он, – согласно Канту, – находит для себя необходимой веру в содействие или в существование морального миродержца» [4, с. 212].

В жизни человек далеко не всегда поднимается до полного согласования всех своих действий и поступков с нравственным законом и Божественной волей. Чтобы реализовать в себе высшее начало, он должен проделать большую работу по гармонизации имманентного и трансцендентного. И в этом человеку может помочь религия, в частности – христианская, которую Кант считает моральной, способной побуждать к нравственным действиям непринудительным путём.

О том, что религия оказывает существенное влияние на формирование нравственных начал человека в тесной связи с его свободой, писали многие философы. Так, согласно П. Я. Ча-

адаеву, без обращения к Божественным идеям люди не смогли бы реализовать свою свободу [17]. Г. П. Федотов считает христианский идеал свободы настолько великим, что его нравственная составляющая оказывается независимой от господствующих социальных реалий [16]. Напротив, обращение к нему позволяет людям продуцировать высокие идеи. Именно христианский идеал, по мнению Федотова, лежит в основе идеи коммунизма.

Недосыгаемая высота христианского идеала многих наводит на мысль о том, что протекающие из него идеи далеки от жизненных реалий, что они уводят человека в мир иллюзорных ценностей. В действительности же всё обстоит совершенно иначе. Христианство во многом способствует органическому включению человека в мир. По замечанию В. С. Соловьёва, с которым трудно не согласиться, «в нравственном мире идеальная сила должна быть в известном отдалении от непосредственной жизни, чтобы тем могущественнее на неё действовать, чтобы тем скорее её повернуть и поднять. Только тот, кто свободен от мира, может действовать в пользу мира» [15, с. 228.].

Сущность христианского идеала Божественна. Находя своё отражение в жизни монахов-отшельников, этот идеал раскрывает в них способность поднимать на небывалую высоту человеческий дух. Ведя нелёгкую жизнь, усмиряя свою плоть, эти люди формируют образцы высоконравственного поведения для христиан. Смысл аскетизма, как неоднократно отмечали представители христианской культуры Немезий Эмесский [10], В. С. Соловьёв [15] и др., заключается вовсе не в ослаблении плоти, а в её преобразовании за счёт усиления духа. Человек, желающий вести подлинно христианскую жизнь, не должен лишать себя удовольствий. Его призвание – стремиться к тому, чтобы испытываемые им удовольствия не были вредны окружающим, никому не несли печали и не отвлекали людей от насущных дел. Преобразуя природную жизнь человека, аскетизм способствует его раскрепощению и освобождению, порождая в нём любовь как к самому себе и другим человеческим существам, так и к Богу.

Нравственная составляющая свободы человека осмысливается и проектируется в христианстве с помощью богатого категориального аппарата. Обращённость к категориям смирения, совести, ответственности свидетельству-

ет о том, сколь значима для христианина в его стремлении к свободе внутренняя душевная жизнь. Преломляя своё духовное начало через Божественную благодать, веря, надеясь и любя, человек начинает осознавать, что всё доброе и светлое в нём проистекает от Бога, что преодолеть свою греховность он может только посредством своей обращённости к Нему. Находясь в единстве с Богом, человек может ощущать себя свободным, способным совершать поступки, не испытывая воздействия извне. Есть все основания предполагать, что это не иллюзорная модель, созданная воображением богословов, а реальное отображение свободы человека, уверовавшего в свою непосредственную связь с Богом. Такая свобода помогает людям осознавать греховность, усмирять гордыню, спасает от опрометчивых решений и действий. Сразу возникает вопрос: «А может ли обладать нравственной свободой человек, опирающийся в своих действиях на силу разума?». Надо полагать, что христианин ответит на этот вопрос так: «Это возможно, если человек будет руководствоваться нравственными нормами, соответствующими как общепризнанным идеалам культуры, так и Божественной Истине».

Осмысление многомерность нравственной стороны свободы не является прерогативой тех, кто верит в Бога. В частности, атеистическая доминанта находит чёткое отражение в рассуждениях К. Маркса о «всеобщем» и «частном» применительно к человеку и его взаимоотношениям с другими людьми [8; 9]. Анализ идей, высказанных им и его единомышленником Ф. Энгельсом, помогает понять, что приоритет они отдают всеобщему. Тем не менее, согласно марксистскому учению, формирование морали происходит как на основе приоритета общечеловеческих интересов, так и с учётом интересов отдельного человека, без подавления его свободы. Более того, из содержания данного учения следует необходимость и неизбежность создания новой морали, которая станет плодом творчества свободных людей, обеспечивающего устранение материальных и социальных корней старой морали. Основываясь на силе разума, апеллируя к истории, основоположники марксизма стремятся показать, что свобода, выступающая мерой осваивающей и отчуждающей деятельности, формирует подвижные моральные рамки. Со-

стояние этих рамок зависит от многих факторов (экономических, правовых, социальных и др.) и преобразуется в соответствии с изменением характера их воздействия.

Маркс и Энгельс не приемлют христианской морали, критикуя её за уничтожение человека. Они, а вслед за ними и В. И. Ленин, демонстрируют глубокое убеждение в том, что христианская мораль основывается на культивировании человеческой слабости. Однако хотелось бы отметить, что данное обстоятельство вовсе не является безоговорочным свидетельством гуманистической направленности марксизма. Поднимая человека на небывалую высоту, делая его творцом и хозяином бытия, классики марксизма и их последователи как бы не замечают его разрушительной силы. Как в своё время справедливо отметил Н. А. Бердяев, они глубоко убеждены в том, что величайшее добро должно твориться за счёт величайшего зла [1].

Нравственная многомерность свободы находит отражение и во многих других философских учениях. Так, представители философии жизни С. Кьеркегор и Ф. Ницше были противниками нормативистской морали, стоящей над человеком. Ни тот, ни другой не сомневались, что человек в своём устремлении к свободе должен нравственные нормы выстрадать. Но если Кьеркегор полагал, что свободным и нравственным человек становится благодаря Богу, присутствующему в нём [5], то Ницше, отрицающий идею Бога, ратовал за переоценку всех ценностей и уничтожение существующей морали, мешающей укоренению новых, лучших норм [11]. Против подчинения свободы всеобщей норме выступает и Р. Штайнер, ищущий истоки свободы человека в присущем ему «Я» [19]. Согласно его концепции, любовь, сопряжённая с индивидуальной интуицией, способна сближать человека с интуитивно переживаемыми мировыми связями. О. Шпенглер также не приемлет мораль, основанную на принципе должного. Он предлагает ориентироваться на мораль античности, олицетворяющую культуру и противостоящую цивилизации [18].

Свобода человека парадоксальна во многих своих измерениях. Ж.-П. Сартр, размышлявший об этом [13; 14], отмечает, что человек, живущий в мире должного, обнаруживает несостоятельность идей гуманизма при попытке

ориентироваться на них при осуществлении свободного выбора. При этом он ощущает себя ничтожным, неприкаемым, потеряннным. Мгновения свободы, озаряющие тягостное существование человека, представляют собой то лучшее, на что ему следует рассчитывать в жизни.

С. А. Левицкий, подобно Сартру, полагает, что свобода не может быть продолжительной. Являя собой синтез бытия и небытия, она поглощается бытием и уводит человека к новым рубежам и открытиям. Имея истоки в сущем и онтологически предшествуя своим проявлениям, свобода помогает человеку ориентироваться в мире ценностей. Она зиждется на аксиологическом согласовании своего «Я» с «иным» и требует от человека самоотдачи, любви и добровольного принятия тех или иных детерминант, соответствующих логике мироздания. При этом автор обращает особое внимание на то, что массовая культура не может служить подлинным основанием свободы. Обладая творческим характером, свобода помогает людям понять безграничное богатство мира, его многообразия, не всегда объяснимое законами, выработанными человечеством. Согласно Левицкому, будучи вечно юной, «истинная свобода есть положительная, а не отрицательная свобода» [6, с. 249]. Однако, вполне резонно отдавая пальму первенства положительной свободе, «свободе для», автор, на наш взгляд, недооценивает отрицательную свободу, «свободу от», которая, будучи обусловленной любовью и самоотдачей человека, тоже приводит человека к высшим истинам. Более того, возможно, любовь даже выше свободы, о чём пишут, в частности, С. Н. Борисов и В. П. Римский [2].

Бахаи (сторонники одноимённой религии, особенности вероучения которого кратко охарактеризованы в статье Д. В. Пивоварова [12]), апеллируя к свободе, пытаются объединить человечество, сняв все барьеры между верой и разумом, религией и наукой. С их точки зрения, путь человека к нравственной свободе лежит через самоопределение без самовозвеличивания, что предполагает умеренность во всех жизненных проявлениях. Люди должны жить, руководствуясь золотым правилом нравственности и такими библейскими заповедями, как «не убей», «не укради», «не лжесвидетельствуй» и «не прелюбодействуй». Для обретения нравственной свободы необходимо также освобождение всех и каждого от разнообразных предрассудков и догматизма, являющегося побочным продуктом социально-исторического развития религиозных учений [20].

Проанализировав взаимоотношения свободы с нравственными основами жизни человека, мы пришли к мысли о том, что, несмотря на свою многомерность, она не даётся безнравственным людям. При этом мораль, как отмечает А. А. Гусейнов, «предшествует выбору, является его источником, основанием, тем началом, которое делает выбор возможным» [3, с. 210–211]. Философия же ориентирует каждого вовлечённого в свою орбиту человека на нравственные поиски, помогая ему обнаружить точки соприкосновения сущего и должного. Совершая по-настоящему свободный выбор, человек обретает возможность выявить в богатом многообразии мира жизнеобеспечивающие нравственные доминанты, примерить их на себя и научиться строить своё существование в соответствии с ними.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Марксизм и религия. Религия, как орудие господства и эксплуатации / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press; Варшава : Добро, 1929. – 48 с.
2. Борисов, С. Н. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире / С. Н. Борисов, В. П. Римский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – Т. 23. – № 2 (145). – С. 5–17.
3. Гусейнов, А. А. Ещё раз о свободе выбора и прикладной этике / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2011. – № 39. – С. 199–212.
4. Кант, И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 78–278.
5. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг / С. Кьеркегор. – Киев : AirLand, 1994. – 504 с.
6. Левицкий, С. А. Трагедия свободы / С. А. Левицкий. – М. : Канон, 1995. – 512 с.

7. Лившиц, Р. Л. Ответственность человека перед историей: против эскапизма / Р. Л. Лившиц // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 3 (27). – С. 180–184.
8. Маркс, К. Капитал : сочинения. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – 920 с.
9. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года : сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
10. Немезий, Эмесский. О природе человека // Немезий Эмесский. О природе человека / Немезий Эмесский. – М. : «Канон“1”» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 5–174.
11. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 631–692.
12. Пивоваров, Д. В. Вера Бахаи: учение о прогрессивном откровении / Д. В. Пивоваров // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 182–189.
13. Сартр, Ж.-П. Стена // Сартр, Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. – М.: Республика, 1994. – С. 297–312.
14. Сартр, Ж.-П. Тошнота // Сартр, Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. – М. : Республика, 1994. – С. 23–182.
15. Соловьев, В. С. Еврейство и христианский вопрос // Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. – М. : Правда, 1989. – Т. 1. – С. 206-256.
16. Федотов, Г. П. Социальное значение христианства / Г. П. Федотов. – Париж : YMCA-Press, 1933. – 34 с.
17. Чаадаев, П. Я. Философические письма (1829–1830) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. – М. : Наука, 1991. – Т. 1. – С. 320–440.
18. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1998. – 664 с.
19. Штайнер, Р. Философия свободы. Основные черты современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественно-научному методу / Р. Штайнер. – Калуга : Духовное познание, 1994. 250 с.
20. Этика в Вере Бахаи [Электронный ресурс]. – URL: <http://relig.info/article/etika-v-vere-bakhai>.

References

1. Berdyaev, N. (1929) “Marxism and religion. Religion as instrument of domination and exploitation” [Marksizm i religiya. Religiya, kak orudie gosподства i e'kspluatatsii]. – Paris: YMCA-Press; Warsaw : Welcome, p. 48.
2. Borisov, S. (2013) “Tertullian, media and transhumanism: ontology of freedom and anthropology of violence in post-secular world” [Tertullian, media i transgumanizm: ontologiya svobody' i antropologiya nasiliya v postsekulyarnom mire], Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right, V. 23, No 2 (145), pp. 5–17.
3. Guseinov, A. (2011) “Once again, freedom of choice and Applied Ethics” [Eshhyo raz o svobode vy'bora i prikladnoj e'tike], Sheets Applied Ethics, No 39, pp. 199–212.
4. Kant, I. (1980) “Religion within the Limits of Reason Alone” [Religiya v predelax tol'ko razuma]. – М. : Nauka, pp. 78–278.
5. Kierkegaard, S. (1994) “Pleasure and debt” [Naslazhdenie i dolg]. – Kiev: AirLand, p. 504.
6. Levitsky, S. (1995) “Tragedy of freedom” [Tragediya svobody]. – М. : Canon, p. 512.
7. Livshits, R. (2010) “Man's responsibility before history: against escapism” [Otvetsvennost' cheloveka pered istoriej: protiv e'skapizma], Social and Human Sciences in the Far East, No 3 (27), pp. 180–184.
8. Marx, K. (1960) “Capital” T. 1. [Kapital]. – М. : Politizdat, V. 23, p. 920.
9. Marx, K. “Economic and Philosophic Manuscripts of 1844” [E'konomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda]. – М. : Politizdat, 1974, V. 42, pp. 41–174.
10. Nemesius Emesa, (2011) “On Human Nature” [O prirode cheloveka]. – М. : “Canon "1”” РООИ “Rehabilitation”, pp. 5–174.
11. Nietzsche, F. (1996) “Antichrist. Curse of Christianity” [Proklyatie xristianstvu]. – М. : Thought, T. 2, pp. 631–692.

-
12. Brewers, D. (2010) "Baha'i Faith: the doctrine of progressive revelation" [Vera Baxai: uchenie o progressivnom otkrovenii], State religion, the Church in Russia and abroad. No 1, pp. 182–189.
  13. Sartre, J.-P. (1994) "Wall" [Stena], Selected Works. – M. : Republic, pp. 297–312.
  14. Sartre, J.-P. (1994) "Nausea" [Toshnota], Selected Works. – M. : Republic, pp. 23–182.
  15. Soloviev, V. (1989) "Jewish and Christian issue [Evrejstvo i xristianskij vopros]", Works in 2 volumes. – M. : True, V. 1, pp. 206–256.
  16. Fedotov, G. (1933) Social significance of Christianity" [Social'noe znachenie xristianstva]. – Paris : YMCA-Press, p. 34.
  17. Chaadayev, P. (1991) "Philosophical Letters (1829-1830)" [Filosoficheskie pis'ma (1829–1830)], Complete Works and Selected Letters: 2 V. – M. : Nauka, T. 1, pp. 320–440.
  18. Spengler, O. (1998) "Decline of the West. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality" [Zakat Evropy'. Ocherki morfologii mirovoj istorii]. – M. : Mysl', p. 664.
  19. Steiner, R. (1994) "The Philosophy of Freedom. The main features of the modern world. Results mental observations on the natural scientific method" [Filosofiya svobody'. Osnovny'e cherty' sovremennogo mirovozzreniya. Rezul'taty' dushevny'x nablyudenij po estestvenno-nauchnomu metodu]. – Kaluga : Spiritual knowledge, pp. 250.
  20. Ethics in the Baha'i Faith [E'tika v Vere Baxai]. – available at: <http://relig.info/article/etika-v-vere-bakhai>.
-

УДК 123.1

А. В. Молчанов, преподаватель кафедры философии науки и социологии
«Оренбургский государственный университет»
e-mail: Molchanov.arkadiy@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ТРАДИЦИЯХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ПЕРСОНАЛИЗМА

В статье рассматривается проблема одиночества в экзистенциализме и персонализме. Анализ концептуального развития проблемы одиночества показал, что в экзистенциализме и персонализме главной проблемой оказывается сам человек, его внутренний мир вне мира в целом. Человек обречен на свободный выбор в этом мире, абсолютный выбор «или-или», продиктованный внутренней необходимостью самой личности, сохраняющей ее внутреннюю целостность. Открытие субъективной реальности, ее осмысление и изучение продуцировали содержательность и наполняемость философской дефиниции «одиночества» и освоение сути круга проблем, связанных с феноменом одиночества. Окончательные сдвиги философской мысли в XX веке от бытия к сознанию, и от сознания как особой формы бытия к субстанциональности субъекта и его личностно-экзистенциальной данности в бытии (экзистенциализм и персонализм) привели к осознанию актуальности и фиксации сути проблемы одиночества.

Ключевые слова: одиночество, отчуждение, экзистенция, сущее, loneliness, alienation, existence, being.

Было бы правильно и логично начать характеристику проблемы одиночества в экзистенциализме и персонализме с предтечи этих двух ведущих философских направлений XX века с С. Кьеркегора. Он был не только одним из первых, кто уловил вектор разворачивания философской рефлексии в сторону бытия человека, но и был одним из первых критиков классических метафизических систем, в особенности гегелевского панлогизма. «Кьеркегор, в отличие от Гегеля, переносит центр мироздания в человека, в человеческую душу, делая ее ареной всех самых жестких и самых беспощадных сражений. Он как бы перевертывает существовавшие до сих пор взгляды на вселенную: макрокосмос становится микрокосмосом, а микрокосмос – макрокосмосом» [2, с. 31].

Главной проблемой оказывается сам человек, который не осознавал это столько тысячелетий. Изучая мир, на самом деле, он изучал, прежде всего, себя. Для Кьеркегора важен внутренний мир человека, но не как индивидуума – представителя человеческого рода, а как личности – как уникального и неповторимого духовного и нравственного способа бытия в мире. «Кьеркегор стремится обратить внимание человека не на внешнее, пусть даже и в какой-то степени важные и знаменательные события, а на самого себя, на свой внутренний

мир, на то, что определяет его как личность – на внутренний выбор самого себя, своей собственнo человеческой сущности, чтобы быть и всегда оставаться самим собой» [2, с. 30].

Все внешнее противостоит личности, отчуждает его от самого себя, ведет к разрушению целостности и гармонии личности. Внутренний мир личности у Кьеркегора выглядит замкнутым, закрытым миром, ведущим к одиночеству среди принципиально не размыкаемых, на себе сконцентрированных миров. Интенсивность внутренней жизни, зависящая от абсолютно-го выбора «или-или», должна определять личность в этом мире, а не внешний мир, который подчас абсурден. Каждой личности «действительно предстоит выбор: или-или, что отнюдь не безразлично, как употребит человек свою молодость. Ты понял бы также, что главная задача человека не в обогащении своего ума различными познаниями, но в воспитании и совершенствовании своей личности, своего «я»» [5, с. 232–333]. Именно абсолютность этого выбора, по Кьеркегору, и оставляет человека *одиноким, вне истории, вне всякой социальности, вне мира в целом*. «Внутренняя, душевная жизнь принадлежит ему одному, и никакая всемирная история вообще не должна касаться этой области, составляющей на радость или на горе его вечную и неотъемлемую собственность. В

этой-то именно области и царствует абсолютное или-или, но ею-то как раз философия и не занимается» [5, с. 249–250].

Философская позиция Кьеркегора сводится к тому, чтобы философская рефлексия в центр своего внимания поставила мир человека, и все проблемы, которые связаны с его существованием, в частности проблему одиночества. Именно его существование является корнем проблемы одиночества и выбора «или-или», который совершает человек в соответствии со своим внутренним долгом. Для Кьеркегора все эти экзистенциальные характеристики человека замыкают его в фатальность одиночества. Одиночество, с его точки зрения, есть этическая потребность личности, выступающая как индикатор нравственной жизни человека, которая со временем приходит к необходимости замкнуться в себе, с целью вырваться из бессмысленной и безнравственной необходимости. В таком состоянии личность предстает как отдельный, независимый мир духовного самосознания.

Разорвать человеку фатальность своего существования в объективном мире, трансцендировать за его границы и обнаружить свое подлинное «Я», может помочь ему только обретение веры, преодолевающее отчаяние, охватывающее человека в его земном существовании. Предназначение человека состоит в открытии Бога. Именно открыв для себя Бога, человек становится подлинной экзистенцией, которая в своем единении с Богом переживает свое одинокое существование. Только обрета Бога как цель своих устремлений, человека может стать как личность, т.е. открыть свое подлинное «Я».

Человек, по Кьеркегору, *обречен на свободный выбор* в этом мире, этот выбор не массовый шаблон, или выбор «серости» (по Ф. Ницше), а выбор, продиктованный внутренней необходимостью самой личности, сохраняющей ее внутреннюю целостность. Именно эта обреченность на свободный выбор, обуславливаемая временностью и конечностью экзистенции, позволяет ей подняться от эстетически поверхностного восприятия мира вещей и себя в нем через этическую стадию своего существования до религиозной стадии, в которой преодолеваются все границы земного существования (необходимость) и открывается реальность человека «как реальность *Отдельного, Единичного* перед Богом» [4, с. 425].

Абсолютный выбор «или-или», перед которым оказывается каждый человек, может замкнуть и обособить человека окончательно от мира и общества, оставив его в своем изначально бытийном одиночестве или сделать человека тем, «что он не есть» (Ж.-П. Сартр).

Окружающий мир (повседневность) истолковываются экзистенциалистами как нечто неизменное, застывшее, ужасающее и чуждое, что уводит человека от его подлинной и реальной сущности, где именно можно чувствовать себя не вещью, а человеком как особым бытием (экзистенцией). Уход от повседневности связан с изолированием и целенаправленным противопоставлением миру и другим людям (массе), для того чтобы обрести настоящий «дом». Таким «домом» для К. Ясперса является искусство, позволяющее выйти к подлинному бытию, к трансценденции (Богу). Одиночество неотъемлемое условие у Ясперса для трансцендирования к истинному бытию или к свободе.

Однако Ясперс подчеркивает, что «изолированное или изолирующее себя самобытие остается простой возможностью или превращается в ничто» [1, с. 302]. Но это экзистенциальная коммуникация у Ясперса неживое, открытое общение между людьми, основанное на доверии. Напротив, это связь ненастоящая, лишенная искренности и социальной основы, объединенная только общим пониманием и восприятием себя и других как свободных и независимых экзистенций. Поэтому экзистенция всегда одна в мире, и ее присутствие и нахождение в группе или коллективе формально и бессодержательно.

Одиночество как особый способ существования в мире и социуме было ярко представлено в литературном труде Ж.-П. Сартра «Тошнота», в котором можно обнаружить предельную глубину его философской мысли. Именно в этом романе главный герой выглядит среди всех и всего индивидом, растворенным в объектности бытия, но чувствует «тошноту» как онтологический образ того, что все его окружающее поддельное и фальшивое, в котором он растворяется и исчезает. «На самом деле свойство самости в том и состоит, что человек отделен от себя самого *всей широтой бытия, которое не есть он*» [6, с. 55].

«Тошнота» – это реакция на окружающих людей, на мир и на общественную систему, пытающихся обезличить его, лишить его пра-

ва быть свободным, права на внесения в этот мир Ничто, которое существует в его бытии и приходит в этот мир через бытие экзистенции, постоянно отрицающей свое настоящее «есть», во благо того, кем он может быть. В таком контексте всегда отрицается прошлое и настоящее. «Человек представляется, следовательно по крайней мере в этом случае, бытием, которое осуществляет возникновение Ничто в мире, поскольку он сам поражен небытием с этой целью» [6, с. 61]. У свободной экзистенции есть только одинокое будущее.

«Тошнота» – это также и пробуждение (открытие) себя как экзистенции, сигнал выхода из окружающей системности и объективности. Это могут быть как крайне негативные средства (самоубийство или убийства себе подобных) или более умеренные меры (одиночество). Последнее может, кстати, быть условием деструктивных форм (самоубийства или разрушения). Поэтому свобода выбора в своей отрицающей силе приводят в конечном итоге Сартра к выводу, что человек, обреченный на абсолютную свободу, находится чаще всего в «состоянии «нечистой совести», всеобщего отчуждения и декаданса» [2, с. 208]. В свою очередь это не отрицает возможности обнаружения подлинной нравственной основы поведения человека, но это возможно в одном случае – в случае осознания человеком трагичности своего существования, заключающегося в принятии свободы как своего бремени. Иными словами, необходимо осознать ответственность за свой выбор, так как свобода – это не «не лакомый подарок, вроде коробки дорогих конфет. О нет! Совсем наоборот – это повинность, изнурительный бег, сколько хватит сил, и *притом в одиночку*» [3, с. 447].

Таким образом, в экзистенциальной позиции Сартра обреченность на абсолютную свободу приводит к конфликтности носителя свободы с окружающими устойчивыми, неизменными, детерминированными системами природы и общества, в которые заброшена экзистенция. Одиночество является неотъемлемым спутником экзистенции и фундаментальной характеристикой ее существования. В противовес всеобщности и шаблонности, человек как экзистенция должен проявляться через одиночество как глубинное свое основание и фундаментальный экзистенциал, открывающий возможность свободного выбора, сохранения своей идентичности, пер-

сональности, самобытности и противопоставления себя миру. Вследствие чего человек как экзистенция всегда находится в вечной ситуации конфликтности с миром и обществом и ответственен за свой абсолютный выбор в ситуациях «или-или» (пограничные ситуации), где открывается настоящий, аутентичный смысл его «бытия-в-самом-себе», что делает его *бытийно одиноким*.

Особое внимание стоит обратить на концептуальное видение проблемы одиночества в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, которая выстраивается на основе феноменологического подхода. В отличие от феноменологического подхода Э. Гуссерля, направленного на выявление формообразующих и основополагающих структур единичного и независимого сознания личности, феноменология М. Хайдеггера пытается интенцировать к самому бытию посредством «заботы» как устремления Dasein быть самим собой, то есть к тому, что априорно и структурно предшествует сущему. Сущее, по мысли Хайдеггера, фигурирует как «усредненность» (Man).

Само бытие, по Хайдеггеру, должно быть выявлено как предельность всех устремлений философского вопрошания. В связи с этим главным требованием хайдеггеровского подхода является не выявление одиночества как проблемы человека как сущего, а одиночества как особой данности в бытии, особой «выдвинутой» в бытие, как экзистенциально бытийствующего феномена. Если учесть, что феномен, в понимании М. Хайдеггера, означает то, что «само-по-себе-кажущее, очевидное, т.е. "феномены" суть тогда совокупность того, что лежит на свету или может быть выведено на свет...» [7, с. 28].

Такая предельная задача предполагает, что «онтология возможна только как феноменология» [7, с. 35], и феномен одиночества должен рассмотреть не через его различные проявления в социальной, психологической или антропологической действительности, а сам по себе как чистый феномен бытия, т.е. чтобы ничего в этом феномене не осталось скрыто и было предельно ясно для самого «Dasein». Под «Dasein» Хайдеггер понимает *особое сущее, отличающееся от других сущих своим отношением к способному открыться в нем бытию*, которое им же в самом себе переживается и осмысливается, получая воплощение в смысле и речи.

Иными словами, человек – это существо, являющееся единственным настоящим субъектом в мире. «Отныне быть субъектом – это привилегия человека, эта его самая важная характеристика как мыслящего и представляющего существа. Человек отныне не просто мера всех вещей, а человек как субъект *cogitatio*, то есть он сам делает себя тем, кто задает меру всех мер, кто определяет, что считать достоверным, истинным и сущим» [2, с. 74].

Одиночество, по Хайдеггеру, требует своего адекватного осмысления из себя самого, а не из человека или в человеке. Узость такого классического взгляда убеждает Хайдеггера, что так можно выявить и понять только различные проявления (данность в сущем) бытия одиночества, но не его самого. А в такой ситуации все проявления необходимо свести к одной точке – к бытию самого одиночества, одиночества как такового.

Феменологическое выявление античности одиночества, по замыслу Хайдеггера, во-первых, даст возможность раскрыться бытию человека в нем самом и через себя самого и установить определенные отношения между бытием и человеком. Во-вторых, такой подход позволит разграничить одиночество как проблему, связанную с человеком как сущим в бытие-в-мире (относительное бытие) от самого одиночества как подлинного и аутентичного бытия *Dasein* (абсолютное одиночество). В-третьих, такая постановка проблемы в фундаментальной онтологии позволяет выявить базовые онтологические «исходники» одиночества и установить первопричину в самом бытии экзистенции.

Экзистенциализм, обозначивший новые подходы к переосмыслению проблем человека, стал истоком многих антропологических направлений XX-го века, исключением не был и персонализм («личностная философия»). Главными его представителями по праву можно считать Н. А. Бердяева и Э. Мунье, в центре исследования которых были проблемы личности и ее универсального развития. Русский философ считал, что личность раскрывается исключительно через творческие акты, в которых выступает его неподдельное «Я». Но творческий акт изолирует человека, оставляет его в одиночестве, это гарант его свободы и отрыва от готовых шаблонных ролей, заготовленных ему общественной структурой. Именно это система социальных ролей, по утверждению Н. А. Бердяева,

предопределяет будущую трансформацию «Я» в Другое «Я». В переводе хайдеггеровской феноменологии на социальный язык это выглядело бы как усреднение *Dasein* в растворении в *Man*, который в переводе В. Бибихина означает как «люди». Только творчество в одиночестве способно сохранить подлинные границы «Я» и преодолеть границы чуждого и бессмысленного мира, делающего существование человека не нужным.

Одиночество в персоналистской философии Мунье коррелируют с понятиями «вовлеченность» и «трансцендирование». Одиночество выступает как неотъемлемое условие бытия личности, обуславливающее «вовлеченность» личности в мир, ее активную, осмысленную и ответственную позицию с целью сохранения своей персональной целостности. Выбор личности в акте самоопределения личности («трансцендирование») происходит в ситуации заброшенности и сопричастности ко всему окружающему, происходит с опорой не только на себя, на нравственную необходимость внутри себя, но и с опорой на Абсолют, задающему ценностные ориентиры личности. Однако возможность выбора ставит каждую личность в условия одиночества и фатальной ответственности.

Таким образом, экзистенциализм окончательно снял последние онтологические рубежи, которые обеспечивали единство человека с космосом, природой, социумом, человеческим родом, обосновав заброшенность человеческого бытия и чуждость всего того, что его окружает, актуализировав тем самым проблему одиночества. Сделанный мировоззренческий шаг экзистенциальной философией сделал одиночество – главной и центральной темой, обсуждаемой как в XX-ом веке, так и настоящем, XXI-ом столетии.

В целом анализ концептуального развития проблемы одиночества показал, что теоретическое осознание одиночества во всей ее полноте как проблемы зависело от уровня развития самосознания человека и освоения философской мысли субъективной реальности. Открытие субъективной реальности, дальнейшее всестороннее ее осмысление и изучение продуцировали содержательность и наполняемость философской дефиниции «одиночества» и освоение сути круга проблем, связанных с феноменом одиночества. И только окончательные, титани-

ческие сдвиги философской мысли в XX веке от бытия к сознанию и от сознания как особой формы бытия к субстанциональности субъекта и его личностно-экзистенциальной данности в бытии (экзистенциализм и персонализм) при-

вели к четкому и ясному осознанию актуальности и фиксированию сути проблемы одиночества. Только тогда ей было отведено достойное место в череде социально-гуманитарных и культурных проблем нашего времени.

Литература

1. Гайденко, П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – М. : Республика, 1997. – 495 с.
2. Долгов, К. М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века / К. М. Долгов – М. : Искусство, 1990. – 399 с.
3. Камю, А. Падение / А. Камю. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 800 с.
4. Кьеркегор, С. Болезнь к смерти / С. Кьеркегор. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 256 с.
5. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг (3-е изд.) / С. Кьеркегор. – Киев : AirLand, 1994. – 504 с.
6. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
7. Хайдеггер, М. Бытие и время : пер. В. Бибихин / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 451 с.

References

1. Gaidenko, P. *Breakthrough to transcendental: new ontology of the twentieth century [Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka]*, Respublika, Moscow, pp. 495.
2. Dolgov, K. *From Kierkegaard to Camus: Essays on European philosophical and aesthetic thought of the XX century [Ot K'yerkegora do Kamyu: Ocherki evropeyskoy filosofsko-esteticheskoy mysli XX veka]*, Iskusstvo, Moscow, pp. 399.
3. Camus, A. *The Fall [Padenie]*, Alphabet-classics, SPb. pp. 800.
4. Kierkegaard, S. *Sickness to death [Bolezn' k smerti]*, Izd-vo polit. Literature, Moscow, pp. 256.
5. Kierkegaard, S. *Purpose and duty. (3rd ed.) [Naslazhdenie i dolg (3-e izd.)]*, AirLand, Kiev, pp. 504.
6. Sartre, J. *Being and nothingness: a phenomenological Experience of the ontology [Bytie i ничто: Opyt fenomenologicheskoy ontologii]*, Respublika, Moscow, pp. 639.
7. Heidegger, M. *Being and time. Translation V. Bibikhin [Bytie i vremya. Perevod V. Bibikhin]*, "Publishing House" Ad Marginem, Moscow, pp. 451.

УДК 94:572.9

С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Уральский государственный аграрный университет
e-mail: Nekrasov-ural@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ РОССИИ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИУМА

Научная культура и создание новой картины мира будет главным условием для победы в боях цивилизаций XXI века за будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения, с ее универсальными гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, которые породили проект архаичного фашизма. Западная наука об обществе отражает такой тип общества, в котором четко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки изучать докапиталистические, антикапиталистические, социалистические социумы? В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые довольно успешно обеспечивали их динамику и конкурентоспособность. Поскольку великие державы и великие глобальные социумы строились на великих идеях, то возникает вопрос – какова может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию? Эта идея требует создания новых наук для обеспечения перехода к новому мироустройству, который следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу. Новое общество строится на неоиндустриальной базе и Россия как страна-мессия проекта русского Сверхмодерна призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от природных сил и социальных стихийных сил, ведущих к регрессу и фашизму.

Ключевые слова: евразийский социум; интеграционная научная модель; неоиндустриальная модернизация; новая гуманитарная наука.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, то нам нужна наука и научная культура, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных модернизационных или восточных традиционалистских схем. Также нужно своё обществоведение, а точнее – нужны социальные системологии повседневности для каждой крупной исторической системы. В перспективе для каждой системы должны быть созданы свой понятийный аппарат, особый набор дисциплин, свой язык. Как показывал А. А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма – науки о Западе. Именно поэтому его книги о Западе как неангажированный взгляд на западную повседневность изнутри как на «западнизм» оказались востребованы на Западе, несмотря на их шокирующие названия и неологизмы: «глобальное (западнистское) сверхобщество», «глобальный человек»,

«западнизм», «западоиды», «западнистские клеточки», «идеосфера западнизма», «денежный тоталитаризм» [4]. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм – науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. И сегодня перед нами в России возникла необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад в эпоху становления модерна и как это осуществил К. Маркс в «Капитале», а позднее В. И. Ленин в царской России.

Необходимость формирования новых наук об обществе

Научная культура и создание новой картины мира станет главным условием победы конкурирующих цивилизаций в битвах XXI в. за общее посткапиталистическое будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с её универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма. Вместе с эпохой Просвещения исчезают модерн, капитализм, сам библейский тол-

по-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет. Классическое понимание религии как связи человека с Богом оставляет за пределами понимания изменяющийся в различных цивилизациях характер Абсолюта. Но сакральность – главный признак всякой религии и соответствующей ей политической культуры как поклонения Абсолюта. Проблема модернизации России в условиях конкуренции мировых культур может быть теоретически поставлена, если опираться на расширенное понимание В. С. Соловьевым религии как связи с абсолютным. Это позволит на практике интегрировать научную веру и религиозную веру, конфессии и политическую культуру нашей Родины в качестве ценностей нового осевого времени всего человечества. Зафиксированное Д. В. Пивоваровым деление связи с Абсолютом на связь с космосом, с социальностью, эгоцентрические религии индивидуального поклонения позволяет интегрировать религии и конфессии в более широкой исторической рамке русской цивилизации [10].

Очевидно, что в традиционных обществах интерактивные формы и инновационные технологии не нужны ни при изучении научного коммунизма или бахаизма, ни маоизма и даосизма, ни чучхе и евразийства – список можно продолжить. Все перечисленные идеологии уникальны, ибо не являются классическими религиями и консолидируют традиционное общество именно как идеологии. В западной цивилизации идеологии сформировались поздно, по сути в XIX в., и развивались на базе крушения космоцентрических религиозных конструкций, то есть при модернизации общества. Понятно, что инновационные технологии развития социума и интерактивные формы обучения инновациям востребованы в первую очередь при переходе сознания к рыночной рациональности, которая выступает одной из множества интерпретаций мотивов поведения индивидов. И когда чиновники РФ пытаются представить образовательную систему как «рыночную услугу», они при помощи новых форм обучения строят в нашей стране чисто западный образ человека – Homo Economicus. Существует и классификация типов индивидуального поведения при модернизации сверху (по Э. Роджерсу): новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство, отстающие. В

сущности в этих терминах можно описывать механизм «цветных революций», инспирированных извне [11]. Данная ситуация переориентации личностей на новые ценности отражает взаимоотношения между так называемыми мирами в современном глобальном мире. Всего выделяется семь миров, или институциональных подсистем: рыночный мир, индустриальный мир, традиционный мир, гражданский мир, мир общественного мнения, экологический мир, мир вдохновения и творческой деятельности. Каждый из них может быть классифицирован по особому источнику информации. В евразийской цивилизации эти миры перемещены, причём лидируют нерыночные ценности [9]. Поскольку в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 20 лет внедряют систему западного рыночного мира, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Преподаваемые сегодня в вузах науки об обществе возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания другим группам [6]. Они возникли как единая гуманитарная технология, с помощью которой господствующие в XIX–XX вв. группы могли объяснять мир и подавлять все остальные точки зрения как донаучные. Социальные науки западного образца эпохи модерна как гуманитарные технологии власти в их англосаксонском виде, закреплённом в структуре УМКД, возникали благодаря практическим нуждам: необходимости анализа рынка, создания новых институтов, потребности объяснять и контролировать негативные процессы.

Все эти концепции построены на формально отсутствующей идеологии марксизма, когда в мире победила новая версия марксизма на базе либерализма (потребительский капитализм) над его старой версией, при которой надо было в рамках социализма ждать наступления мифического коммунизма. С. С. Царегородцев пишет: «Ключевой момент современного (капиталистического) варианта марксизма в том, что для удовлетворения своих потребностей и реализации «красивой» жизни человеку не нужно ждать наступления мифического коммунизма, а можно достичь всего здесь и сейчас... Вместо лозунгов и призывов строить коммунистическое общество, идеологи капитализма обращаются непосредственно к животным

проявлениям природы человека. В точном соответствии с базовыми положениями марксизма это пропаганда культа потребления, денег, отдыха, войны всех против всех» [14].

Поскольку великие державы и глобальные социумы всегда строились на великих идеях, то возникает вопрос – какова может быть великая идея России в условиях действующего конституционного запрета на единую государственную идеологию? Политтехнолог О. А. Матвейчев замечает, что именно «коммунизм обращался ко всем на Земле с идеей справедливости. Либерализм – с идеей свободы. Великими становились те нации, которые не навязывали свою национальную специфику и не говорили всем о своих прагматических интересах, а те, кто давал миру некий всеобщий принцип» [7]. Все сказанное означает, что та национальная философия, которая поднимется над своим национализмом, сделает великой и свою нацию, которая встанет во главе мировых процессов. Любопытно, что все мировое развитие и футурологическое прогнозирование указывает на Россию, которая в результате разрушительной деятельности либерал-реформаторов находится в состоянии абсолютного постиндустриального общества, а потому обладает наибольшими возможностями к неоиндустриальному прорыву в будущее [7].

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая, социальная и политическая сферы. Это индустриальное общество «второй волны», в котором власть отделена от собственности, религия – от политики. Естественно возникает вопрос: как можно с помощью такой науки – слепка с классического буржуазного общества – с её мультикультуральными дисциплинами, методами и понятиями изучать не буржуазные, не капиталистические социумы? Речь идёт в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть целостность, где, как в России, по словам А. С. Пушкина, единственный европеец – это правительство. В таких обществах в XX в. развивались собственные науки, которые успешно обеспечивали динамику и конкурентоспособность таких обществ. Так, в Советском Союзе сформировались оправдавшие себя в управлении массами культурно-идеоло-

гические конструкции: диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм; в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI в. в Северной Корее торжествует неконсьюмеристская идеология чучхе, в КНР – контркоррупционные технологии маоизма, в Венесуэле – идеи просвещённого боливаризма, в Чили вернулись к власти сторонники С. Альенде и идеи обновлённого социализма. Все эти технологии носят мессианский народный характер и имеют глубокие научные корни. Если не учитывать эти корни, то остаётся лишь восклицать, как это делал на теледебатах директор Института истории России А. Н. Сахаров: «Я верю в мистическую силу русской равнины». Но чем это отличается от ведущего тезиса программы гитлеровской НСДАП «Мы верим в силу колосющихся полей пшеницы, в труд крестьянина»?!

Западная наука и кризис постмодерна

Западная наука нашего времени как идеология модернизации отсталых обществ и технология формирования постиндустриального общества не пригодна для понимания жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин «капитализм», но, говоря о рыночной экономике, подразумевает капитализм западного типа. Этот капитализм является иллюзией контроля среды и мира. Р. Е. Нисбет утверждает, что «мир западников не столь контролируем, как это предполагается. Эллен Лангер описывает «иллюзию контроля», которую она определяет как веру в то, что личный успех значительно больше, чем его объективное измерение. Иллюзия в ряде случаев может быть полезной вещью, но не более» [15]. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества, к обществам не буржуазным лишь искажает реальность последних, превращает их в негативный слепок западного общества, записывает в разряд туземных обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики приводит к катастрофическим последствиям

вроде подписания в 2014 г. договора ЕС как цивилизованного сообщества и объявленной недоразвитой («развивающейся») Украины как протектората ЕС.

Аналогичным образом в трагической истории перестройки и ельцинского режима обстоит дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970-х гг. в ходе утраты культурного суверенитета мы в СССР получили ряд бесперспективных наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социологию советского общества», «политологию советской элиты». По ту сторону «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук и не в терминах академической социологии, но при помощи практических технологий советологии, кремленологии, руморологии. Именно поэтому генералами-победителями в войне с СССР 1946–1992 гг. были объявлены социологи и советологи. Генералами-победителями в этой войне, как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США, были женщины-социологи, советологи, и именно они после парада Победы в Вашингтоне были награждены постами и медалями за победу в войне.

В перестройку возникла тенденция к сглаживанию противоречий между основными подходами к изучению общественных изменений: цивилизационным, формационным и модернизационным. В условиях реформирования российского общества стремление к повышению качества жизни стало признаваться как глобальный процесс модернизации, присутствующий во всех обществах. Но встали вопросы о направлении модернизации. Возможна либеральная «модернизация вдогонку», где модернизация увязывается с десталинизацией, как это было на пике требований гражданского общества в 2010 г. Возможна опережающая петровско-сталинская мобилизационная модернизация, результативна адаптивная госмодернизация в духе Ф. Д. Рузвельта и Ш. де Голля, и, наконец, разрушительной силой обладает диверсионно-конверсионная модернизация М. С. Горбачева.

Сегодня существуют несколько мир-систем на планете, и все они обладают собственными культурными технологиями формирования традиционного образа жизни, а потому требуют для понимания в системе русского евразий-

ского сознания обучения переходным программам-трансформерам. В случае непонимания специфики систем можно утратить собственную систему ценностей, запустить в неё чужие программные коды под видом гуманитарных технологий. В середине 1980-х гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» не хватает двух-трёх социальных характеристик. М. С. Горбачев по их совету попытался добавить в наш социум нужные характеристики: «права человека», «демократию», «рыночные реформы». Эти характеристики ограничили закон о кооперации, привели к разрушению системы управления предприятиями, к отмене монополии внешней торговли, уничтожению Госплана и Госнаба. Напротив, как показывает Т. Харфорд, Китаю удалось удержать промышленный сектор под контролем планировщиков из Госплана, что позволило плавно перейти от маоистской утопии к современному обществу, экономика которого в истекшем году стала первой в мире [16].

В сегодняшнем мире, для которого характерен кризис классического проекта модерна эпохи Просвещения, возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов: реализованный проект постмодерна (Запад), реализующийся западными державами в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс проект контрмодерна, развивающийся региональный модерн на Дальнем Востоке и в Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с её евразийскими союзниками по БРИКС и ШОС остаётся возможность вписаться в один из проектов. Или же ей следует реализовать «русский сверхмодерн» по аналогии с рывком, совершённым Советской Россией в 1930 гг. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного традиционного социума и разработки своих гуманитарных технологий использования российской повседневности, типы которой описаны в классической русской литературе.

Россия даст миру мир и неоиндустриализм

Нам в системе науки и высшего образования нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также переходная интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти

науки. Именно они нуждаются в эпоху отечественного неоиндустриализма в инновационных технологиях и формах обучения. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку и использовать её в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. Такое оружие политической элите России понадобилось в 2012–2013 гг., когда возникла необходимость обретения полноты суверенитета России и выборе пути развития страны. А. И. Фурсов пишет: «перед нами три различных кризиса: системный формационный; системный формационно-цивилизационный... и системный социобиосферный» [12]. Наиболее перспективной для выхода из «смутного кризиса» является евразийская цивилизация с неоиндустриальным вектором развития на исторической территории русского народа, она является эмбрионом глобального сверхобщества, формирующегося на планете Земля и в освоенном человечеством космическом пространстве.

Советская индустриализация спасла мир от фашизма, создала СССР, оформила первую историческую версию социализма. Однако новая советская интеллигенция не стала выполнять функции органического интеллектуала рабочих и крестьян и предпочла предать свой народ, из которого она вышла. В отличие от простых диссидентов, предпочитавших все просто отрицать, интеллектуальные инакомыслящие предпочитали создавать альтернативные концепции. Так, С. Г. Кара-Мурза рассказывает о возникновении в 1952 г. Московского методологического кружка, основатели которого создавали почву для будущей контрреволюции, которая потом открыто развернется [5]. Нам вновь следует стать умными детьми социализма, т.е. взрослыми людьми в отношении тиражируемых мифов конца предыстории и постиндустриализма, столкновения цивилизаций. Еще 30 лет назад ни один советский человек, образованный и слушающий лекции общества «Знание», не поверил бы в мифологию международного терроризма, истощения природной среды, устойчивого развития. Пора вспомнить и опыт предков, понять, что мы живем не в «конце истории», но в начале подлинной истории человечества, переходом к которой может стать разрыв с веригами постиндустриализма и переход к русскому неоиндустриализму как сверхиндустриальному развитию общества. В сущности, нам

рассказывают транслируемые прессой сказки для взрослых, а названия философских, политологических, геополитических трудов свидетельствует о том, что мы-де «разочарованы в культуре», ожидаем «смерть человека», принимаем деконструкцию перформативного дискурса, слушаем «новых философов» на их «философском базаре», накрываемся «третьей волной» и живем в «мегагенденциях» «футурошока», страдаем от «великого разрыва» и «мутации культурной парадигмы», ужасаемся упадку «физической экономики» и объявляем «финис мунди». А. И. Фурсов замечает также, что все чаще появляются книги с символическими названиями «Конец прогресса», «Поминки по Просвещению», в результате «стремительно деградируют наука об обществе (детеоретизация, мелкотемье) и образование» [13].

Первый старт новый тип общества на планете сделало в Парижской коммуне. Старт длиной в 70 дней. Второй старт – октябрь 1917 г. на 70 лет. Третий старт неизбежен, можно предположить, его начало в 2017 г. (сравните менталитет нашего общества в 1915 г. и в 2015 г.). Старт возможен в группе стран или как бриколаж – наложение на стартовую площадку стран второго старта. В любом случае третья форма нового мироустройства – всерьез и надолго и история не имеет предела. Возможно, здесь начинается геометрическая прогрессия – 70 дней, 70 лет и 26 000 лет. Старт возможен только как сознательное действие масс – Всемирный интернетный съезд альтерглобалистов, неоевразийцев и просто взрослых людей. К. Агитон в концепции альтернативного глобализма демонстрирует широкий фронт новых мировых движений протеста [1]. Современная мировая антибуржуазная мысль в основном направляется в сторону развития теории и практики антиглобалистского движения [2]. Реальным вектором развития вновь становится классово-идеологическая проблематика борьбы цивилизаций. Теоретически вновь действует формула «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся». Речь идет о глобальном коллективном работнике, об этом свидетельствует анализ трансформационных процессов, развивавшийся учеными начала сопротивления ельцинскому режиму [3]. Вообще переход к новому мироустройству следует сравнивать с переходом от первобытности к классовому обществу, а это был период многих

тысяч лет. Новое общество третьей решающей попытки управления совокупного работника будет носить синтетический характер, поскольку строится на неоиндустриальной базе и Россия как страна-мессия призвана возглавить движение человечества к прогрессу и свободе от природных сил и социальных стихийных сил, ведущих к регрессу и фашизму.

Литература

1. Агитон, К. Альтернативный глобализм / К. Агитон. – М. : Гилея, 2004.
2. Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения. – М. : УРСС, 2003.
3. Бузгалин, А. В. Будущее коммунизма / А. В. Бузгалин. – М. : Олма-пресс, 1996. – С. 83.
4. Зиновьев, А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм, 2006. – С. 526.
5. Кара-Мурза, С. Антисоветский проект / С. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2002. – С. 11.
6. Ларуш, Л. Вы бы на самом деле хотели бы знать все об экономике? / Л. Ларуш. – М. : Шиллеровский институт, 1992. – С. 59.
7. Матвейчев, О. А. Суверенитет духа / О. А. Матвейчев. – М. : Поколение, 2008. – С. 256.
8. Некрасов, С. Н. Какая философия нам нужна. 250 классических взглядов на будущее / С. Н. Некрасов. – Екб., 2009.
9. Олейник, А. Институциональная экономика : учебно-методическое пособие / А. Олейник // Вопросы экономики. –1999. – № 1–12.
10. Пивоваров, Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов / Д. В. Пивоваров. – Екб. : УрФУ, 2013. – Гл. 2.
11. Социетальность инноватики : коллективная монография. – Тюмень : ТюмГУ, 2014. – С. 42–43.
12. Фурсов, А. И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А. И. Фурсов. – М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2014. – С. 222.
13. Фурсов, А. И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе / А. И. Фурсов. – М. : Изборский клуб, Книжный мир, 2014. – С. 223.
14. Царегородцев, С. Механизм управления обществом. Как преодолеть догматизм современной философии / С. Царегородцев. – М. : Print up. – С. 28.
15. Nisbett, R. E. The geography of thought. Why Asians and Westerners think differently and why / R. E. Nisbett. – N.Y. : Free press. 2003, p. 100.
16. Harford, T. The undercover economist / T. Harford. – L: Abacus. 2006, p. 243.

References

1. Ageton, K. (2004) Alternative globalism [Al'ternativnyji globalizm], Moscow, Gilea.
2. Al'terglobalizm: teoriya i praktika antiglobalistskogo dvizheniya (2003) [Al'terglobalizm: teoriya i praktika antiglobalistskogo dvizheniya], Moscow, URSS.
3. Buzgalin, A. S.(1996) The Future of communism [Budushcheye kommunizma], Moscow, OLMA-press, p. 83.
4. Zinoviev, A. A. (2006) Factor of understanding [Faktor ponimaniya], Moscow, Algorithm, p. 526.
5. Kara-Murza, S. (2002) Anti-Soviet project [Anti-Sovetskiji proyekt], Moscow, Algorithm, p. 11.
6. LaRouche, L. (1992) Would you really like to know all about the economy? [Vy by na samom delye khoteli znat' vsye ob ekonomike], Moscow, Shiller Institute, p. 59.
7. Matveychev, O. A. (2008) On Sovereignty of the spirit. [Suverinitet dukha]. – М. : Generation, p. 256.
8. Nekrasov, S. N. (2009) What kind of philosophy do we need? 250 classical views on the future [kakaya filosofiya nam nuzhna? 250 vzglyadov na budushcheye], Ekaterinburg.
9. Oleinik A. (1999) Institutional Economics: textbook [Institutsional'naya ekonomika], Questions of economy, No 1–12.
10. Pivovarov, D. V. (2013) Culture and religion: sacralization of the basic ideals [Kul'tura I religiya: sakralizatsiya bazovykh ideji], Ekaterinburg, Chapter 2.
11. Sociality of innovation. Collective monograph (2014), Tyumen, pp. 42–43.

12. Fursov, A. I. (2014) Forward to victory! Russian success in retrospect and prospect [Vpered k pobede! Russkiji uspek v retrospective i perspective], Moscow, p. 222.
  13. Fursov, A. I. (2014) Forward to victory! Russian success in retrospect and prospect [Vpered k pobede! Russkiji uspek v retrospective i perspective], Moscow, p. 223.
  14. Tsaregorodtsev, S. Mechanism of management of the society. How to overcome dogmatism of modern philosophy [Mekhanizm upravleniya obshchestvom. Kak preodolyet` dogmatism sovremennoi filosofii], Moscow, p. 28.
  15. Nisbett, R. E. (2003) The geography of thought. Why do Asians and Westerners think differently and why. – N. Y. : Free press, p. 100.
  16. Harford, T. (2006) The undercover economist, London, Abacus, p. 243.
-

УДК 165.0

Ф. Н. Поносков, доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВПО Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
e-mail: peshta@bk.ru

СУБЪЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: СТРУКТУРА И СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

С развитием средств коммуникации, с развитием производства связаны масштабные и структурные изменения познающего субъекта, происходит его специализация в науке. Некоторые из этих изменений стали предметом представленного исследования.

Статья посвящена структурно-функциональному анализу субъектов человеческого познания. В ней представлена их масштабная организация: в этой роли может выступать отдельный человек, группа людей, социальная общность, цивилизация в целом. В зависимости от масштабной организации познающие субъекты делятся на моносубъекты и полисубъекты. Моносубъект – это отдельный познающий человек; полисубъект – коллективный познающий субъект. Различное существование познающих субъектов во времени даёт основания для деления их на синхронические и диахронические. Синхроническим называется такой познающий субъект, структурные элементы которого существуют в одном и том же временном интервале; диахроническим – такой познающий субъект, структурные элементы которого существуют в различных временных интервалах.

Различие в отношении к получаемому знанию даёт основания для деления познающих субъектов на субъекты гносеологические, эпистемические и синкретические. Гносеологическим субъектом называется такой познающий субъект, деятельность которого направлена на получение нового для цивилизации знания; эпистемический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. Синкретический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена и на получение нового для цивилизации знания, и на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. Деятельность гносеологического и эпистемического и синкретического субъектов взаимосвязана и взаимовлияет друг на друга. В конечном итоге детализация функций познающего субъекта способствует более быстрому достижению истины.

Ключевые слова: субъект познания, гносеологический, эпистемический, синкретический, синхронический, диахронический.

Человеческое познание, совершаемое в различных видах и формах, возникает и существует в обществе, детерминируется социальными причинами и поэтому по своему характеру является социальным. Оно трактуется как социальное не только по отношению к объекту, но и по отношению к субъекту и представляет в целом отражение окружающей реальности. Социальный характер субъекта познания проявляется не только в своеобразии его культурно-исторического бытия, но и в структурной организации, на уровне индивидуального и коллективного познания.

Анализ познавательного процесса и его закономерностей показывает, что познание и его результаты необходимо рассматривать в соци-

ально-историческом измерении, анализировать как деятельность познающих индивидов, взаимосвязанных локально и темпорально. Сущность коллективного познания определяется, в первую очередь, структурной организацией познающего субъекта. Поэтому вполне оправдана концентрация внимания на анализе её специфики. Представляя основные масштабы познающего субъекта, необходимо отметить, что носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект, так же как и простая совокупность последних. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих её людей. Существует множество коллектив-

ных субъектов, связанных между собой определёнными отношениями.

Так, любое научное сообщество является подсистемой более обширной системы: сообщества всех специалистов в данной области знания и сообщества всех людей, занимающихся научной деятельностью. Учёный использует в своей научной работе национальный язык – значит, он включён в сообщество носителей данного языка. Сюда же включаются и те люди, которые не занимаются наукой, и они являются определённым коллективным субъектом познания. Функционирование и развитие знания определяется процессами, протекающими в более широкой социальной системе, чем сообщество учёных. Получается, что человек, не занимающийся наукой, тоже осуществляет процесс познания и, следовательно, тоже подключён к различным коллективным субъектам.

Об этой взаимосвязи писал В. А. Лекторский, отмечая, что надо принимать во внимание не только разнообразие, но и единство социально-исторического процесса развития познания, общество в целом следует тоже рассматривать в качестве коллективного субъекта, включающего множество как коллективных, так и индивидуальных субъектов. Именно наличие определённых связей между различными коллективными субъектами обеспечивает единство познания. Философ указывает на взаимосвязь индивидуального и коллективного субъектов познания, утверждая, что разрыв связей между ними невозможен: в этом случае общество в целом перестало бы быть субъектом познавательной деятельности. Поэтому каждый индивидуальный субъект включён одновременно в различные коллективные субъекты. Различные системы и формы познавательной деятельности интегрируются в индивиде в некоторую целостность, её существование есть необходимое условие единства познающего субъекта. Индивидуальный субъект, его сознание и познание должны быть правильно поняты с учётом их включённости в различные системы коллективной практической и познавательной деятельности. Но это не означает, что индивидуальный субъект каким-то образом растворяется в коллективном. Существуют объективные основания их диалектического взаимодействия: во-первых, сам коллективный субъект не существует без отдельных конкретных людей, реальных ин-

дивидов, связанных между собой специфическими законами коллективной деятельности; но его нельзя и уподоблять индивидуальному, ибо он не является особой личностью и не совершает познавательных действий, отличных от тех, которые осуществляют входящие в него индивиды. Во-вторых, познание субъекта-индивида или моносубъекта тесно связано с объективированными системами знания, но, и это весьма важно, непосредственно с ними не совпадает. Особенности восприятия индивида, его воспоминания, субъективные ассоциации относятся к знанию, важному лично для него и доступному только ему. Они не входят в систему объективированного знания, являющегося достоянием всех индивидов и включенного в структуру коллективного субъекта. Это означает, что знания, присущие индивидуальному и коллективному субъектам, не совпадают полностью и не растворяются друг в друге, а взаимно предполагают сами себя – и это принципиальное положение [7, с. 279–281]. С другой стороны, коллективного субъекта нет вне системы взаимодействующих индивидов и вместе с тем он существует вне каждого индивидуального субъекта. Мы разделяем точку зрения, утверждающую, что коллективный субъект выявляет себя и законы своего функционирования не столько через внутренние структуры сознания индивида, сколько через внешнюю предметно-практическую деятельность и коллективную деятельность с системами объективированного знания.

Таким образом, масштабная организация субъекта познания выделяет в качестве основных уровней его существования отдельного познающего индивида, исследовательский коллектив, социальную общность и общество в целом. Достоинства данной классификации, основанной на масштабной организации познающего субъекта, заключаются не только в том, что она дает возможность проанализировать и упорядочить процесс познания, но и в том, что содержит в себе методологические основания дальнейшего, более пристального изучения деталей и механизмов познавательной деятельности, содержит в себе возможность развития элементов неклассической эпистемологии [2; 8]. Вместе с тем мы считаем целесообразным ввести в данную классификацию такие понятия, как «моносубъект познания» и «полисубъект познания».

Моносубъект познания (или моносубъект) – это отдельный человек, выступающий в роли эпистемического или гносеологического субъекта. Полисубъект познавательной деятельности – это коллективный познающий субъект с различной масштабной организацией, начиная от группы людей (коллектива) и заканчивая цивилизацией в целом.

Опираясь на идеи В. С. Стёпина, В. А. Лекторского, Д. Блура, И. Т. Касавин разработал такой вариант социальной (или коллективной) теории познания, который значительно расширяет её предметную область и позволяет анализировать всё когнитивное своеобразие сознания, общения и деятельности. Он предполагает социокультурную интерпретацию классических теоретико-познавательных категорий и моделей человеческого познания [5; 6].

Моносубъекты и полисубъекты познания взаимовлияют на достижение истины, так как они могут быть связаны различными видами связей. На некоторые их аспекты, такие, как несовпадение мнений, роль случайных факторов в получении знания, указывает профессор философского факультета Северо-Западного университета (США) Д. Лэки [4]. Исследуя коллективное познание, Д. Лэки ставит задачу выявить, «является ли источником знания отдельный индивид...или группа в целом?» [9, с. 17].

По нашему мнению, наиболее важными для понимания характера познающего субъекта, универсальными являются локальные и темпоральные связи, то есть такие, которые существуют в пространстве и времени познавательного процесса. В этом плане время выступает основанием для разделения познающих субъектов на синхронические и диахронические. Синхроническим субъектом называется такой познающий субъект, структурные элементы которого существуют в одном и том же временном интервале; структурное единство его может быть организовано формально или неформально, по своему характеру он может быть гносеологическим, эпистемическим или синкретическим. Диахроническим называется такой познающий субъект, структурные элементы которого существуют в различных временных интервалах, то есть в разное время. Так же, как и синхронический, данный субъект может быть формальным или неформальным, эпистемическим, гносеологическим или синкретическим.

Роль отдельного человека и групп людей в познавательном процессе различна: деятельность одних в большей степени ориентирована на получение знания, деятельность других – на его использование. Выступая как субъекты деятельности, они реализуют собственную свободу, выбирая между своим и иным [10]. При этом деятельность тех и других влияет на результат познавательного процесса. Такое различие в отношении к знанию даёт основания для деления познающих субъектов на субъекты гносеологические, эпистемические и синкретические.

Гносеологический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена на получение нового для цивилизации знания. Чаще всего он осознаёт цели и задачи своей познавательной деятельности (здесь речь идёт прежде всего об ученых-профессионалах и их сообществах). Но иногда новое знание обнаруживается, на первый взгляд, как бы случайно, мимоходом; учёные получают результаты, которые не предполагались заранее. Например, поиски эликсира жизни привели средневековых алхимиков к формированию ятрохимии, к открытию новых химических соединений. В роли гносеологического субъекта может выступать один человек, группа людей, все сообщество учёных в цивилизации – такова масштабная организация гносеологического субъекта. Гносеологическими субъектами в истории науки выступают например, такие учёные, как А. Ампер, Ж. Гей-Люссак, А. Вольтга и целый ряд других. К их числу сегодня можно отнести многих нобелевских лауреатов прошлого и настоящего, таких, как И. Павлов, И. Мечников, Л. Ландау, Ж. Алфёров, Д. О'Киф, Мэй-Бритт-Мозер, Э. Мозер и др.

Эпистемический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. Его масштабная организация также располагается в границах от отдельного человека до общества в целом, то есть им может быть как конкретный индивид, так и группа людей, как социальная общность, так и цивилизация в целом. Это люди, имеющие прямое или опосредованное отношение к знанию, реальному и потенциальному. Они влияют на ход познавательной деятельности либо позитивно, стимулируют ее, либо негативно, тормозят и

сдерживают. В качестве примеров бытия эпистемических субъектов можно сослаться на жизнедеятельность М. Фарадея, открывшего электромагнитную индукцию и создавшего электродвигатель, создателя динамита А. Нобеля, изобретателя Т. Эдисона, одного из создателей компании Microsoft. Б. Гейтса, изобретателя ряда сельскохозяйственных приборов и орудий В. Горячкина, медика-изобретателя Г. Илизарова, создателя антивирусной программы Е. Касперского и др.

Синкретический субъект – это такой познающий субъект, деятельность которого направлена и на получение нового для цивилизации знания, и на использование как уже имеющегося, так и возможного будущего знания цивилизации. В роли такого познающего субъекта выступали, например, учёные и практики Н. Тесла, И. Сикорский, японские физики, ставшие нобелевскими лауреатами 2014 года, И. Акасаки, Х. Аmano, С. Накамура за создание голубых светодиодов. Синкретический познающий субъект часто формируется целенаправленно и приобретает, благодаря этому, статус формального. Формирует данный субъект реализация идеи интеграции образования, науки и производства. В XX веке в СССР был накоплен большой опыт по интеграции образования и производства (система «завод – вуз»), а также образования и науки (система «физтех»). Ретроспективный анализ особенностей интеграции образования, науки и производства позволяет сделать вывод о том, что в России получили своё развитие различные организационные формы этой интеграции: наукограды, технопарки, кафедры на предприятиях, интегрированные образовательные и научно-образовательные комплексы типа национальных и исследовательских университетов, университетских комплексов, образовательных округов и т.д.

Деятельность гносеологического, эпистемического и синкретического субъектов взаимосвязана. Об этом пишет В. С. Стёпин: Как выражение этих целей в науке складываются не только исследования, обслуживающие сегодняшнюю практику, но и исследования, позволяющие систематически выходить за рамки производства и обыденного опыта своей исторической эпохи. Результаты таких исследований могут найти технологическое применение только в практике будущего. Движение познания обусловлено уже не столько непосред-

ственными запросами сегодняшней практики, сколько познавательными интересами. Но, благодаря им, удовлетворяются потребности общества в прогнозировании будущих способов и форм практического освоения мира. Например, постановка внутринаучных проблем и их решение в рамках фундаментальных теоретических исследований физики привели к открытию законов электромагнитного поля и предсказанию электромагнитных волн, к открытию законов деления атомных ядер, квантовых законов излучения атомов при переходе электронов с одного энергетического уровня на другой и т.п. Все эти теоретические открытия заложили основу для будущих способов массового практического освоения природы в производстве. Через несколько десятилетий они стали базой для прикладных инженерно-технических исследований и разработок, внедрение которых в производство, в свою очередь, революционизировало технику и технологию – появились радиоэлектронная аппаратура, атомные электростанции, лазерные установки и т.д.

Крупные учёные, создатели новых, оригинальных направлений и открытий, всегда обращали внимание на эту способность теорий потенциально содержать в себе целые созвездия будущих новых технологий и неожиданных практических приложений [11; 12].

Описание этих различных функций познающего субъекта мы обнаруживаем в трудах по истории науки. Например, В. И. Вернадский, характеризуя сообщество учёных, отмечал, что научная мысль сама по себе не существует, она создаётся человеческой живой личностью, есть её проявление. В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество – духовную энергию.

Взрывы научного творчества повторяются через столетия и указывают на то, что в одной или многих странах, в одном или многих поколениях скапливаются богато одаренные личности, те умы, которые изменяют окружающий мир. Их рождение есть реальный факт. Историческую роль подобного учёного сообщества В. И. Вернадский оценивает достаточно высоко, отмечая, что всюду и всегда в истории всех наук и художественного познания видно, как талантливые люди поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заместите-

лей. Это видно, например, в Древней Греции в истории искусства, литературы, философии, где на протяжении немногих десятков лет были сосредоточены величайшие гении всей исторической эллинской жизни. Но в истории науки видны и пустые промежутки, например, в XVIII в. во французской изящной литературе после расцветов XVI–XVII и XIX столетий. Можно обнаружить скопление великих французских математиков в конце XVIII и начале XIX столетия и перерыв поколения раньше и позже. В истории России это пережито как создание великой русской литературы в XIX в. и в начале XX в. [3, с. 216–217].

Решая одну познавательную задачу, учёные объективно, часто независимо от их собственной воли и желания, выступают в роли гносеологического полисубъекта. Одним из примеров бытия коллективного гносеологического полисубъекта является жизнедеятельность учёных, внесших вклад в развитие представлений о форме и очертаниях Земли, её местоположении в Солнечной системе. Особо важная роль в их становлении принадлежит Н. Копернику, реальному гносеологическому моносубъекту, создателю гелиоцентрической модели Солнечной системы. Но само её создание было подготовлено другими гносеологическими моносубъектами, история науки воспроизводит некоторые их имена.

Известно, что развитие мореплавания в XV веке (особенно бурное в Испании и Португалии) требовало освоения новых территорий. В этом движении мореплаватели ориентировались на Солнце, Луну и другие знакомые им небесные объекты. Необходимо было знать их точное местоположение в данное время, чтобы определить свои географические координаты. В 1474 году ученый-астроном Региомонтан издаёт астрономические таблицы, показывающие такое расположение этих светил. Таблицы быстро распространились и приобрели крупное значение в астрономии. На их составление прямо повлияла деятельность предшествующего гносеологического моносубъекта К. Птолемея, так как они были вычислены на основании развития птолемеевской системы, филологически исправленного его текста. Но это не единственный эпистемический источник, Региомонтан использовал развитые методы математики, новые приборы и приемы астрономической работы. Таким образом, в роли реальных гно-

сеологических субъектов выступили и его предшественники – арабские математики, которые развили и соединили геометрию греков с вычислительным искусством индусов.

Математические исследования велись и в отдельных местах европейского континента, они не раз прерывались, однажды достигнутое терялось и гибло в рукописях. Гносеологические моносубъекты были разобщены, не существовало их локального и темпорального единства, отсутствовало формальное и неформальное объединение. Названные факторы сдерживали развитие научного знания. Многое изменилось с появлением книгопечатания. До изобретения книгопечатания локальная и темпоральная разобщённость познающего субъекта могла быть преодолена путём создания научных или проблемных школ. Подобные тенденции реализовались в развитии математического знания: в XV веке через посредство арабов и Византии алгебраические знания достигают Италии, а затем Германии. В это время здесь появляется сообщество учёных-математиков – школа коссистов. Данная школа – пример бытия коллективного гносеологического субъекта в математике того времени. С изобретением книгопечатания доступная в сотнях и тысячах экземпляров мысль и новое решение абстрактных задач находили себе неведомых и неожиданных сторонников и поборников, развитие математики пошло быстро, без перерывов и остановок [3, с. 142–143].

Таким образом, книгопечатание явилось фактором преодоления локальной и темпоральной разобщённости коллективного познающего субъекта, к тому же оно стало одним из средств гносеологической взаимосвязи индивидуального и коллективного познающих субъектов, установились их неформальные отношения. Это означает, что в истории науки появился новый коллективный гносеологический субъект – неформальный. Это такой познающий субъект, гносеологические потребности и интенции которого субъективно детерминированы. В свою очередь неформальный гносеологический субъект делится на синхронический и диахронический. На ранних этапах существования человеческого общества, когда познающий субъект имел синкретический характер, качества синхроничности и диахроничности в познающем субъекте были нераздельны, они воспроизводились в системе «учитель – ученик». Си-

туация изменяется с появлением письменности в различных её видах и книгопечатания: появляется возможность существования как синхронического, так и диахронического гносеологических субъектов. В истории науки существуют факты использования принципа диахроничности, в частности при анализе развития различных культур [1].

Применение новых таблиц и инструментов нашло продолжение в деятельности М. Бехайма, кормчего и астронома португальской экспедиции к берегам Африки, начавшейся в 1483 году. Он распространил употребление двух инструментов: градштока и астролябии. Снабжённые ими и таблицами Региомонтана, европейцы могли пуститься в открытое море, а следствием этого явилось необычайное расширение их научного кругозора.

Региомонтан, Бехайм и их коллеги, входящие в состав неформального коллективного гносеологического субъекта, расширили научный инструментарий. Благодаря этому познаваемый объект – Земля и её очертания – открыли свои новые неизвестные стороны. Взаимосвязь познавательной деятельности этих учёных во времени является основанием для объединения их в неформальный коллективный диахронический субъект. Это была деятельность людей, живших и творивших в разное время, но связанных единой познавательной задачей.

Дальнейшее исследование этой проблемы связано с деятельностью небольшого по своим масштабам неформального коллективного гносеологического синхронического субъекта, в роли которого выступили Х. Колумб, П. Тосканелли и их менее известные коллеги. Формальным гносеологическим субъектом является такой познающий субъект, структурная организация которого задана либо субъектом управления, либо общественными объединениями; неформальным гносеологическим субъектом является такой познающий субъект, структурная организация которого не является заданной.

Основанием формирования данного познающего субъекта явилась мысль о том, что, двигаясь от берегов Европы на Запад, можно попасть в Индию. О гносеологических интенциях П. Тосканелли известно следующее: его познавательный интерес был интересом учёного; перед ним ясно стояло чисто научное значение факта (шарообразной формы Земли), хотя он никогда не упускал из виду и то практиче-

ское влияние, какое может оказать такое кругосветное плавание. П. Тосканелли попытался увеличить масштабы коллективного гносеологического субъекта: в своих изысканиях он учёл знания, добытые Марко Поло и венецианцем Н. де Конти, прожившим 40 лет в Египте и побывавшем в Индии, Индокитае, на Зондских островах. Он вычислил размеры океана и получил цифры, близкие к современным, начертил карту этих мест. Карта П. Тосканелли была скрыта в королевских архивах, но о ней каким-то образом узнал прибывший в Португалию Х. Колумб и вступил в переписку с П. Тосканелли. Последний прислал ему копию карты, с которой через много лет Х. Колумб отправился в своё знаменитое плавание. Таким образом складываются неформальные синхронические и диахронические гносеологические связи и формируется коллективный синкретический гносеологический субъект.

В его состав мы должны включить не только известных истории науки людей, но и совершенно неизвестных, таких, у которых стремление к обретению нового знания, *гносеологические интенции* в структуре личности были доминирующими, главными, это у них на первый план выступал интерес знания. История не помнит их имён по двум основным причинам: во-первых, потому, что полученные ими результаты оказались такими элементами гносеологического ряда, которые характеризуются категорией «заблуждение» и, во-вторых, они входили в состав неформального гносеологического субъекта. Дело в том, что в формально организованном познающем субъекте, осуществляющем научный поиск, необходимо регистрируются все результаты, положительные и отрицательные, конечные и промежуточные, истинные и неистинные, то есть учитываются все элементы гносеологического ряда. В деятельности неформального гносеологического субъекта такая фиксация возможна, но не обязательна, это обстоятельство и приводит к появлению в истории познания людей, искавших истину, но оставшихся в неизвестности.

Мы выявили некоторые характерные особенности формирования познающего субъекта. По своей масштабной организации он может быть моно- или полисубъектом, формальным или неформальным. Бытие познающего субъекта во времени характеризует его как синхронический или диахронический. По отношению

к знанию, уже имеющемуся в цивилизации или новому для неё, познающий субъект выступает в роли гносеологического, эпистемического или синкретического субъекта. Исторический период его формирования, представленный в нашем анализе, выбран не случайно: в это время появляется и распространяется книгопечатание, развиваются средства связи гносеологических моносубъектов, что даёт более широкие

возможности для формирования синхронического и диахронического гносеологических полисубъектов, для формирования науки в строгом смысле этого слова. С развитием средств коммуникации, с развитием производства связаны последующие масштабные и структурные изменения познающего субъекта, происходит его специализация в науке. Эти процессы характерны и для современного общества.

Литература

1. Беломестнова, Е. Н. Диахронический принцип типологии культур / Е. Н. Беломестнова // *Философские науки*. – 2006. – № 1. – С. 81–92.
2. Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery* / D. Bloor. – L., 1976. – 156 p.
3. Вернадский, В. И. Труды по всеобщей истории науки / В. И. Вернадский ; под ред. С. Р. Микулинского. – М. : Наука, 1988. – 334 с.
4. Jennifer, L. *Leaming from Words: Testimony as a Source of Knowledge* / L. Jennifer. – Oxford University Press, 2008. – 308 p.
5. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы / И. Т. Касавин. – М. : Альфа-М, 2013. – 560 с.
6. Касавин, И. Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии / И. Т. Касавин. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. – 320 с.
7. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М. : Наука, 1980. – 357 с.
8. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
9. Лэки, Д. Дефляционистский подход к групповому сообщению / Д. Лэки // *Эпистемология и философия науки*. – 2013. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 16–41.
10. Максимов, А. М. Свобода как противоречие самобытия и инобытия: дис. ... д-ра. филос. наук : 09.00.01 / А. М. Максимов. – Екатеринбург, 1999. – 269 с.
11. Стёпин, В. С. Наука и философия / В. С. Стёпин. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=187&Itemid=52. – Дата обращения: 15. 01. 2015.
12. Стёпин, В. С. Философия науки / В. С. Стёпин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.

References

1. Belomestnova, E. N. Diachronic Principle of Culture Typology // *Philosophic Sciences*, No 1, pp. 81–92.
2. Bloor, D. (1976) *Knowledge and Social Imagery*. – L., p. 156.
3. Vernadsky, V. I. (1988) *Works on General History of Science*, Moscow: Nauka, 334 p.
4. Jennifer, L. (2008) *Leaming from Words: Testimony as a Source of Knowledge*. – Oxford University Press, 308 p.
5. Kasavin, I. T. (2013) *Social Epistemology: Fundamental and Applied Problems*, Moscow : Alfa-M, 560 p.
6. Kasavin, I. T. (2000) *Tradition of Interpretation: Fragments of Historic Epistemology* ; Russian Academy of Science. Institute of Phylosophy. – St.Petersburg.: Publishing House of Russian Christian Humanitarian Institute, 320 p.
7. Lectorsky, V. A. (1980) *Subject, Object, Cognition*, Moscow: Nauka, 357 p.
8. Lectorsky, V. A. (2001) *Classical and Non-classical Epistimology*, Moscow: Editorial URSS, 256 p.
9. Lakki, D. (2013) *Deflationistic Approach to a Group Statement* // *Epistemology and Philosophy of Science*, Vol. XXXVI, No. 1, pp. 16–41.
10. Maximov, A. M. (1999) *Svoboda as contradiction of self-life and inobytiya: yew. ... d-r filosof. sciences: 09.00.01*. – Yekaterinburg, 269 p.
11. Styopin, V. S. *Science and Philosophy*. – available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=187&Itemid=52. Date of access: 15. 01. 2015.
12. Styopin, V. S. (2006) *Philosophy of Science?* – Moscow : Gardariki, 384 p.

УДК 1:177

М. Х. Хаджаров, доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой философии науки и социологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

e-mail: mhadgarov@yandex.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы толерантности, возникающие в процессе социокультурной коммуникации.

Они обусловлены непрерывными изменениями в социальной действительности и поиском ценностных и интегрирующих основ человеческого бытия. Существенное влияние на эти изменения оказывает культура, являющаяся хранителем тех потенциальных ценностей, вокруг которых объединяются люди и консолидируются социальные силы во имя реализации социально значимых целей и задач.

Важнейшим социокультурным механизмом взаимодействия людей является коммуникация, выступающая связующим звеном системы «Я – Другой». Бытие человечества устроено таким образом, что оно тяготеет к ценностным смыслам и детерминирует встречи субъектов действия, которые реализуются в многогранной социокультурной коммуникативной деятельности, опирающейся на толерантное сознание.

В коммуникативных процессах толерантное сознание может проявлять себя по-разному. В конструктивной плоскости оно вырабатывает в себе культуру понимания и признания неодинаковости всех людей, а также уважительного отношения ко всякой инаковости.

В то же самое время в контексте межцивилизационных взаимодействий толерантность может нести определенную угрозу безопасности российскому обществу, культуре и культурной идентичности, а также способствовать появлению экстремизма.

Несмотря на противоречивый характер толерантности, в современных условиях человеку невозможно изолироваться от диалога с другими людьми, странами и культурами. Поэтому во избежание негативных проявлений толерантности в социокультурной коммуникации следует на государственном уровне разработать идеологию воспитания молодежи и формирования у них представлений о чести и совести, дружбе и взаимопомощи, порядочности и человечности, добрососедстве и уважении.

Ключевые слова: *субъект деятельности, социокультурная коммуникация, толерантность, «Я – Другой», толерантное сознание, духовность.*

Социокультурная коммуникация выступает одной из базисных характеристик бытия человека, которая непосредственно связана с субъект-объектными и субъект-субъектными отношениями, реализующимися через идентификацию, общение, передачу информации и диалогом между участниками деятельности. Основным фактором, делающим возможной социокультурную коммуникацию, выступает толерантность, которая, являясь одним из значимых качеств духовно-нравственной и культурной жизни человека, становится наиболее востребованной ценностью в современном мире.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что толерантность в социокультурной комму-

никации не всегда выступает в качестве позитивной духовной ценности; иногда она способна выполнить и негативную функцию, создавая трудности для работы критического мышления.

Рубеж XX–XXI веков характеризуется ростом динамики социальных процессов, обусловленных поиском ценностных и интегрирующих основ человеческого бытия. В связи с этим актуализируется мысль о необходимости формирования принципиально другого образа человеческой жизни на основе нового восприятия мира. При этом внимание акцентируется в основном на экономических, политических, правовых или социальных аспектах; из виду

упускается культурный фактор как второстепенный и не имеющий особого значения.

Социальная, политическая и экономическая сферы подвержены противоречиям и конфликтным ситуациям. Миру культуры также характерны противоречия, но в отличие от других сфер, культурное пространство является более стабильным и устойчивым. Культура является хранителем тех потенциальных ценностей, вокруг которых объединяются люди и консолидируются социальные силы. Она формирует соответствующие основания для достижения социальных целей во имя развития и процветания общества.

Культура, будучи системой разнообразных ценностей, сплачивает людей с разными психолого-мировоззренческими, политико-экономическими, конфессиональными ориентациями. Важнейшим социокультурным механизмом взаимодействия элементов системы «Я – Другой», взаимодействия людей, выступает коммуникация. Бытие человечества устроено таким образом, что оно детерминирует встречи субъектов действия в коммуникативных процессах, ибо несет в себе информационно-ценностные смыслы. Общественная жизнь в полноте ее реализации, видимо, можно рассматривать как единство многогранной и непрерывной коммуникативной деятельности, которая опирается на социокультурные основания.

По своей сущности социокультурная коммуникация является ценностно нагруженной. Коммуникативная деятельность раскрывает потаенные смыслы значимости субъектов деятельности друг для друга. Осознание своей необходимости, чувство значимости для другого (такого же, как и он), которое появляется во взаимодействии с другим субъектом, в культурно-антропологической плоскости несет в себе глубокий экзистенциальный смысл. Он выражается в том, что в социокультурной коммуникации человек открывает свой мир для другого сознания, вследствие чего взаимобмен информацией, мнениями, идеями, позициями обогащает миры обоих. Этот процесс находит свое продолжение в содержательном приращении коммуникативного процесса. Субъекты коммуникативного процесса выступают структурными элементами этого процесса, которые в своем стремлении к взаимобмену наполняют содержанием коммуникативную деятельность в целом. Каждый вносит в нее свой уникаль-

ный вклад и чувствует свою значимость, ценность за счет осознания своей неповторимости в едином процессе социокультурной коммуникации.

Само существование человека есть непрерывный процесс коммуникации и диалога. Однако эффективность коммуникативного процесса во многом зависит от того, насколько сами коммуникаторы подготовлены для этого процесса. Осуществление бесконфликтной социокультурной коммуникации предполагает признание всеми субъектами, вовлеченными в этот процесс, различных способов проявления человеческой индивидуальности, многообразия форм самовыражения людей. Субъекты коммуникативных отношений должны быть устремлены к взаимоуважению, открытости, свободе мысли и совести. Все эти качества, необходимые для нормальной реализации социокультурной коммуникации, синтезируются в понятие «толерантность».

Толерантность выступает одним из действенных механизмов коммуникации, которая лежит в основании взаимодействия, общения, диалога, взаимобмена мнениями и идеями. В этой связи представляет интерес проследить, как проявляет себя толерантность в социокультурной коммуникации в условиях расширения в современном мире коммуникативных связей.

Понятие «толерантность» используется в разных областях знания – в биологии, психологии, медицине, этнологии, политологии, культурологии, философии, социологии. В зависимости от области знания семантика термина «толерантность» меняется. В нашем исследовании толерантность определяется в философско-социологическом и культурно-антропологическом значениях. Социология схватывает социальный и культурный аспекты толерантности, связанные с пониманием индивидом уникальности тех культурных ценностей, с которыми он идентифицирует себя. Философское же осмысление толерантности выражает социальные и культурные основания диалога, терпимость к идеям и взглядам других, к нравам, привычкам и обычаям иных этнических сообществ, к верованиям альтернативных конфессиональных образований. В культурно-антропологической плоскости толерантность характеризуется как нечто присущее человеку в его взаимоотношениях с другими, выступающее важным качеством его духовной культуры. Сочетание

философско-социологического и культурно-антропологического аспектов толерантности отражает социальные и культурные различия, обнаруживаемые и на уровне индивида, и на уровне общества, а также в отношениях личности в семье, школе, в коллективе, социуме, характеризующие ее качества.

В 1995 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята Декларация о толерантности. В ней толерантность определяется как признание многообразия культур и ценностных суждений о явлениях природы и общества, как форма самовыражения и проявления человеческой индивидуальности в различных сферах жизни. Также предлагается отказаться от догматизации и абсолютизации истины, и наряду с этим – признавать нормы и права человека, установленные международными правовыми актами.

В 1996 году Генеральной ассамблеей ООН было предложено всем государствам, входящим в состав ООН, ежегодно 16 ноября отмечать Международный день толерантности. Проблему толерантности обсуждали и в нашей стране, даже на уровне государства: 22 августа 2001 года Президентом РФ была подписана Федеральная программа по предупреждению экстремизма и формированию толерантного сознания.

Во всех странах мира проблема толерантности находится в фокусе внимания государственных деятелей и общественных организаций. Проблема гармоничного существования людей во всех уголках Земли – это проблема, которая приобретает планетарный характер. Мировое сообщество в XXI веке обретает внутреннюю взаимозависимость во многом благодаря экономическому обмену, сотовой связи, развивающимся Интернет-технологиям. Актуализация проблемы толерантности вызвана также широкомасштабными социальными процессами, к которым относятся миграционные потоки людей, обусловленные разными причинами. В частности, люди уезжают или приезжают как беженцы из-за военных конфликтов в поисках работы или лучшей жизни для себя и детей. Мигрирующие люди приносят с собой мировоззренческое, религиозное, культурное разнообразие, зачастую вступающее в противоречие с местными культурными и духовными ценностями, возникают новые экономические потребности.

Толерантность коррелируется с правами человека; формируясь в их рамках, она не приемлет неуважения, давления и агрессии. Сознание, наделенное толерантным качеством, порождает у индивида чувство самодостаточности, уверенности в себе, веры в надежность своих жизненных позиций. Вследствие этого индивид становится открытым для других идей и взглядов, не избегает духовной конкуренции и смело соотносит свое мироотношение с ментальными представлениями других.

Толерантность, раскрывающая себя как терпимость в проявлении инаковости, как стремление к взаимопониманию и диалогу, оказывается востребованным качеством образованного и культурного человека, живущего в многогранном социуме. И вместе с тем толерантность не есть однородное явление. Природа ее предстает противоречивой. Анализ функциональных особенностей представленности толерантности в социокультурной коммуникации показывает, что она содержит в себе два противоположных аспекта: конструктивный и деструктивный. Проанализируем каждый из них.

Конструктивный аспект толерантности связан с ее позитивной ориентацией. Коммуникация, так или иначе, предполагает взаимодействие людей в различных информационных пространствах, где происходит встреча их внутренних миров и обмен информацией, влияние на эмоциональное состояние друг друга. Содержательный взаимообмен мнениями и знаниями возможен на базе культурных ресурсов, одной из сторон которых выступает толерантность. На формирование культуры толерантности влияют разные факторы, но оттачивается она в процессах социокультурной коммуникации. Последняя способствует формированию толерантности с морально-нравственной ориентацией, перерастающую в духовную ценность, способную к установлению позитивного коммуникативного процесса, в котором встречаются разные психоментальные системы вкусов, нравов, привычек, мнений, идей и знаний. Субъекты социокультурной коммуникации как носители морально-нравственной толерантности открывают в себе готовность принять другого, «как конкретного, ничем незаменимого в природе, самобытного существа» [4, с. 89], понять его жизнь.

Сказанное дает возможность определить толерантность в социокультурной коммуни-

кации как духовно-культурное качество личности (или социальной группы), связанное с осознанием того, что природная, социальная и культурная реальности многомерны в своем проявлении, поэтому порождаемые ими идеи и представления различны и не могут быть сведены исключительно к одной позиции.

Благодаря толерантному сознанию человек способен на осмысление «свое-чужое», самоидентификацию, признание прав другого человека придерживаться иных представлений и выражать свои взгляды. Оно приобретает свое качество и становится таковым, лишь проходя через эмоциональную перестройку, психологическое напряжение и интеллектуальный труд. Рефлексия над другим также является необходимым актом становления толерантного сознания. В своем становлении сознание нуждается во встрече с другим сознанием, вследствие этого оно приобретает свою онтологическую определенность и выступает как зеркало отражения. У такого сознания открывается возможность взглянуть на себя со стороны другого, но такого же, как оно само. Умение соотносить свои действия с действиями других людей – это искусство, порожденное толерантным сознанием.

Толерантное сознание настраивает человека на признание того, что в обществе живут люди со своим психическим строением, социальными взглядами, мировоззренческими убеждениями, политическими представлениями, экономическими интересами, культурными предпочтениями, обладающие правом на индивидуальность. Такое сознание вырабатывает в людях культуру терпимости и уважения ко всякой инаковости (сопоставимой с содержанием своего мира), настраивает на признание коммуникативного права другого. Конструктивная культура толерантности настраивает субъекта социокультурной коммуникации на сосуществование с другими субъектами коммуникативного процесса, являющимися носителями иных знаковых и информационно-знаниевых представлений об окружающем мире.

В контексте коммуникации и толерантности российское общество является результатом исторически длительного и сложного процесса политического и территориально-географического взаимодействия и интеграции народов. У этих народов формы хозяйствования в различных сферах деятельности взаимодополняли

друг друга. Взаимопереплетение ментальных и духовных структур этих народов в историческом развитии привело к образованию множества уникальных культур, задающих общую систему ценностей и мировоззренческих ориентаций. Вследствие этого Россия стала огромной социально-политической системой, включающей в себя разнообразные географические территории и регионы, характеризующиеся своеобразием этносов, культур и конфессий.

В социокультурно-коммуникативной деятельности российских народов их историческая соотнесенность между собой, ментальное сходство и мировоззренческое родство привели к формированию такой культуры, которая предполагает уважительное отношение к другим идеям, нормам поведения, образу жизни. Благодаря этому достигалось признание права на существование иного, равенства и ценности каждого, принятие многообразия рас, национальностей, религиозной и социально-политической принадлежности.

Многоязычная и многоконфессиональная культура России является показателем успешности диалога в области этнокультурных и межконфессиональных отношений, доверительности и гражданского согласия, в основе которых лежит представления о допустимости инаковости, терпимости и толерантности. Миротворение, демократичность, стремление понять другого, проникнуться его душевным состоянием, плюрализм мышления – все это составляющие ментальности российских народов, выработанные в тесном взаимодействии и сосуществовании на единой территории, в решении социально значимых задач и достижении общественных целей.

В позитивном смысле толерантность выступает важным гуманистическим принципом продуктивной коммуникативной деятельности, на основе которого осуществляется взаимодействие носителей разных языков, культур, религиозных, нравственных и мировоззренческих взглядов. При этом контекст национальной, культурной или другой неприязни исчезает.

Иная ситуация складывается в условиях проявления деструктивной стороны толерантности. В социокультурно-коммуникативной деятельности понятие «толерантность» непосредственно граничит с идеями о свободе слова и правах человека. В функциональной активности они часто оказываются соотнесен-

ными между собой и пересекающимися. Порой в единстве они могут нести в себе определенную опасность для социума.

Негативное проявление толерантности в коммуникативных отношениях предполагает отказ от критичности, дискуссии и несогласия. Если эти условия не выполняются из-за неприемлемости позиций и взглядов оппонентов, то такое несогласие интерпретируется как нарушение прав на свободу слова, на существование иного мировосприятия и миропонимания. Воздержание от критики того, что идет в разрез общечеловеческих и культурных ценностей, отказ от дискуссии по поводу приемлемости и значимости оппозиционных идей и мнений, выражение несогласия с миропониманием другого может быть чревато своими последствиями. Так, проявление толерантности со стороны одного может повлечь за собою вседозволенность со стороны другого. В социокультурно-коммуникативном пространстве постсоветской России такие ситуации являются нередкими. Пользуясь терпением россиян и прикрываясь идеями о свободе слова и правах человека, в Россию проникают: низкопробная литература (восхваляющая «прелести» всего западного мира – образа жизни, культуры, ценностей, идеалов); тоталитарное сектантство (Свидетели Иегова, ваххабизм и др., выступающие против идей и ценностей, свойственных традиционным конфессиям); вредные идеологии (пропагандирующие идеалы потребления, принципы индивидуализма и неограниченной свободы действия); либеральные ценности (способствующие возникновению хаоса в различных сферах общественной деятельности). Такие негативные явления подтачивают фундаментальные устои бытия человека, способствуют разрушению духовных основ и деформированию индивидуального и общественного сознаний.

В российском ментальном и коммуникативном пространстве актуализация и раскручивание идеи толерантности стало происходить в 90-х гг. XX века. Эта идея была привнесена в российскую действительность извне – зарубежными проповедниками-миссионерами религиозного и политического толка с целью релятивизации вековых ценностей российского общества. Обесцениванию подлежали основы русской традиционной культуры, духовно-мировоззренческие ориентации, национальное самосознание и идентичность, историческая

память и конфессиональная принадлежность. Разрушение культурных и духовных ценностей сопровождалось насаждением посредством СМИ и другими способами в жизни россиян внешних, инокультурных ценностей – индивидуализма, карьеризма, культа денег, властолюбия.

В связи с этим следует отметить, что российская нация, несмотря на свою полиэтничность и поликонфессиональность, никогда не нуждалась в такой привносимой извне «ценности», как толерантность. Русской (российской) нации всегда были чужды этнические распри, характерные для Западного мира. В России на почве национальностей не возникали конфликты, типичные для европейских стран.

Как отмечают исследователи, понятие «толерантность» появилось на Западе в эпоху Реформации, в разгар религиозных войн [5]. В обществоведческом лексиконе и коммуникативной деятельности российских народов соответствующий термин отсутствовал до 90-х гг. XX века. Именно в эти годы Западным миром прилагались невероятные усилия по разрушению России по всем направлениям развития ее общественной жизни. В первую очередь велась работа по превращению России в дом псевдодуховности и терпимости ко всему, что экспортировалось Западом в российскую социальную и культурную действительность. Например, терпимость к разграблению российского национального богатства, к уничтожению промышленных мощностей и сельского хозяйства в угоду американских и европейских экономических структур, к пропаганде российскими СМИ западных ценностей, к узакониванию однополых браков, к релятивизации моральных ценностей и т.д.

Зарубежная модель толерантности, использованная с 90-х годов ушедшего столетия в коммуникативных процессах социальной и культурной жизни российского общества, ведет к выхолащиванию из сознания русского духа, уничтожению духовных основ жизни. Российское общество вынуждено молчаливо смириться и бездействовать перед «культурно-эстетическими» извращениями Западного мира, проникающими в нашу жизнь широким потоком. «Новая этика, – пишет один из известных телевизионных критиков, – которую последовательно и планомерно формирует ТВ, исключает милость к падшему и сочувствие пострадавшему, помощь слабому и уважение

к чужому горю. Чувства добрые побуждают сегодня немодно и невыгодно: конкуренты задавят. В моде агрессия, action, эксперименты на выживание в нечеловеческих (якобы) условиях. Одни ради денег и славы готовы жрать живых червей..., опускаться в кишашую крысами яму..., сидеть, подобно зверям в клетке..., другие – ради созерцания чужого унижения и повышения адреналина в крови – жадно смотреть жестокие, но страшно популярные шоу. Ужасы жизни бледнеют перед экранными» [3, с. 12].

Толерантность, привнесенная в нашу страну, создает определенную угрозу безопасности человеческой целостности [1] и России как таковой, ибо провоцирует потерю национальной и культурной идентичности и появление экстремизма. В социокультурной коммуникации толерантность западного образца способствовала распространению на Северном Кавказе ваххабизма. В частности, проявление толерантного отношения со стороны традиционного ислама к иному, внутриисламскому течению и верованию (ваххабизму) привело к дестабилизации социально-политической жизни в Дагестане. Число невинно убиенных священнослужителей и настоятелей мечетей исчисляется несколькими десятками; предпринимались попытки ниспровержения традиционного ислама и светской власти вооруженным путем; в нескольких населенных пунктах были подняты флаги, символизирующие установление власти Исламского государства.

И вместе с тем, несмотря на противоречивый характер диалога российской и западной культур в интенсивно меняющемся мире, усиливаются социокультурные коммуникации между индивидами, народами, государствами, неоднородными в своих мироощущениях и понимании происходящих процессов. Социокультурная коммуникация охватывает широкий диапазон сфер общественной деятельности, функционирование которых невозможно без взаимодействия и информационно-коммуникативных связей людей. Важнейшей проблемой во взаимосотнесенности самых разных людей, социальных групп, сообществ и государств в едином социокультурно-коммуникативном пространстве является избежание конфликтных ситуаций и ведение цивилизованного общения. Категорически недопустимым является использование, особенно на международной арене, двойных стандартов. Возникшая напряжен-

ность в политических отношениях между Россией, с одной стороны, и западноевропейским сообществом во главе с Америкой, с другой стороны, вызвана использованием Западным миром в политической и иной деятельности исключительно двойных стандартов. В лоббировании своих геополитических интересов и стремлении к доминированию над другими странами в принятии значимых решений относительно мировой политики использование аморальных средств является недопустимым.

Что же касается российской действительности, то в последнюю четверть века в нашей стране имели место такие перемены, которые коснулись всех сфер общественной жизни и изменили народ до неузнаваемости. Произошло обрушение образа человека и нравственных ограничителей. На фоне увеличения строящихся церквей и мечетей, произошло падение духовности людей, деформировались чувства святости, стыда, совести, добра и зла. С наступлением в России эры рыночных отношений и частной собственности российский народ, можно сказать, «мутировал» в худшую сторону.

Следует признать, что в современной постсоветской России практически не ведется воспитательная работа с подрастающим поколением. В школах, профессиональных средних образовательных учреждениях и вузах занимаются в основном механическим приобщением обучающихся к знаниям и передачей знания по каналу «учитель – ученик». Но признавать такое положение дел многие не хотят. И на представительных форумах, посвященных проблемам образования, вне обсуждения остаются вопросы нравственности, воспитания, формирования духовности и др.; предпочтение отдается рассказам о мифических успехах в области подготовки супер-специалистов. Игнорирование культурной и духовной составляющей человека системой образования является ошибкой, ибо только духовно богатая личность имеет «возможность свободно и ответственно совершать поступки и определять свой жизненный путь» [2, с. 5–6].

Как нам представляется, многие проблемы, сопряженные с толерантностью, являются следствием деформации культурного и духовного начал. Отсюда возникает важнейшая задача, которую нам необходимо решать вместе, сообща. На государственном уровне следует

разработать идеологию воспитания молодежи, формирования у нее представлений о чести и совести, дружбе и взаимопомощи, порядочно-

сти и человечности, добрососедстве и уважении. Представляется, что тогда отпадет всякая необходимость насаждать толерантность.

Литература

1. Беляев, И. А. Целостность человеческого существа: опыт типологизации / И. А. Беляев // Вестник: ОГУ. – 2009. – № 5. – С. 4–10.
2. Беляев, И. А. Человек и его мироотношение. Сообщение 2. Мироотношение и самоопределение / И. А. Беляев // Научный журнал : КубГАУ. – 2011. – № 73(09).
3. Петровская, И. Круто! Ты попал на ТВ – давай народ поразим / И. Петровская // Известия. – 2002 (2 ноября).
4. Ухтомский, А. А. Избранные труды / А. А. Ухтомский. – Ленинград : Наука, 1978. – 608 с.
5. Хомяков, М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность [электронный ресурс] / М. Б. Хомяков. – URL: <http://www.jourss.ru/2003/4aHomiakov.pdf>.

References

1. Belyaev, I. A. (2009) Integrity of human being: experience of classification [Tselostnost' chelovecheskogo sushchestva], Bulletin of OSU, No 5, pp. 4–10.
2. Belyaev, I. A. (2011) Human being and Attitude to World [Chelovek i yego mirootnosheniye], Scientific journal: CubSAU, No 73(09).
3. Petrovskaya, I. (2002) Cool! You're on TV now – let's impress everyone [Kruuto! Ty popal na TV], Izvestiya, 2 november.
4. Uhtomskiy, A. A. (1978) Selected works, Leningrad: science, 608 p.
5. Homiakov, M. B. Tolerance: paradoxical value [Tolerantnost': papadoksal'naya tsennost'] [dig. res.], Access mode: <http://www.jourss.ru/2003/4aHomiakov.pdf>.

УДК 32.019.5

Н. Р. Хамидуллин, кандидат политических наук, доцент кафедры философии науки и социологии, ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: hamidullin_n@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС»

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется глобальными изменениями, охватившими все сферы жизни человечества. Существенно повысилась роль осознания гражданами политических процессов, складывающихся в отношениях между различными субъектами политики, социальными группами и обществом. Поэтому проведение комплексного и разностороннего анализа политических процессов – насущная задача, которую призваны решать специалисты в сфере социально-гуманитарного знания.

Научное понимание категории «политический процесс» не может быть определено в рамках какой-то одной науки. Установлено, что понятие «политический процесс» – является сложным и многогранным. Оно обычно рассматривается на основании теоретико-систематизирующих знаниях социологии как науки об обществе и фундаментальных знаниях политологии как науки о политике. В результате, политический процесс предстаёт перед исследователем как динамичная область политики, взаимодействие социальных и политических систем, деятельность индивидов, социальных групп и субъектов политики, реализующих свои потребности и интересы во взаимодействии с социальной средой.

Специфический интерес вызывает исследование становления политического процесса, изменения его характера и содержания.

Ключевые слова: политический процесс, интересы и потребности, власть, субъект политики.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется глобальными изменениями, охватившими все сферы жизни человечества. Существенно повысилась роль осознания гражданами политических процессов, складывающихся в отношениях между различными субъектами политики, социальными группами и обществом. Поэтому комплексный и разносторонний анализ политических процессов – насущная задача, позволяющая содержательно и системно изучить функционально-динамические аспекты политической системы общества во взаимодействии с её социальной средой.

Научное понимание категории «политический процесс» не может быть определено в рамках какой-то одной науки, т.к. каждая наука акцентирует свою специфическую точку зрения на осмысления данного понятия и только вместе они способны дать комплексное представление о данном феномене.

Следует отметить, что в научном знании преобладают интересы и потребности человека в оппозиции «индивид-общество», а также характер и направленность этого взаимодей-

ствия в политической жизни. Исходя из этого, актуальность понимания происходящих политических процессов лишь только возрастает в настоящее время, что находит определённое подтверждение в трудах отечественных учёных. Например, в работе руководителя Центра социально-экономических и социально-политических проблем РАН Н.В. Загладина рассматривается проблема недостаточной способности современной социально-политической науки прогнозировать и адекватно реагировать на глобальные и региональные кризисные явления, которую автор изучает в концептуально широком контексте вопроса о влиянии парадигм познания на общественно-политические процессы [3, с. 126].

Концептуальные подходы понимания сущности политического процесса уходят своими корнями в далёкое прошлое. Существенный вклад в развитие социально-политических воззрений о сущности политического процесса внесли мыслители Древнего Рима и Древней Греции (Платон, Аристотель, Цицерон, Полибий и др.). Античная цивилизация предполагала участие граждан в установлении приемлемых форм го-

сударственного устройства в частности. В работе Полибия «История в 40 книгах» рассматриваются формы государственного устройства – три правильные (монархия, аристократия, демократия), и три извращенные (тирания, олигархия, охлократия), которые рождаются, развиваются и, придя в упадок, последовательно сменяют друг друга, образуя единый конституционный цикл в развитии государства [11, с. 534–535]. В результате определяются закономерности единого исторического политического процесса.

Важное историческое значение имеет понимание политического процесса, присущее западным политическим мыслителями XIX–XX вв. Это классические работы К. Маркса и Ф. Энгельса. «Способ производства материальной жизни, – по мнению К. Маркса, – обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [4, с. 7]. Любая социальная проблема становится политической, если её мотивы прямо или косвенно связаны с классовыми интересами, т.е. классовые интересы непосредственно определяют характер политического процесса.

Интересная точка зрения представлена В. Парето. Он считал, что процесс «циркуляции и круговорота элит» отражает развитие общества и прежде всего – его социально-экономический характер. Если правящая элита не способна разрешить возникшие социально-экономические проблемы, то в обществе происходят значительные политические изменения, при этом «элита» рассматривается как субъект и движущая сила политического процесса [6, с. 19–20].

Содержание политического процесса широко представлено в работах М. Вебера. Он раскрыл процесс распределения государственной власти, переход традиционного общества к современному, а также разработал теорию политического лидерства, бюрократии и др.

В фундаментальном исследовании американского политолога и социолога А. Бентли понятие «политический процесс» рассматривается с позиции групп интересов (групп давления), которые являются исходными пунктами любого политического процесса, т.е. его первичными субъектами. Общество – это множество различных групп интересов, каждая из которых претендует на право представлять те или иные интересы граждан в органах власти. По его мнению, группа – это объединение граждан, рассматриваемых не как абстрактная

физическая единица общества, а как массовая деятельность, которая не связывает индивида участием только в одной группе, но допускает его деятельность и во многих других. Нет такой группы, у которой не было бы своего интереса [10, с. 221–222]. Исходя из этого, политический процесс представляет собой взаимодействие групп давления и структур власти.

Аналогичная точка зрения была выражена Д. Трумэнном в работе «Управленческий процесс». Так же как и у А. Бентли, он исследует групповые интересы, борьбу за власть, соперничество и т.п. Однако основной акцент в его теории политического процесса – это уровень стабильности и нестабильности государственной системы в процессе взаимодействия групповых интересов. Согласно Трумэну, под стабильностью понимается устойчивый тип группового взаимодействия.

Особенности развития политических процессов широко представлены Г. Алмондом. Уделив много внимания исследованию политических систем, он полагал, что деятельность отдельных социальных групп (институтов) неразрывно связана с функционированием политической системы в целом. При этом управленческие функции субъектов политики сопряжены особенностями развития политических процессов в условиях динамично изменяющейся социальной среды. Цикл происходящих изменений в политической системе определяет последовательную смену состояния самой системы. По его мнению, в процессе модернизации общества неизбежен переход от «подданнической» к «активистской» политической культуре, предполагающей распространение позитивных ориентаций по отношению к демократической инфраструктуре, принятие норм гражданского договора и развитие чувства гражданской компетентности [2, с. 71].

Значительный вклад в понимание теории политического процесса внесли и другие исследователи, к числу которых можно отнести Т. Парсонса, Д. Истона, А. Гидденса, П. Бурдьё, Б. Г. Питерса и др. В настоящее время теории политического процесса особое внимание уделяют динамическим характеристикам политических изменений в обществе.

Наряду с этим обсуждаемые проблемы разрабатывались М. М. Ковалевским, М. Я. Острогорским, П. А. Сорокиным, А. И. Соловьевым, Н. Е. Тихоновым, Е. Т. Гайдаром и

другими, которые предложили своё видение политического процесса в России.

Для настоящего времени характерно рассмотрение политического процесса на основе анализа взаимодействия социальных и политических структур общества в контексте функционирования государственной власти. Фокус исследовательского интереса направлен на определение характера взаимодействия индивида и общества в социально-политической среде, в основе которой находятся, прежде всего, проблемы самого человека, т.е. его интересы, потребности, возможности самореализации, права и свободы и т.д.

Социально-гуманитарные дисциплины, такие как политология, социология, философия, право, история и другие, совершенствуют категориально-понятийный аппарат, посредством чего обеспечивается качественный анализ политических процессов, а также взаимосвязей индивидов и социально-политических институтов.

Конкретизация результатов философского поиска осуществляется в рамках социологии политики. При этом отчётливо прослеживается взаимосвязь социологии политики с политологией и социологией.

Социология политики, руководствуясь социологическим подходом, рассматривает политический процесс на социетальном уровне, т.е. на уровне общества в целом и совокупности присущих ему институтов, а также исследует влияние политического процесса на общественную систему, учитывая, что интенсивная политизация общественной жизни способствует расширению возможностей анализа политических процессов. Политический процесс предполагает стремление к власти и использование её в своих личных или групповых целях. Идея политического процесса предполагает, что политику можно рассматривать в качестве автономной институциональной сферы [1, с. 334].

Политологический подход сужает предмет исследования, не учитывая при этом специфику и дифференциацию политических процессов. Политический процесс в данном случае понимается как совокупность видов деятельности субъектов политических отношений, отражающих стадии изменения политической системы и направленных на достижение политических целей [7, с. 200–201].

В социологии политики всесторонне обосновывается понятие «политика», которое неразрывно связывается с политической борьбой за власть и с механизмом реализации властных отношений в государстве. В результате определяется содержательная сторона политического процесса, а предмет социологии политики становится значительно шире, проявляя себя на стыке с предметом политической социологии. Такой подход увеличивает возможности социологии политики самостоятельно исследовать политические процессы, но уменьшает её роль в структуре социологического знания.

В данном случае социология политики выступает как специальная социологическая теория, обеспечивающая исследование элементов политического процесса в жизни общества на эмпирическом и теоретическом уровнях. Она регламентирует механизмы принятия политических решений, социально-политическую деятельность взаимодействия различных субъектов политики. Поэтому политический процесс представляет собой реальность, без которой невозможно существование индивида и общества в целом.

Политический процесс рассматривается посредством анализа деятельности политических институтов и социальной структуры общества, что предполагает детальное исследование политического сознания, политического поведения, общественного мнения, норм и ценностей политической жизни. Вследствие этого политический процесс обнаруживает себя через взаимодействие социальных и политических систем, деятельность субъектов политики, ориентированных на реализацию своих потребностей и интересов во взаимодействии с социальной средой.

Специфический интерес социологии политики вызывает становление, изменение характера и содержания политического процесса. Поэтому основное внимание в её рамках уделяется социальным условиям, при которых возникают и функционируют политические институты [5, с. 3].

По мнению отечественных специалистов, социология политики – это одна из отраслей социологии, которая исследует социальные действия и социальные отношения в политической сфере в тесной связи с изучением особенностей политических институтов и

политической культуры в различных странах, а также характера субъективного фактора, т.е. культуры и ментальности политических агентов, который сказывается на выборах конкретных политических стратегий [9, с. 11].

Социологию политики интересует, прежде всего, то как политические процессы влияют на поведение и настроения людей, политическое участие граждан, интеграцию общественной жизни, легитимацию государственной власти, мобильность и т.д. Не случайно Президент РФ подчеркивает: «Сейчас мы видим, насколько активно и конструктивно проявляют себя граждане. Они не только ставят перед властью вопросы, но и сами участвуют в их решении, в решении проблем. Понимают, что от их личных усилий многое зависит» [8].

Таким образом, политический процесс представляет собой сложное и многогранное понятие, которое не может быть определено в рамках какой-то одной науки, так как каждая наука интерпретирует свою специфическую точку зрения в осмыслении данного понятия и только вместе они способны дать комплексное представление о данном социальном явлении.

Понятие «политический процесс» в социологии политики рассматривается под определенным углом зрения и основывается на теоретико-систематизирующих знаниях социологии как науки об обществе и фундаментальных знаниях политологии как науки о политике. Интенсивный процесс политизации общественной жизни способствует расширению возможностей социологического анализа политических процессов.

Литература

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби и др. – М. : Экономика, 2004. – 620 с.
2. Горючкина, К. В. О состоянии разработки проблематики политической культуры Великобритании / К. В. Горючкина // Вестник Омского университета – 2014. – № 2. – С. 69–74.
3. Загладин, Н. В. Новый мир и старые парадигмы его познания / Н. В. Загладин // Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 126–135.
4. Маркс, К. К критике политической экономии : сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 13. – С. 1–167.
5. Масловский, М. В. Социология политики: классические и современные теории / М. В. Масловский. – М. : Нов. учебник, 2004. – 174 с.
6. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 207 с.
7. Погорельный, Д. Е. Новейший политологический словарь / Д. Е. Погорельный и др. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 318 с.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 4.12.2014 г. // Российская газета. – 2014. – 5 декабря.
9. Хамидуллин, Н. Р. Социология политики / Н. Р. Хамидуллин. – Оренбург, 2013. – 133 с.
10. Bentley, A. F. The Process of Government / A. F. Bentley. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard university press, 1967, 502 p.
11. Derow, P. S. Polybius / P. S. Derow // Ancient Writers. Greece and Rome. – New York, 1982, 1002 p.

References

1. Abercrombie, N. (2004), “Sociological Dictionary” [Sociologicheskii slovar’], Economics, Moscow, pp. 620.
2. Goryuchkina, K. (2014), “On development of political culture of the United Kingdom” [O sostoyanii razrabotki problematiki politicheskoy kultury Velikobritanii], Bulletin of Omsk University, No 2, pp. 69–74.
3. Zagladin, N. (2015), “New world and t old paradigm of its perception” [Noviy mir i starye paradigmy ego pozniaya], Political Studies, No 1, pp. 126–135.
4. Маркс, К. А (1955) Contribution on Critique of Political Economy. K kritikye politicheskoi ekonomiki. – М. : Politizdat, V. 13, pp. 1–167.

-
5. Maslowskiy, M. (2004), "Sociology of Politics: Classical and Contemporary theory" [Sociologiya politiki: klassicheskie i sovremennye teorii], A new textbook, Moscow, p. 174.
  6. Pareto, V. (2011), "Transformation of Democracy" [Transformatsiya demokratii], The territory of the future, Moscow, p. 207.
  7. Pogoreliy, D. (2010) "Modern Political Science Dictionary" [Noveyshiy politologitskiy slovar], Phoenix, Rostov-on-Don, p. 318.
  8. President`s Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of December, 4. Rossijskaya gazeta of December, No. 5, 2014.
  9. Khamidullin, N. (2013), "Sociology of Politics" [Sociologiya politiki], University, Orenburg, pp. 133.
  10. Bentley, A. (1967), "The Process of Government" [Process upravleniya], The Belknap Press of Harvard university press, Cambridge, Massachusetts, pp. 502.
  11. Derow, P. (1982), "Polybius" [Polibiy], Ancient Writers. Greece and Rome, New York, pp. 1002.
-

E. V. Astafyev

Candidate of Economic Sciences, Lecturer, Department of Economics and Oil and Gas Company Management,
Ufa State Petroleum Technological University

**ROLE OF ENTERPRISE STRUCTURES IN INNOVATIVE
DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY**

The article considers the innovative development of national economy based on stepping up of economic entities` activity. The necessity to focus attention on the entrepreneurship entities, that need support more than large corporations, was substantiated.

The goal of article is the identification of the main areas for business innovative development support; the tasks are to identify the indicators of innovative activity at the enterprises with different number of employees, to consider the concept "business", to determine the state support factors and measures, influencing favorably the domestic businesses development, to investigate the importance of small enterprises for national economy innovative development, to identify the areas of support and innovation development in small business. When researching the methods of the analysis and synthesis as well as statistical and modeling methods were used.

The aspects under consideration enabled the author to draw a conclusion that stability of national economy depends on the balanced harmonious development of large, medium and small businesses; thus the innovation-oriented companies have a particular importance, being the driving force of economic system innovation development; enterprise structures can be divided into three different groups according to their attitude to the innovations.

Key words: national economy, innovative development, business, susceptibility of innovations.

E. V. Borisova

Postgraduate Student, Department of General Economics, St. Petersburg State University of Economics

**THE FORMATION OF AN INNOVATIVE ECONOMY THROUGH
PUBLIC PROCUREMENT ON STATE PROCUREMENT
IMPORTANCE FOR DEVELOPMENT OF INNOVATIVE
ECONOMICS OF RUSSIA**

The article considers the development of the state procurement system as the essential factor for the development of the innovative economy. The goals of the research are to reveal the tools of state control, to meet the public demands through the principle of contract system "innovativeness of procurement".

Laws of analysis form the methodological framework of the research. and regulations for the state procurement contract system, the works of foreign and national scholars on the issue in question, methods

The relevance of the research is conditioned by the concept that economic growth and industrial upgrading of the Russian Federation is possible due to the state policy aimed at the development of a new structure for the innovative economy.

To meet modern challenges the national innovative economy should develop institutions of governmental control, theoretically conceive and then develop the practical recommendations for purchasing innovative products to satisfy state and municipal demands.

Key words: innovative economy, public procurement, contract system, criteria of products innovativeness.

V. N. Bulgakov

Candidate of Economic Sciences, General Director, Krasnodar Regional Consulting Firm on Rendering Social and Economic Services

**RATIONALITY AND IRRATIONALITY OF EXPECTATIONS
AND MATRIX MODEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES**

The future events expectation plays an important role in identification of enterprise current expectations. According to the uncertainty of the future an enterprise that improves its behavior needs the information which the existing market doesn't provide. At the same time the mechanism of industrial enterprises' sustainable development should consider the rational and the irrational behavior of market participants which finally determine the choice of goals, rationality and irrationality of expectations.

The mechanism of enterprise sustainable development in the conditions of rationality and irrationality of expectations, which is described as a function of the internal and external environment as well as criteria of regulatory stability, is considered. The conclusion is made that economically sustainable development of any region is impossible without sustainable work of enterprises and organizations operating in the region and considering the expectations as the assessment of a certain event probability.

Key words: *rationality, irrationality, expectations, factors, criteria, sustainable development.*

I. N. Domnina

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher of the Centre of federal relations and regional development; Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

L. I. Maevskaya

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher of the Centre of federal relations and regional development; Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

**FORMS OF ATTRACTION OF INVESTMENTS INTO REGIONAL
VENTURE PROJECTS IN NEW ECONOMIC REALITIES**

The article deals with the problem of attracting private capital in the innovation sector of the Russian regions' economy in the deteriorating macroeconomic situation, reduction of investment activity of the institution with the state participation, as well as over-saturation of the innovation sphere with inefficient and often loss-making projects. Particular attention is paid to the venture business and its earliest stages. The authors emphasize the importance of such financial institutions, which are able to not only attract to regional start-ups the funds of private investors, but also to bring the idea into independent business. The paper argues the need for legal registration of the participation of non-professional investors in the investment field through online platforms and proposes measures aimed to stimulate investment attractiveness of regional start-ups.

Key words: *innovation project, regional business angels' network, start-ups, crowdfunding, crowdinvesting, venture business.*

A. A. Mayorov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics, Orenburg State Institute of Management

INNOVATION MANAGEMENT AS TOOL TO UPGRADE INDUSTRY AND SOLVE PROBLEMS IN AGRICULTURE

The article suggests practical recommendations to solve management problems in the agricultural area that can produce an effect on support of the agro-industrial innovative capacity. The essence of crisis factors, impeding the innovation management during economic slowdown 2014-2015 is revealed. On the basis of agro-industrial sector analysis the current processes are considered from the point of the innovative economy, the impact of the crisis factors upon the economic and innovation policy is evaluated.

The article outlines areas, leading to renovation of control standards that influence the control efficiency in agro-industrial complex. The ways of innovation activity, that boost profit growth, are suggested in the article.

According to the article the development of innovation activity provides national self-sustained economic growth, promotes innovations and results in increase of innovative enterprises, enables to solve key managerial problems in national agro-industrial complex.

Key words: *innovation management, agribusiness, management relations, import substitution, innovation processes, the modernization of agriculture.*

A. I. Smetanina

Postgraduate Student, Department of World Economy and Economic Theory, Volgograd State Technical University

ENTREPRENEURSHIP VIRTUALIZATION HYPOTHESIS

The article highlights the key trends in the development of modern business and hypothesizes virtualization of business, according to which modern business is entering a new phase of the development, characterized by virtualization of economic relations, that's why the old methods are not applicable to the evaluation of virtual enterprises.

The article analyzes the evolution of economic systems and business targets, develops the classification of types of business activities by the criterion of the primary factors of production. The factors of virtual enterprise` production are classified, a mechanism of virtual enterprise is identified. The law of virtual economic indicators expansion in economic entities` current economic activity is drawn. The method of virtual implementation is developed. With the help of the conventional method for competitiveness evaluation and virtual implementation method the solvency and virtual enterprise`s investment appeal are estimated.

Key words: *virtualization, business activities, virtual enterprise, the economic system, the virtual capital.*

A. P. Shmarin

Head of Curriculum and Instruction Department, Lecturer, Department of Management and Marketing,
Orenburg State Institute of Management

A. A. Shmarin

General Director of LLC «Autotrade»

**EVALUATION METHOD OF URBAN TRANSPORT
PASSENGERS' RESPONSE TO SOME QUALITY INDICATORS
OF TRANSPORT SERVICES SATISFACTION**

The goal of the research is to investigate the most efficient ways of quality improvement of public passenger transport services.

The indicator of passenger satisfaction is considered to be one of the main information sources about the current quality level. To evaluate the quality the article suggests the passenger interview method based on twenty-six quality criteria within five logical groups.

The criteria are derived in the context of operating standards and demands considering the practice of the Russian scientists. The questionnaire with the list of criteria and parameters "meaningful for me", "current implementation" is used for evaluation.

To minimize the transport costs the article suggests the second questionnaire to determine the satisfaction degree of passengers' response to some transport services quality indicators. The obtained findings enable the transport businesses to develop primarily the areas which are the most important for consumers.

The article recommends to range the evaluation data according to ABC-analysis.

Key words: *passenger carriage, passenger satisfaction, passenger transportation quality.*

A. V. Ivashchenko

Doctor of Engineering, Professor, Department of Information Systems and Technologies, Samara State Aerospace University

O. V. Dvoynina

Postgraduate Student, Department of Information Systems and Technologies, Samara State Aerospace University

A. M. Lednev

Candidate of Engineering, Associate Lecturer, Department of Information Systems and Technologies, Samara State Aerospace University

**PROJECT MANAGEMENT IN COMMON INFORMATION SPACE
OF RESEARCH AND DEVELOPMENT ENTERPRISE IN A BIG
DATA CONTEXT**

The article considers new aspects of project management at a research and development enterprise, taking into account the information concerning their activity in common information space. Data presentation levels of common information space were determined and the architecture of project management system which is based on analysis of key performance indicator's combination in a Big Data context was suggested. The findings were used when organizing project management system in matrix structure of vertically integrated oil company. The analysis of project efficiency before and after application of approach was conducted.

Then the comparative analysis of the projects efficiency implementation before and after application of the considered approach was carried out. Appropriateness of the decision was confirmed with the charts based on the data that were obtained during implementation experiment. Due to the application, the cost and runtime of company's projects significantly decreased.

Key words: *Big Data, common information space, human resources management, research and development enterprise.*

N. Z. Sultanov

Doctor of Engineering, Professor, Head of Department, Department of Industrial Automation System, Orenburg State University

M. V. Ovechkin

Candidate of Science (Engineering), Lecturer, Orenburg State University

E. V. Kostina

Engineer, Production Group «Strela», Orenburg

AUTOMATION MANAGEMENT SERVICE APPARATUS BASED ON THE RECOGNITION OF GRAPHIC DATA

This Article describes the automation management service apparatus based on the recognition of graphic data.

The aim of the article is the presentation of schema integration software based on pattern recognition, control systems serving appliances. This integration will reduce the financial costs of production control by reducing setup time and training of the maintenance apparatus. As an example, consider the processes of diagnostics and control of spot-welds. It is noted that a variety of diagnostic systems technical objects and technological processes control its results are widely distributed in various industries as a graphic data are x-ray products. The circuit integration Manager service device software in the process of x-ray inspection products. Described structural diagram of an automated x-ray inspection products have a modular structure. The conclusion is made about the structure of the software, United by feedback from the nursing staff.

Key words: *service unit, control, recognition, graphic data, control.*

I. A. Apollonov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kuban State Technological University

NATIONAL IDENTITY IN CONTEXT OF HISTORICAL MYTH: BETWEEN FACE AND MASK

The article discusses the features of historical consciousness that is an integral part of a human national identity. The existential-hermeneutic approach to the phenomenon of the personal identity is the methodological basis of the research. The article substantiates the mythological background for the historical consciousness, associated with the sacred significance of the foretime for the human being. The idea of distinguishing between the myth, that reveals the truth of the history and generates human virtues, from the myth that has the form of a historical misconception, giving rise to chauvinism and xenophobia.

The reason for such a distinction is the ideological orientation of the myth. On the one hand, the idea is apophatic, leading above the explicit knowledge about the past. On the other hand, the idea comes down to a particular ideology, which influences the historical facts and sets them into their respective narratives, which become tools of the ideological struggle.

Key words: *national identity; truth of history; historical myth; historical consciousness; historical memory.*

E. A. Bondarenko

Postgraduate Student, Department of Philosophy and History of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture

V. P. Rimskiy

Doctor of Science (Philosophy), Head of Department, Department of Philosophy and History of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture

N. N. Shamardin

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University

METAMORPHOSIS OF INTELLECTUAL PROPERTY IN THE STAGE «COGNITIVE CAPITALISM» OF INDUSTRIAL CIVILIZATION DEVELOPMENT

The article suggests the philosophical, anthropological and culturological criticism of the contemporary neo-liberal and anarcho-individualistic conceptions «human capital» and «knowledge society» in the context of updating K. Marx's classic ideas.

The article substantiates the idea that within the framework of the industrial civilization the intellectual and spiritual products become specific ones, and the cultural (human) capital due to the establishment of legal forms of intellectual property is included into an integrated system of commodity-money economy. In the area of spiritual production the intellectual products as cultural capital come into conflict with the private ownership for means of production and for human capital which is considered as a transformed form of the labour force. It is measured not just by «working time» but also by virtual stock exchange quantitative indices and auction speculations on the sale of cultural goods as well as by accounting of intellectual property at enterprises, and by various ratings in the sphere of culture, science and education.

Thus, quantitative temporal indicators of human capital in «cognitive capitalism» are reflected in the measurement of intellectual labor (intellectual property, stock indexes, citation indexes scientists, image ratings, etc).

Key words: labour power, human capital, human labour, knowledge society, intellectual property, rating.

D. N. Voropaev

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Culture and Religion, Orenburg State Pedagogical Institute

ON DEVELOPMENT OF TERM “NIHILISM” IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE (REVIEW OF ARTICLE BY V. P. ZUBOV «ON ETIMOLOGY OF WORD “NIHILISM”»)

The article makes an attempt to reconstruct the etymology of the term “nihilism”. According to the author the term due to uniqueness of its linguistic usage displays social and cultural characteristics of public consciousness peculiar to the intellectual and ideological culture of Russia during different historical epochs. Though unlike in Europe the phenomenon of nihilism has not been discussed in Russia widely, the essence of the term is still relevant for the contemporary Russian culture and the ambiguous usage of the word induces philosophers to investigate the phenomena over and over again.

Key words: nihilism, history of philosophy, nothing, materialism, idealism.

N. V. Goncharov

Applicant for Candidate Degree, Orenburg State University

**ONTOLOGICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
FOR CONCEPT “INTENTIONALITY” IN PHENOMENOLOGY
OF EDMUND HUSSERL**

The article analyzes one of the key problems in phenomenological philosophy of E. Husserl. The author studies the content of the concept “intentionality”, which is understood as a directed sense-making act of the material and objective reality insight; and considers the ontological and methodological foundations for consciousness intentionality, manifested in the specific connection between the object of cognition and the world that encourages the semantic reality development. The article pays a particular attention to the fact that E. Husserl considered “intentionality” to have an epistemological character, meaning thus that classical phenomenological philosophy overcomes the narrowness of psychological methodology in the study of the nature of consciousness. The article demonstrates that Husserl's phenomenological strategy has a clearly pronounced intention to eliminate the empirical and psychological component from the phenomenological analysis of the cognitive process nature with the view to create a consistent cognitive theory.

Key words: *intentionality, experience, essence, sense-making, intentional objectivity.*

A. M. Maksimov

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department, Department of Philosophy, Orenburg State Agrarian University

I. A. Belyaev

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Orenburg State University

ON ETHICAL MULTIDIMENSIONALITY OF FREEDOM

The article investigates the freedom of a human being as a multidimensional moral phenomenon in its various dimensions. The authors proceed from the idea that the rapidly changing world results in accumulating contradictions and losing the prior relative stability of its fragments. Philosophical comprehension of the ethical component of freedom gives people new choices and awareness of the degree of responsibility for their actions.

Many philosophers have researched the ethical dimensions of freedom. The article does not involve analysis of all ethical vision options of freedom, represented in the philosophical literature. According to the authors, specially selected sources enable to construct a panorama of ethical multidimensionality of freedom, its details can be a landmark for understanding human actions and motives.

Key words: *God, world, man, morality, freedom, multidimensionality, rational, irrational.*

A. V. Molchanov

Lecturer, Department of Philosophy of Science and Sociology, Orenburg State University

ON LONELINESS IN EXISTENTIALISM AND PERSONALISM

The article considers the issue of loneliness in the existentialism and personalism. The analysis of the conceptual development of the notion "loneliness" leads to the conclusion that a problem is rooted in a person in particular and his inner world. A human being is doomed to make a free choice "either-or" imposed by the human inner demand to preserve the inner consistency.

The subjective reality, its comprehension and research caused the content relevance of the definition "loneliness" and acquisition of issues related to the phenomenon "loneliness".

The move of the philosophic thought from the genesis to consciousness and from consciousness as a particular form of genesis to the substantiality of the person and his existential givenness in genesis (existentialism and personalism) resulted in awareness of loneliness relevance.

Key words: *loneliness, alienation, existence, being.*

S. N. Nekrasov

Doctor of Science (Philosophy), Professor, Ural Federal University, Ural State Agricultural University

**DAILY LIFE OF RUSSIA AND INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF SOCIETY**

The scientific culture and the creation of a new world picture will be the main condition for the victory in the battles of the XXI century civilizations for the future. The current stage marks the end of the Enlightenment, with its universal humanistic values and Western humanitarian technologies that gave rise to the project of archaic fascism.

The Western science about society describes the society with the distinguished economic, social and political spheres. The article deals with the question, if the science of this kind enables us to study pre-capitalist, anti-capitalist, socialist societies. These societies saw the development of their own public sciences, which quite successfully provided the sustainable growth and competitiveness of the societies.

As the great powers and great global societies have developed on the great ideas, the question arises, what great idea can emerge in Russia in the context of the current constitutional ban on national ideology. The idea requires the creation of new sciences for the transition to the new world order; which can be compared with the transition from the primitive society to the class-based one.

A new society is being built on neo-industrial basis and Russia as the country-Messiah of the Russian Super-modern project is called to head the mankind on its way to progress and freedom away from natural and social spontaneous forces which lead to regression and fascism.

Key words: *Eurasian society; integration of scientific model; neo-industrial modernization; modern Humanities.*

F. N. Ponosov

Doctor of Science (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Izhevsk State Agricultural Academy

SUBJECTS OF HUMAN COGNITION: STRUCTURE AND SPECIFICITY OF FUNCTIONING

The development of mass media and production have caused global and structural changes of a cognizer. As the notion “cognizer” is being currently specified in modern science, the article considers some of these changes.

The article analyzes structural and functional characteristics of a cognizer. A single person, a group of people, social community or the whole civilization can act as the cognizers and can be classified into mono-subjects and poly-subjects. Mono-subject is a single cognizer; poly-subject is a collective cognizer.

According to the time of existence the cognizers can be divided into synchronous and diachronous ones. Structural elements of a synchronous cognizer exist in one and the same time interval, structural elements of a diachronous cognizer exist in various time intervals.

According to different attitudes to cognition cognizers can be divided into gnoseological, epistemic and syncretic ones. A gnoseological cognizer acquires new knowledge for civilization. An epistemic cognizer uses both current and possible future knowledge. A syncretic cognizer not only acquires new knowledge for the civilization but also uses the current and possible future knowledge of the civilization.

Gnoseological, epistemic and syncretic cognizers` activities are interrelated and influence each other. In the long run the specification of cognizer`s functions contributes to a quicker truth achievement.

Key words: *cognizer, gnoseological, epistemic, syncretic, synchronous, diachronous.*

M. H. Hadzharov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department, Department of Philosophy Science and Sociology, Orenburg State University

ON AMBIVALENCE OF TOLERANCE IN SOCIAL AND CULTURAL COMMUNICATION

The article considers problems of tolerance arising in the process of social and cultural communication. These problems are conditioned by the continuous changes in social reality and search of axiological and integrating foundations for human existence. Culture, being the custodian of the potential values that unite people and consolidate social forces for the sake of achieving socially significant goals and objectives, influences the changes.

The major social and cultural mechanism of interaction between people is the communication serving as mediating link in the system "I'm different". The human existence is inclined to axiological implications and determine the actors' meetings that result in tolerant consciousness-based multifarious activity.

Tolerant consciousness can manifest itself in different ways in the communicative processes. From the constructive perspective it develops understanding and acknowledgement of human diversity and respect to any otherness.

At the same time in the context of inter-civilization interactions, tolerance may threaten the security of the Russian society, culture and cultural identity and encourage the emergence of extremism.

Despite the contradictory nature of tolerance a human being can't be segregated from the society and culture. Therefore, to avoid the negative effects of tolerance the national ideology of youth education, shaping in the young people the ideas of honor and conscience, friendship and mutual assistance, decency and humanity, friendship and respect should be developed.

Key words: actor, social and cultural communication, tolerance, "I'm different", tolerant conscience, spirituality.

N. R. Khamidullin

Candidate of Science (Politics), Associate Professor, Department of Philosophy of Science and Sociology,
Orenburg State University

ON ISSUE OF CONCEPT "POLITICAL PROCESS" CONTENT

The current stage of world community development is characterized by the global changes covering all the spheres of the human life. The citizens awareness of the political processes, that are taking shape between various political actors, social groups and society, has increased, that`s why the comprehensive analysis of political processes is relevant for social and humanities studies.

The scientific insight of the concept "political process" cannot be perceived within the frames of one science; it is a complex and multifaceted concept, which is based on theoretical and systematizing knowledge of sociology and fundamental knowledge of political science. The political process is considered as a dynamic realm of politics, the interaction between social and political systems, the individual activity, the activity of social groups and political actors who pursue their needs and interests, cooperating with the social environment.

The research of political process formation, changes of its nature and content generates interest.

Key words: *political process, interests and needs, power, political actors.*

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ

1. К публикации принимаются научные (практические) и обзорные статьи.
  - 1.1. К содержанию научной (практической) статьи предъявляются следующие требования:
    - во вводной части должны быть обоснованы актуальность и целесообразность разработки темы (научной проблемы или задачи);
    - в основной части статьи путем анализа и синтеза информации необходимо раскрыть исследуемые проблемы, пути их решения, обоснования возможных результатов, их достоверность;
    - в заключительной части – необходимо подвести итог, сформулировать выводы, рекомендации, указать возможные направления дальнейших исследований.
  - 1.2. К содержанию обзорной статьи (обзора) предъявляются следующие требования:
    - в обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и пр.
    - материал должен носить проблемный характер, демонстрировать противоречивые взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.
2. Перечень необходимых данных в статье:
  - УДК, фамилия, имя, отчество автора или авторов (на русском и английском языках);
  - подробные сведения об авторе или авторах: ученая степень, ученое звание, должность, место работы (на русском и английском языках, как в Уставе организации);
  - электронный адрес, адрес для почтовой переписки;
  - аннотация должна содержать краткую версию статьи: цели, задачи, методы исследования, актуальность, основные результаты. (100–250 слов, на русском и английском языках)
  - ключевые слова (4–7 слов) к статье (на русском и английском языке);
  - название статьи (на русском и английском языках);
  - текст статьи;
  - литература на русском языке и на латинице (в романском алфавите, только в одной из принятых систем транслитерации: LC, BGN, Госдепартамента США), не менее 15 пунктов, в т.ч. и иностранная литература. Оформление в соответствии с международным библиографическим стандартом.
3. Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx;
  - Шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал 1,5 pt.
  - Выравнивание текста: по ширине.
  - Поля: левое 3 см, правое 1,5 см, верхнее 1,5 см, нижнее 2 см.
4. Графический материал, должен быть выполнен в графическом редакторе. Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы. Фотографии представленные в статье должны быть представлены так же отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.
5. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из списка литературы.
6. К статье отдельным документом прикладывается анкета с данными об авторе.
7. К статье прикладывается рецензия от оспециализированного специалиста.
8. К статье прикладывается копия квитанции об оплате публикации. Публикация оплачивается только после положительного решения членов редакционной коллегии.
9. Статьи, оформленные без соблюдения данных требований, редакцией не рассматриваются.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Литература

1. Масолов, Н. А. Неравновесная экономика / Н. А. Масолов // Вопросы экономики. – 1997. – № 9. – С. 15–36.
2. Калинина, А. И. Лекции по микроэкономическому анализу / А. И. Калинина, В. А. Петрова. – М. : Наука, 1997. – 650 с.
3. Кобяков, Н. С. Сглаживание динамических рядов / Н. С. Кобяков // Статистический анализ экономических временных рядов и прогнозирование; под ред. В. А. Вахрушева. – М. : Наука, 1973. – С. 106–135.
4. Иванов, В. Н. Социальные технологии : учеб. пособие / В. Н. Иванов, В. Н. Патрушев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Муниципальный мир, 2004. – 448 с.
5. Двинянинова, Г. С. Комплимент : Коммуникативный статус или стратегия в дискурсе / Г. С. Двинянинова // Социальная власть языка : сб. науч. тр. – Воронеж, 2001. – С. 101–106.
6. Livingston, M. Bonds and Bond Derivatives. – Oxford : Blackwell Publishers, 1999. – 363 p.
7. О совершенствовании законодательства Российской Федерации о банкротстве [Электронный ресурс] : доклад к заседанию Правительства РФ 25 ноября 2004 г. – М. : М-во экон. развития и торговли РФ, 2004. – URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/portal/!ut/p>. – Дата доступа: 15.12.2004.

Материалы направляются по адресу: 460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, д. 16
(с пометкой Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции») и по e-mail: ogim_izdanie@mail.ru.
Телефон: 8 (3532) 305-000, доб. 130.

**ПОДПИСКА НА АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ»**

Академический журнал выходит ежеквартально.

Проводится подписка на 2-е полугодие 2015 г.

1 номер – 350,00 руб.,

2 номера – 700,00 руб.

Вы можете выбрать удобный для вас вид подписки.

Подписка на журнал может быть осуществлена:

по каталогу российской прессы «Почта России», подписной индекс – 16478;

через редакцию журнала:

Россия, 460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16,

тел./факс (3532) 305-000, доб. 130,

e-mail: ogim_izdanie@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

ИНН 5609032336 УФК по Оренбургской области
(Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810)

р/с 40501810500002000001

ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург
БИК 045354001

ОГРН 1025600890501

КПП 560901001

ОКПО 11929992

ОКАТО 53401000000

ОКОГУ 13240

ОКВЭД 80.30.10

ОКОПФ 81

ОКФС 12

460038 г. Оренбург ул. Волгоградская 16, тел., факс (3532) 305-000

КБК 000000000000000000130-предпринимательская деятельность

КБК 000000000000000000180-добровольные пожертвования.

Извещение	<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) <u>5609032336</u> <u>№ 40501810500002000001</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)	
	<u>БИК 045354001</u> <u>нет</u> (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»	
	на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)	
	Ф.И.О. плательщика	
	Адрес и номер тел. плательщика	
	Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.	
	Кассир	<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) <u>5609032336</u> <u>№ 40501810500002000001</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)
		<u>БИК 045354001</u> <u>нет</u> (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
		на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)
		Ф.И.О. плательщика
Адрес и номер тел. плательщика		
Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.		
Квитанция Кассир		<u>Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования</u> <u>«Оренбургский государственный институт менеджмента»</u> (наименование получателя платежа) <u>5609032336</u> <u>№ 40501810500002000001</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) УФК по Оренбургской области (Отдел № 8, ФГБОУВПО «ОГИМ» л/с 20536У36810) ГРКЦ ГУ Банка России по Оренбургской обл. г. Оренбург (наименование банка получателя платежа)
		<u>БИК 045354001</u> <u>нет</u> (номер кор./сч. банка получателя платежа) Подписка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
		на _____ номеров 20 ____ года (наименование платежа)
		Ф.И.О. плательщика
	Адрес и номер тел. плательщика	
	Сумма платежа _____ руб. <u>00</u> коп. Сумма платы за услуги _____ руб. ____ коп. Итого _____ руб. ____ коп.	

Интеллект. Инновации. Инвестиции

№ 2, 2015

Верстка – Г. Г. Князева
Дизайн обложки – Д. М. Туйсина
Корректор – В. Г. Ивашина
Ответственный секретарь – Э. В. Савченко

Подписано в печать 08.06.2015. Выход в свет 11.06.2015
Формат 60*84 ¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 20,8. Уч.-изд. л. 22,6. Тираж 250. Заказ № 2593. Цена свободная

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
<http://izdanie.ogim.ru/>

Учредитель и издатель ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»

Издательство/редакция/типография
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента»
460038, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16
Тел./факс: 305-000, доб. 127
